

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ — 1973

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *А. Е. Сорокина, И. Г. Дорфман*

Сдано в набор 22/II 1973 г. Подписано к печати 4/V 1973 г. ФГ 14091. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,6.
Заказ 930. Тираж 4220. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Н. КОНОНОВ

ИЗУЧЕНИЕ «ДИВАНУ ЛУҒАТ ИТ-ТҮРК» МАХМУДА КАШГАРСКОГО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ*

Открытие и издание труда Махмуда Кашгарского «Дивану луғат ит-түрк» явилось в истории тюркологии событием эпохального значения¹. Издание этого «Дивана», осуществленное Килисли Рифатом (Стамбул, 1915—1917), привлекло внимание и русских тюркологов. Первым русским исследователем «Дивана» Махмуда Кашгарского был В. В. Бартольд (1869—1930), о чем свидетельствуют хранящиеся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР (фонд 68, опись 1, № 181) выписки из этого труда, сделанные его рукой и озаглавленные «Обзор содержания Словаря Махмуда Кашгарского и выписки к нему» (1921; заглавие принадлежит, по-видимому, архивариусу).

В конце 1921 г. В. В. Бартольдом на заседании Восточного отделения Русского Археологического общества (ВОРАО) был прочитан доклад, посвященный «Дивану» Махмуда Кашгарского — «Турецко-арабский словарь XI века» («Восток», кн. I. Петроград, 1922, стр. 109).

Материалы, почерпнутые из «Дивана», В. В. Бартольд широко использовал в своих изысканиях по истории тюрков; особенно часты ссылки на Махмуда Кашгарского в его знаменитых двенадцати лекциях по истории тюркских народов Средней Азии, прочитанных в Стамбульском университете в 1926 г.², и в лекциях по «Истории турецко-монгольских народов», прочитанных в Ташкенте в 1926/27 учебном году³.

Русские тюркологи-филологи высоко оценили значение этого памятника для истории тюркских языков. Одним из первых русских тюркологов, положившим начало филологическому изучению труда Махмуда Кашгарского, был С. Е. Малов (1880—1957), поместивший в своей хрестоматии «Образцы древнетюркской письменности с предисловием и словарем» (Ташкент, 1926) несколько стихотворений из «Дивана» с переводом на русский язык; позднее в своем получившем широкую известность труде «Памятники древнетюркской письменности» (1951) С. Е. Малов уделил «Дивану» Махмуда Кашгарского значительное место (стр. 305—315).

Следует отметить важный для истории изучения «Дивана» Махмуда Кашгарского факт: в 1926 г. С. Е. Малов, К. К. Юдахин и Э. А. Шмидт (два тюрколога и арабист) принялись за обработку этого сочинения с целью создать на его основе «Словарь древнетюркского языка». «Этот наш общий труд, — писал С. Е. Малов, — ввиду обе-

* Текст доклада, прочитанного на Тюркологическом съезде в Анкаре (сентябрь 1972 г.).

щанного скорого выхода в свет подобного же словаря проф. К. Брокельмана, изданием отложен»⁴. Словарные карточки остались у С. Е. Малова⁵ и, по-видимому, были включены им в картотеку готовившихся под его руководством материалов для Словаря, которые позднее были использованы при составлении «Древнетюркского словаря»⁶. Среди источников последнего (стр. VII) составители первым назвали «Диван» Махмуда Кашгарского.

Проф. Б. Чобанзаде в докладе «О близком родстве тюркских наречий», прочитанном на I Тюркологическом съезде в Баку, основные свои аргументы черпал из «Дивана»⁷.

Видный советский арабист П. К. Жузе (1871—1942), по происхождению палестинский араб, питомец Казанского университета, профессор Восточного факультета Азербайджанского государственного университета (Баку) посвятил «Дивану» Махмуда Кашгарского обстоятельное исследование⁸.

В 1927 г. татарский ученый Джемиль Валидов в небольшой заметке изложил некоторые сведения о «Диване» и его авторе⁹.

В 1927—1928 гг. известный узбекский филолог А. Фитрат издал в своей хрестоматии стихи и пословицы из «Дивана» в переводе на узбекский язык и с фонетико-грамматическими примечаниями¹⁰.

Должное место отвел «Дивану» в своем библиографическом справочнике А. Е. Крымский¹¹.

Сведения о «Диване» и некоторые биографические данные о его авторе сообщил В. И. Беляев¹².

В середине 30-х годов Азербайджанский филиал Академии наук СССР создал во главе с Х.-С. Ходжаевым комиссию по переводу «Дивана» Махмуда Кашгарского на азербайджанский язык¹³. К 1939 г. перевод был завершен и в том же году отредактирован С. Е. Маловым и А. Н. Кононовым.

В 60-х годах продолжалась работа по совершенствованию азербайджанского перевода и введению русских соответствий; эту работу выполнили известные азербайджанские филологи: А. Демирчизаде, А. Джафар, Дж. Эфендиев (работа находится в печати).

Сведения Махмуда Кашгарского о различных тюркских племенах неоднократно использовались советскими историками (о работах В. В. Бартольда см. выше). И. Н. Леманов перевел из «Дивана» сведения о гузах и туркменах¹⁴.

«Диван» послужил основным источником для большой статьи С. П. Толстова «Города гузов» («Советская этнография», 1947, № 3, стр. 55—102).

Материалы «Дивана» часто являются едва ли не единственным источником сведений о расселении и делении тюркских племен¹⁵.

Личность Махмуда Кашгарского и его «Диван» привлекали и продолжают привлекать внимание советских тюркологов. Общей оценке труда Махмуда Кашгарского, особенно в связи с различными аспектами содержащихся в «Диване» материалов, посвящено значительное число исследований¹⁶.

Перевод «Дивана», осуществленный Бесимом Аталаем и изданный Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu), сыграл особую роль в развитии тюркологии, дав в руки тюркологов глубокий по суждениям и важный по заключающимся в нем материалам труд.

Первым исследованием «Дивана» в приложении к истории одного из тюркских языков, а именно туркменского, была работа, выполнен-

ная С. Ахаллы: «Словарь Махмуда Кашгарского и туркменский язык» (Ашхабад, 1958, 207 стр., на туркменском языке).

В начале 40-х годов к изучению «Дивана» Махмуда Кашгарского с целью его перевода на узбекский язык приступил узбекский ученый С. Муталлибов. Узбекский перевод «Дивана» был успешно завершён и издан в 1960—1967 гг. (I—III тт. — перевод, IV т. — Индекс)¹⁷. К Индексу приложены: «Указатель собственных имен» (стр. 387—391), «Названия народов, племен и родов» (стр. 391—397); «Названия городов и деревень» (стр. 397—401); «Названия стран, округов, долин, ущелий и т. п.» (стр. 401—404); «Названия морей, озер, рек, ручьев» (стр. 404—405); «Названия планет, звезд и времен года» (стр. 405). Затем следуют «Грамматический указатель» на узбекском и русском языках (стр. 406—476), составленный К. Махмудовым, и «Грамматический очерк старотюркского языка XI века» (стр. 479—524, на русском языке), составленный Г. А. Абдурахмановым и Ш. Ш. Шукуровым; в приложении приводятся также пословицы, поговорки и их толкования на узбекском языке.

Переводы «Дивана», выполненные Б. Аталаем и С. Муталлибовым, предоставили тюркологам надежный материал для фонетико-грамматических и лексикологических исследований этого выдающегося памятника и явились надежной опорой для углубленного изучения истории тюркских языков¹⁸.

Одной из актуальнейших проблем тюркологии долгие годы была и остается поныне проблема классификации тюркских языков¹⁹.

Материалы «Дивана» Махмуда Кашгарского и его классификация тюркских языков представляют значительный интерес. А. Н. Самойлович в известной работе «Некоторые дополнения к классификации тюркских языков» (Петроград, 1922, стр. 7) использовал данные Махмуда Кашгарского в целях подтверждения своих положений. Следует отметить также целый ряд новейших работ, рассматривающих основы и принципы классификации тюркских языков, содержащейся в «Диване»²⁰.

Проблема классификации тюркских языков непосредственно связана с другой важной темой — делением тюркских народов по племенным и лингвистическим признакам, первые сведения о которых сообщил Махмуд Кашгарский²¹.

Одним из важнейших вопросов изучения «Дивана» является тщательное исследование метода его автора. Махмуд Кашгарский четко различал внутриязыковые и внеязыковые факторы развития языка, уделив особое внимание влиянию на тюркские языки соседствующих нетюркских языков; сопоставляя факты отдельных тюркских языков, Махмуд Кашгарский скрупулезно отмечает общее и отличное в области фонетики, грамматики и лексики, что дало основание некоторым тюркологам считать его родоначальником сравнительного языкознания²².

Изучение лексики «Дивана» сулит богатые плоды, однако эта благодарная работа пока еще находится в зачаточном состоянии²³.

«Диван» Махмуда Кашгарского, сокровищница разнообразнейших сведений о тюркских племенах и народах, содержит интересные данные и о тюркском поэтическом творчестве²⁴.

«Диван» содержит также, по единодушному утверждению специалистов, важные сведения по исторической географии. «Факты, сообщаемые автором, обыкновенно оказываются заслуживающими доверия и очень часто подтверждаются новыми археологическими открытиями в Средней Азии», — писал академик И. Ю. Крачковский²⁵. Первым русским исследователем так называемой «круглой карты мира», приложен-

ной к «Дивану», был И. И. Умняков, которому удалось прояснить понимание отдельных деталей этого своеобразного географического памятника²⁶.

Последние годы изучением географических сведений, содержащихся в «Диване», успешно занимаются узбекский географ Х. Хасанов и другие советские ученые²⁷.

Свидетельством глубокого и всестороннего интереса к «Дивану» явилась Всесоюзная тюркологическая конференция, посвященная 900-летию этого выдающегося труда. На этой конференции, состоявшейся в городе Фергане (Узбекская ССР) 7—9 октября 1971 г., участвовало 105 ученых из многих городов Советского Союза²⁸.

В деле изучения «Дивана» Махмуда Кашгарского в Советском Союзе, равно как и в других странах, сделано уже довольно много. Однако значительно больше предстоит еще сделать.

Одной из первоочередных задач, стоящих перед советской тюркологией, является перевод «Дивана» на русский язык. Данная задача успешно решается: узбекский филолог А. Рустамов завершил перевод этого памятника на русский язык; причем его перевод основывается на микрофильме с рукописи «Дивана», хранящейся в Стамбуле в Millet Kütüphanesi, так как издание Килисли Рифата, которому тюркологи обязаны первым типографским воспроизведением «Дивана», грешит некоторыми ошибками²⁹. Следует надеяться, что перевод А. Рустамова будет издан в ближайшие два-три года³⁰.

На тюркологах всего мира лежит почетная обязанность и профессиональный долг заняться подготовкой и изданием критического текста «Дивана», что явится лучшим воздаянием памяти великого тюрколога Махмуда Кашгарского, лексикографа и лингвиста, этнографа и фольклориста, географа и историка.

¹ Подробнее об открытии, издании и изучении этого труда в Турции и Западной Европе см.: *M. Şakir Ulkütaşır. Büyük Türk dilcisi Kaşgarlı Mahmut. 2. Baskı. Ankara. 1972.*

² *В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 19—192.*

³ *Там же, стр. 195—229.*

⁴ *С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком языке. — «Записки Коллегии востоковедов», т. III. Л., 1928, стр. 247.*

⁵ См.: «Тюркологические исследования». Сборник статей, посвященный 80-летию академика К. К. Юдахина. Фрунзе, 1970, стр. 5.

⁶ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. IV.

⁷ «Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля—5 марта (1926)». Баку, 1926, стр. 96—102.

⁸ *П. К. Жузе. Thesaurus Linguarum Turcogum. — «Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина. Востоковедение», I. Баку, 1926, стр. 74—94; II, 1927, стр. 27—35.*

⁹ *Дж. Валидов. О Словаре турецких языков Махмуда Кашгарского. — «Вестник научного общества татароведения». Казань, 1927, № 7, стр. 107—112.*

¹⁰ *А. Фитрат. Образцы древней тюркской литературы. Ташкент, 1927 — Рецензия: С. Е. Малов («Записки коллегии востоковедов», Л., 1928, т. III, стр. 213—217). — А. Фитрат. Образцы узбекской литературы, вып. I. Самарканд—Ташкент, 1928 (на узбекском языке).*

¹¹ *А. Е. Крымский. Тюрки, їх мови та літератури, I. Київ, 1930, стр. 192—193.*

¹² «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. М.—Л., 1939, стр. 31—37.

¹³ Подробнее см.: *Халид-Саид Ходжаев. «Дивани лугати тюрк» Махмуда Кашгарского. — «Труды Азербайджанского филиала АН СССР», № 31. Серия лингвистическая. Баку, 1936, стр. 105—112.*

¹⁴ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, стр. 309—313.

¹⁵ *С. К. Ибрагимов, В. С. Храковский. Махмуд Кашгари о расселении племен на территории Казахстана. — «Вестник АН Каз. ССР». Алма-Ата, 1958, № 11, стр. 93—98;*

их же. Материалы из истории образования казахского языка. — «Известия АН Каз. ССР. Серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 2 (10), стр. 94—100.

О делении тюркских племен и языков по Махмуду Кашгарскому см.: В. В. Бартольд. Сочинения. т. V, стр. 205—206; Э. И. Фазылов. Огузские языки в трудах восточных филологов XI—XVIII вв. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 83—97.

¹⁶ С. М. Муталлибов. О словаре Махмуда Кашгарского «Диван-и-лугат-и-турк». — «Известия Академии наук Узбекской ССР», 1947, № 4, стр. 25—30; *его же*. Филолог XI в. Махмуд Кашгарский и его произведение «Диван-и-лугат-и-турк». — «Материалы I Всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте, 4—11 июня 1957 г.». Ташкент, 1958, стр. 884—892; *его же*. Махмуд Кашгарский. — В сб.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, стр. 109—112; *его же*. «Дивану лугат-ит-турк» Махмуда Кашгарского (Перевод, комментарии, исследование). Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1967, 75 стр.; *его же*. «Девону лугатит турк» и его перевод. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 5, стр. 40—44 (на узбекском языке); *его же*. Выступление на конференции в Ашхабаде (октябрь 1959). — В сб.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, стр. 109—112; Х. Хасанов. Махмуд Кашгари. Жизнь и географическое наследие. Ташкент, 1963, 83 стр. (на узбекском языке); М. Томанов. Махмуд Кашгари. — В сб.: «Великие ученые Средней Азии и Казахстана (IX—XIX вв.)». Алма-Ата, 1964, стр. 153—166 (на казахском языке); А. Курьшжанов. Из истории исследования сочинения Махмуда Кашгарского. — «Труды Института языкознания АН Каз. ССР», т. III, Алма-Ата, 1963, стр. 182—189 (на казахском языке); *его же*. О первой исследовательской работе по тюркским языкам (к 900-летию труда Махмуда Кашгари). — «Известия Академии наук Каз. ССР. Серия общественная», 1972, № 1, стр. 79—81 (на казахском языке); Г. Г. Мусабиев. Некоторые сведения о жизни Махмуда Кашгари. — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 48—62; Э. И. Фазылов. Махмуд Кашгари и его «Диван». — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 5, стр. 34—39 (на узбекском языке); *его же*. Знаменитые восточные филологи: Махмуд Кашгари, Абу Хайян, Джамал-ад-дин Турки. Ташкент, 1971, 80 стр.; А. Н. Кононов. Махмуд Кашгарский и его «Словарь тюркских языков». — В сб.: «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки». Тезисы. Л., 1965, стр. 25—27; *его же*. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк». — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 3—17 (в переводе на узбекский язык эта статья опубликована в журнале «Ўзбек тили ва адабиёти», 1972, № 1, стр. 31—38; № 2, стр. 29—35); Э. И. Фазылов, Н. Расулова. Языкознание в Узбекистане за последние годы. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 82—89; Ю.-З. Ширвани. Махмуд Кашгарский и его «Диван лугат ат-турк». — «Шарқ хакикати». Ташкент, 1947, № 3 (35) (на уйгурском языке); А. Т. Кайдаров. Уникальный лексикографический труд. — «Вестник АН Каз. ССР», вып. 2, 1960, стр. 109—111; Ф. Зейналов. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк». — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова». Баку, 1971, № 5, стр. 18—26 (на азербайджанском языке).

¹⁷ Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони (Девону лугатит турк). Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, т. I, 1960; т. II, 1961; т. III, 1963; т. IV (Индекс), 1967.

¹⁸ Э. Р. Тенишев. Указатель грамматических форм к «Дивану тюркских языков» Махмуда Кашгарского. — «Труды Института языкознания АН Каз. ССР», т. III. Алма-Ата, 1963, стр. 190—212; «Тюркские языки в эпоху Махмуда Кашгарского» — глава в книге: Г. Айдаров, А. Курьшжанов, М. Томанов. Древнетюркская письменность. Алма-Ата, 1971, стр. 20—21; 149—190 (на казахском языке); Т. А. Боровкова. О фонетической терминологии в Словаре Махмуда Кашгарского. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1966, № 6, стр. 528—531; *ее же*. О губных согласных в «Дивану лугат ит-турк». — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 24—27; *ее же*. Грамматический очерк языка «Дивану лугат ит-турк». Автореф. канд. дисс. Л., 1966, 15 стр.; *ее же*. К вопросу о долготе гласных в языке «Дивану лугат ит-турк» Махмуда Кашгари. — «Тюркологическая конференция в Ленинграде 7—10 июня 1967 г. Тезисы докладов». Л., 1967, стр. 12—13; У. Н. Валиев. Об аффиксе -чы/-чи в «Девону лугатит турк». — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1964, № 3, стр. 74—76 (на узбекском языке); И. Д. Велиев. Формы выражения прошедшего времени в «Дивану лугат ит-турк» Махмуда Кашгари. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Серия языка и литературы», 1968, № 5; Х. Г. Нигматов. Морфология тюркского глагола по материалам Словаря Махмуда Кашгарского. Автореф. канд. дисс. Л., 1970, 24 стр.; *его же*. Отыменное основообразование тюркского глагола в XI веке. — «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 33—42; *его же*. Опрошение в тюркских глагольных корнях по материалам Словаря Махмуда Кашгарского. — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки». Тезисы. Л., 1967, стр. 27—29; *его же*. О категории наклонения и времени глагола. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 1, стр. 31—34 (на узбекском языке); *его же*. Глагол, его

формы и категории. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1972, № 1, стр. 39—46 (на узбекском языке); Н. Исхакова. Прямое дополнение в Словаре Махмуда Кашгарского. — «Известия АН Каз. ССР. Серия общественная», 1972, № 2, стр. 69—72 (на казахском языке); К. Махмудов. О некоторых согласных в «Дивану лугатит турк» и в «Тафсири». — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1972, № 5, стр. 46—49 (на узбекском языке). Ряд статей о «Диване» Махмуда Кашгарского см.: «Материалы предстоящей XI научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава Каршинского Госпединститута, посвященной 50-летию образования СССР (сентябрь, 1972 г.)». Карши, 1972.

Материалы «Дивана» Махмуда Кашгарского широко использованы в работах: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962 (см., например, стр. 85—88; 124—130); *его же*. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966; Н. А. Баскаков. Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках. — «Труды Московского института востоковедения», 1951, вып. 6, стр. 205—217; *его же*. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961.

¹⁹ Подробнее см.: А. Dilâçar. Türk diline genel bir bakış. Ankara, 1964, стр. 40—70.

²⁰ Х. Нигматов. Классификация тюркских языков XI века Махмуда Кашгарского. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1969, № 4, стр. 51—55 (на узбекском языке); *его же*. Махмуд Кашгарский о тюркских диалектах XI в. — «VI региональная конференция диалектологов СССР». Тезисы. Ташкент, 1970; *его же*. О классификации тюркских племенных языков Махмудом Кашгарским. — В сб.: «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». Л., 1969, стр. 144—147; А. Ишаев. «Девону лугатит турк» и узбекские говоры. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 5, стр. 63—67 (на узбекском языке); Ф. Абдуллаев. Вопрос о месте огузских компонентов в «Девону лугатит турк». — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 5, стр. 51—56 (на узбекском языке); А. Алиев. Употребление отдельных аффиксов в намаганской группе диалектов, встречающихся в «Диване». — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 5, стр. 68—70 (на узбекском языке).

²¹ См. прим. 15.

²² А. Джафар. Из истории применения сравнительно-исторического метода к изучению тюркских языков. — «Материалы I научной конференции востоковедов». Ташкент, 1958, стр. 856—862; А. М. Демирчизаде. Сравнительный метод лингвиста XI века Махмуда Кашгарского. — «Известия Академии наук Азерб. ССР. Серия общественных наук», 1964, № 4, стр. 45—55; *его же*. Сравнительный метод Махмуда Кашгари. — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 31—42; Х. Г. Нигматов. Махмуд Кашгарский о взаимовлиянии тюркских и иранских языков. — В сб.: «Иранская филология». М., 1969, стр. 101—104.

²³ Г. А. Байрамов. Фразеологические единицы тюркских языков в словаре Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-турк». — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Серия языка и литературы», 1966, № 3, стр. 3—12; С. Иброхимов, М. Асомуддинова. XI асрадаг туркий тилларда касбухунар атамалари ва уларнинг «Дивану лугатит турк» да акс этиши. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 5, стр. 57—62; М. Буранов. Чорвачилик лексикасидан. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 5, стр. 70—81; И. Кучкартаев. О глаголах речи в «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгари. — В сб.: «Вопросы узбекской и русской филологии». Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, вып. 412. Ташкент, 1971, стр. 3—15.

²⁴ Текст, транскрипция и перевод стихов из «Дивана» см. в кн.: И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971, стр. 111—279; *ее же*. Синкопирование слов в поэтических текстах «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари. — «Тюркологический сборник, 1971». М., 1972, стр. 206—212; Х. Короглы. Алп Эр Тонга и Афрасияб по Юсуфу Баласагуни, Махмуду Кашгари и другим авторам. — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 108—115.

²⁵ И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. IV. М.—Л., 1957, стр. 268.

²⁶ И. И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира (XI в.). — «Труды Самаркандского государственного педагогического института имени А. М. Горького», I, вып. 1. Самарканд, 1940, стр. 103—132. Рецензию на статью И. И. Умнякова написал С. Л. Волин («Известия Всесоюзного Географического общества», 1941, т. 73, вып. 3, стр. 485—487).

²⁷ Х. Хасанов. Среднеазиатский филолог-географ XI века. — «Известия Узбекистанского филиала Всесоюзного Географического общества», т. V. Ташкент, 1960, стр. 91—100; *его же*. Ценный источник по топонимике Средней и Центральной Азии. — В сб.: «Топонимика Востока». М., 1962, стр. 31—36; *его же*. Махмуд Кашгари. Жизнь

и географическое наследие. Ташкент, 1963, 83 стр. (на узбекском языке); *его же*. Нерасшифрованная надпись на карте Махмуда Кашгарского. — «Известия Академии наук СССР. Серия географическая», 1964, № 6, стр. 107—108; *его же*. Географическое наследие ученых Средней Азии. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1967, 47 стр.; С. Умурзаков. Очерки по истории географических исследований Киргизии. Фрунзе, 1959; М. М. Хачатрян. Карта мира, приписываемая ал-Кашгари. — «Вестник Ереванского университета», 1968, № 1, стр. 193—200 (на армянском языке).

²⁸ Подробнее см.: «Ўзбек тили ва адабиёти», 1972, № 1, стр. 98—101. Основные доклады, прочитанные на конференции, опубликованы в журнале «Советская тюркология», 1972, № 1.

²⁹ Т. А. Боровкова. Относительно первого издания Словаря Махмуда Кашгарского. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 5, стр. 133—135.

³⁰ А. Рустамов. О переводе «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари на русский язык. — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 129—139.

Г. Ф. БЛАГОВА

СТРОЕНИЕ ФОРМ ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ТЕНДЕНЦИЯ К СВЕРХНОРМАЛЬНОМУ ИХ УСЛОЖНЕНИЮ

Размах диалектологических исследований в области тюркских языков обеспечивает почти непрерывный приток нового материала, оценить и обобщить который во всем его богатстве и совокупности диалектологи просто не успевают. В результате, например, структура диалектных форм желательного наклонения, зафиксированных диалектологами в последние годы в большом количестве и кажущихся на первый взгляд весьма разнородными и пестрыми по своему морфемному составу, получается в некоторых работах далеко не единообразное¹, а подчас и вовсе упрощенное истолкование, особенно при попытках реконструировать историческое развитие этих форм.

Между тем, если попытаться свести воедино формы, принадлежащие изучаемой категории и разбросанные по диалектографическим описаниям, а затем осмыслить их с привлечением исторических данных, то желательное наклонение придется расценить, с точки зрения использования его строевых единиц, как систему, весьма последовательную и стройную. При этом раскроются также неожиданно новые аспекты развития этой категории.

I. Желательное наклонение, в состав которого в тюркских языках включаются только формы единственного и множественного числа 1-го лица, представляет собой своеобразную систему, которую можно было бы считать вполне замкнутой, если бы один из характеризующих ее личных показателей (-η) не приводил ее в соприкосновение с повелительным наклонением (этот последний факт, о котором подробнее будет сказано ниже, является, пожалуй, единственным в тюркском спряжении случаем проникновения показателя 2-го лица в сферу 1-го лица).

¹ В своей статье «Задачи сравнительного изучения тюркских языков» («Тюркологический сборник, 1970», М., 1970) Е. И. Убрятова показала «очень большое несоответствие между накопленным фактическим материалом и его использованием как в общетеоретической тюркологической литературе, так и в исследованиях отдельных языков» (стр. 71), и особую важность диалектных материалов для сравнительно-исторической морфологии тюркских языков на примере анализа именно диалектных форм 1-го лица мн. числа желательного наклонения (стр. 72—74). Эти формы в азербайджанском языке явились предметом спора диалектологов и историков языка (ср.: М. Ширэлијев. Азербайжан диалектолокијасынын эсэслары. Баку, 1962, стр. 199; Р. А. Рустамов. Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1964, стр. 73—75). См. также: Г. Ф. Благова. Комбинация аффиксов — исконная урало-алтайская модель или типологический параллелизм? — «Проблема общности алтайских языков. Тезисы докладов на Первой алтаистической конференции... 27—30 мая 1969 г.», Л., 1969, стр. 55—58.

1. Показателями желательного наклонения, так сказать, в чистом виде являются аффиксы *-aj* и *-aly*. Не касаясь весьма специального вопроса о происхождении и природе этих показателей, отметим только, что в ряде тюркских языков и диалектов и тот и другой аффиксы могут передавать без каких-либо иных аффиксальных (лично-числовых) наращений категорию желательного наклонения.

Очень характерна специализация этих двух аффиксов в передаче лично-числовых понятий. Аффикс *-aj* в чистом виде употребляется в подавляющем большинстве случаев для выражения 1-го лица ед. числа. Единственное известное нам исключение отмечено в отдельных туркменских диалектах, где *-aj* в чистом виде используется для передачи 1-го лица мн. числа (*gidäj* 'уйдем же'), в то время как *-aj* в сочетании с кратким показателем 1-го лица ед. числа передает обычно 1-е лицо ед. числа (*alam/aly:m* 'возьму-ка')². В кахском же говоре азербайджанского языка произошла даже числовая нейтрализация *-aj*, снабженного показателем 1-го лица мн. числа *-h* (<*-k*): здесь «в зависимости от стилистических моментов в 1-м лице ед., мн. чисел [желательного наклонения. — Г. Б.] выступает только аффикс *-ah*»³.

В свою очередь, аффикс *-aly* в чистом виде используется преимущественно для передачи 1-го лица мн. числа, а в азербайджанском, туркменском и тувинском — 1-го лица двойственного числа («для выражения действия, относящегося лишь к двум лицам») ⁴. Для обозначения 1-го лица мн. числа этот показатель выступает (нередко — параллельно с другими, наращенными вариантами): в средневековом среднеазиатском тюрки⁵, в азербайджанском и туркменском (исторически), в современном уйгурском, в узбекских говорах (каракульском, огуз-кыпчакских южного Хорезма), в каракалпакских диалектах, в казахских диалектах (южном, изредка — западном, в говорах на территории Каракалпакской АССР, Гурьевской области, Джамбульского района Алмаатинской области, в мангышлакском, урдинском, чуйском), в киргизских диалектах, в диалектах черневых татар. Использование *-aly* в чистом виде для выражения 1-го лица ед. числа отмечено только в отдельных азербайджанских говорах (например, Кахского района Азербайджанской ССР). В раннесредневековых памятниках азербайджанского языка, по свидетельству А. Дж. Ализаде и М. Джахангирова, в функции 1-го лица ед. числа выступала форма *-alup*⁶. Отметим, что при

² См.: Г. Сапарова. Диалект хасарли туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1970, стр. 16; Н. Атамедов. Манышский говор анауского диалекта туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1965, стр. 22.

³ С. М. Моллазаде. Говоры Кахского района Азерб. ССР. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966, стр. 22.

⁴ М. Ш. Рагимов. История формирования наклонения глагола в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1966, стр. 43; М. Т. Агламова. Способы выражения повелительности и желательности в тюркских языках. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 10; Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961.

⁵ См., например: А. Рустамов. Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1966, стр. 44; У. Санакулов. Исследование языка памятника XV в. «Мухакамат-ул-лугатайн» Алишера Навои. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, стр. 21; М. Я. Турабова. Морфологические особенности языка «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 20; Ж. Ланасов. Морфология поэмы «Йусуф-у Зулайхā» Дурбека. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971, стр. 15; Э. А. Умаров. Грамматика староузбекского языка «Мабани ул-лугат» Мирзы Мехдиана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1967, стр. 22.

⁶ См.: А. Дж. Ализаде. Категория числа в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966, стр. 18; Р. Мəһəррəмова, М. Чəһəнкіров. Азəрбajчан диллинн тарихи синтаксиснə даир материаллар. Баку, 1962, стр. 154.

учете единичных случаев использования -aj в чистом виде для передачи 1-го лица мн. числа и, напротив, -aly — для выражения 1-го лица ед. числа — становится объяснимой полная нивелировка показателей -a[y], -al[y], -ale в саларском языке, где любой из них употребляется в желательном наклонении для выражения 1-го лица как единственного, так и множественного числа, само же число определяется соответствующим местоимением: *теп* (*pişer*) *сора/сорал/сорале* 'спрошу-ка я!', 'спросим-ка мы!'⁷.

Необходимо отметить и другое, важное для числовой специализации -aj и -aly, обстоятельство. Дело в том, что -aj, принимая показатели 1-го и особенно 2-го лица ед. числа, исторически и в ряде современных тюркских языков и диалектов может использоваться для выражения не только единственного, но и множественного числа⁸. Что же касается соединений -aly с показателями 1-го или 2-го лица ед. числа, то они передают только 1-е лицо мн. числа. Иными словами: -aj обнаруживает большую нейтральность в отношении к категории числа, в то время как -aly в этом отношении является совершенно определенно маркированной формой. Лишь в единственном случае, который уже и по своему составу является исключительным, сочетание -aly с полным, а не кратким, как обычно, показателем 1-го лица ед. числа⁹ передает пожелание, относящееся именно к 1-му лицу ед. числа: это лобнорские формы типа *јаt-аnі-теп*¹⁰. (В лобнорском, так же как и в саларском, однако в меньшей степени, или, вернее, несколько своеобразно и «однобоко», произошла известная нивелировка единственного используемого там показателя желательного наклонения -aly/-any в отношении категории числа: и число и лицо выражаются здесь лишь посредством соответствующих полных показателей -теп для 1-го лица ед. числа и -һуз для 1-го лица мн. числа, которые в обоих случаях присоединяются к -aly/-any).

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что в общем и целом -aj является признаком желательного наклонения, нейтральным в отношении числа, в то время как -aly уже имеет определенную числовую специализацию: он передает в основном множественное (или двойственное) число желательного наклонения.

2. Для прояснения морфемного состава -aly большое значение имеют некоторые тюркские диалектные формы, в том числе киргизские -ajju, -ajlyk¹¹, с последней из которых совпадает узбекская литератур-

⁷ Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 59.

⁸ Оговоримся при этом, что вообще выражение формой -aj-уп 1-го лица мн. числа достаточно проблематично. Ее как азербайджанскую историческую форму приводят только Х. И. Мирзазаде точно так же, как и форму -aj-уп для 1-го лица ед. и мн. числа (см.: Х. И. Мирзазаде. Историческая морфология азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1960, стр. 24). М. Рагимов, например, отмечает форму -ajуп, как и -ajуп, только в кругу форм 1-го лица ед. числа (см.: М. Рагимов. Азербайжан дилинде фе'л шекиллэринин формалашмасы тарихи. Баку, 1965, стр. 74).

⁹ Я. Экман приводит пример редкого сочетания -au с полным показателем 1-го лица ед. числа -теп — -аупеп из стамбульской рукописи «Yüsuf и Zaliha» Nämidi (см.: J. Eckmann. Chagatay manual. Bloomington, 1967, стр. 155). Значительное число староосманских примеров использования полной формы местоимения wān в 1-ом лице ед. числа желательного наклонения и единичные примеры типа nāilāimin 'что я подедаю' имеются в сочинениях Навои и Бабуря (см.: С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, стр. 227).

¹⁰ См.: У. Асаналиев. Краткий грамматический очерк лобнорского языка. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1967, стр. 26—27.

¹¹ См., например: Н. Бейшекеев. Киргизские говоры за пределами Киргизии. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1965, стр. 23; Т. К. Ахматов. Таласский говор киргизского языка. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1959, стр. 13.

жая форма. Подобные формы подтверждают возможность как вычленения морфемы *-ly*¹² в показателе *-aly*, так и интерпретации *-aly*, как сочетания двух морфем — *-a(j)*¹³ и *-ly*. Достаточно наглядно выраженная числовая специализация *-aj* и *-aly* позволяет рассматривать морфему *-ly* в последнем показателе как своего рода «числовое наращение», указывающее на некое множество¹⁴ (к такому толкованию этой морфемы склонялся В. Котвич, который вполне определенно подчеркивал: «Суффикс *-l*, *-li* выступает только во множественном числе [разрядка наша. — Г. Б.] тюркских форм, иногда самостоятельно, а чаще в сочетании с другими элементами, образуя сложные суффиксы *-līm*, *-līq*, *-līḡ*»¹⁵). Кстати, рассмотрение морфемы *-ly* как показателя множественности (или собирательности) в целом не противоречит общепринятой трактовке *-lyk* (в составе морфемного сочетания *-a[j]-ly-k*) как лично-числового показателя 1-го лица мн. числа¹⁶, отличаясь от последней лишь двучленным делением морфемного сочетания *-ly-k*. Учитывая трехчленное деление морфемного сочетания *-a(j)-ly-k* и факты использования *-a(j)-ly* в качестве показателя 1-го лица множественного (реже — двойственного) числа желательного наклонения в ряде тюркских языков и диалектов, вряд ли возможно рассматривать «форму *-лы/-ли*» как «сокращенную форму» из *-лык||-лік*, возникшую в позднейшее время¹⁷. Напротив, последняя форма, наращенная специальным лично-числовым аффиксом, представляется более поздней, хотя в памятниках древнетюркской письменности зафиксированы именно аффиговые формы.

Если согласиться с двучленным делением *-aly* и считать *-ly* показателем некоего множества, то становится объяснимой способность *-aly* присоединять к себе краткий показатель 1-го лица ед. числа. Причем получившаяся совокупность морфем, как правило, передает значение 1-го лица мн. числа (так выражается множественное число во многих памятниках древней и средневековой тюркской письменности, а из

¹² Ср.: Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 88.

¹³ Формами типа *-aj-ly(-k)* подтверждается также объективность отнесения элемента *-j* к составу именно показателя желательного наклонения, а не лично-числового показателя (ср.: Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в. Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 75, где в качестве аффикса 1-го лица приводится *-jūt* и *-jūp*).

¹⁴ Отнюдь не отождествляя два различных омонимичных показателя (хотя и такое отождествление в свое время производилось, ср., например: В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 82), напомним для сравнения, что именной словообразовательный формант *-lūx* в отдельных словах караимского языка может выступать «в роли показателя множественности» (см.: К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 127). То же явление отмечено в ташкентском говоре узбекского языка (см.: В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Узбек диалектологияси. Ташкент, 1962, стр. 225—226). Различные попытки объяснить происхождение *-l(y)* в составе желательной формы рассмотрены В. Котвичем (см.: В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 263—265).

¹⁵ Там же, стр. 263.

¹⁶ См., например: Э. В. Севортян. Категория сказуемости. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 19; А. Н. Конов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960, стр. 23.

¹⁷ См.: Н. Т. Сауранбаев. О категории лица повелительного наклонения. — «Известия АН Казахской ССР», № 135. Серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2, 1954, стр. 38. Эту же точку зрения разделяет и М. Ш. Рагимов, который выводит *-aly* из *-alyḡ < -alyḡ < -alyḡ* (М. Ш. Рагимов. Указ. раб., стр. 42). Еще чаще все аффиговые показатели желательного наклонения 1-го лица единственного и множественного числа объявляются «арханчными» без какой-либо аргументации (см., например: Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1972, стр. 27).

современных языков — например, в турецком, гагаузском). Использование морфемного сочетания -aj-ut для передачи 1-го лица мн. числа — явление несравненно более редкое, отмеченное только в истории азербайджанского языка, более того, можно сказать, не бесспорное (см. об этом примеч. 8).

Интерпретация -a[j]-ly как двуморфемного и -a[j]-ly-k как трехморфемного сочетания, с одной стороны, и способность -aj присоединять к себе показатели 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа в разнообразных вариациях [см. в нижеприводимой схеме типы (I. 1, 3, 5, 7), (II. 1, 3, 5), (III. 1, 2, 3), (IV. 1)] — с другой, сами по себе не допускают сугубо фонетического объяснения возникновения формы 1-го лица мн. числа -aj-uk в результате якобы того, что «звук l выпадает также в глагольном окончании 1 л. мн. числа желательного наклонения» (gylajyq < qylajlyq)¹⁸. Ф. А. Абдуллаев предположил еще более «сильное фонетическое изменение» в кыпчакских говорах узбекского языка, не уточняя при этом деталей этого эволюционного «изменения» и практически относя к последнему разные по своему морфемному составу типы желательных форм, а именно: *бар-гай-лың* > *барайлың* > *барай-лык* > *барайткъ* > *бартъкъ* 'пойдем-ка мы'¹⁹.

3. Наши наблюдения позволяют предположить существование в тюркских языках двух способов формирования желательного наклонения.

Первый — это тот, о котором выше уже шла речь: то есть при помощи -aj образуется 1-е лицо ед. числа, а при помощи -aj-ly — 1-е лицо мн. числа. Теоретически при этом способе для числовой дифференциации могут оказаться достаточными уже приведенные два показателя — именно так обстоит дело в современном уйгурском языке (jazaj 'напишу-ка' — jazajli 'напишем-ка')²⁰, аналогичные примеры можно найти также в языке произведения Навои²¹ и в южном диалекте казахского языка²². Чаше же -a-ly в чистом виде в 1-м лице множественного числа соседствует с формой на -aj, при которой имеется краткий показатель 1-го лица единственного числа. Именно такое соотношение наблюдается, например, в южных и западных казахских диалектах и говорах, в огузско-кыпчакских говорах южного Хорезма²³, в сарыг-югурском²⁴ и тувин-

¹⁸ Ср.: Х. Д. Данияров. Фонетические особенности бахмалского говора. — «Труды Узбекского государственного университета им. А. Навои». Новая серия, № 91. Филологический факультет, кафедра узбекского языка, 1959, стр. 78.

¹⁹ Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967, стр. 117. Выдвинутая Ф. А. Абдуллаевым гипотеза о происхождении q < η обнаруживает известный параллелизм с предложенным М. Ш. Рагимовым развитием η > g в тех же желательных формах (М. Ш. Рагимов. Указ. раб., стр. 42). Обе гипотезы, не предлагая сколь угодно развернутой аргументации, не проясняют «загадочности» (по выражению В. Котвича) происхождения форманта -q, который, как известно, в желательных формах «встречается только во множественном числе в сочетании с суффиксами -ai и -al.

причем одинаково часто и с тем и с другим»; нелишним будет напомнить также, что «это абсолютно тот же элемент, который в комплексе личных суффиксов специальных представляет собой формант 1 л. мн. ч.» (В. Котвич. Указ. раб., стр. 265).

²⁰ Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 93.

²¹ См.: А. Рустамов. Указ. раб., стр. 44. Однако здесь соотношение «чистых форм» типа mast olaj 'да буду я пьяным' — qojaly 'да положим' осложняется одновременным присутствием «наращенной» формы для 1-го лица ед. числа типа poʻ etajin 'да буду пить'.

²² См.: С. Аманжолов. О диалектной основе современного казахского языка. — «Известия АН Казахской ССР». Серия филологии и искусствоведения, вып. 3—4, 1955, стр. 17.

²³ См.: Х. Бабаниязов. Фонетико-морфологические особенности кыпчакских говоров южного Хорезма. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 31.

²⁴ Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 32, 33.

ском языках, а также в диалектах черневых татар. В ташкентском говоре узбекского языка — наоборот: $-(y)j$ в 1-м лице единственного числа используется в чистом виде, а во множественном числе необходимо присоединение лично-числовых показателей $-(y)jluw/- (y)jnuw/- (y)nuw-zā$ (ср. в алтайском: $-aj-yn$ в единственном числе и $-a(j)ly, -alyk$ во множественном числе). Еще более распространенным является одновременное присоединение соответствующих показателей 1-го лица (а иногда — одного и того же аффикса 1-го лица ед. числа) как к $-aj$, так и к $-a(j)ly$. В современных турецком и гагаузском языках (а из памятников средневековой письменности, например, в «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сараи) в обоих случаях присоединяется краткий показатель 1-го лица единственного числа: $-aj-yn$ в единственном числе и $-aly-m$ во множественном числе²⁵ (ср. $-aj, -aj-yn$ для выражения единственного числа и $-a-ly-m$ для множественного числа в языке «Кутадгу билиг»). В целом же для мамлюкско-кыпчакского характерно наличие $-aj-yn$ в единственном числе и $-a-ly-m$ наряду с $-a-ly-q$ — во множественном числе²⁶. В ряде других языков дополнительное формальное размежевание по признаку числа проводится более четко: в единственном числе к $-aj$ прибавляется $-m$ (для юго-восточных языков — вариант $-n$), а во множественном числе к $-aly$ присоединяется краткий показатель 1-го лица мн. числа $-k, -q$. Так, например, в узбекском (где параллельно представлена также форма $-aj-uk$), в киргизском, алтайском, в туркменском литературном языке $-aly$ получает еще наращение $-η$ (1-е лицо ед. числа $al-aj-yn$ — 1-е лицо мн. числа $al-aly-η$), как, впрочем, и в тувинском, в котором происходит дополнительное наращение числового показателя (в единственном числе $al-aj-η$, во множественном числе $al-yu-ly-η-ag$). Назовем этот способ образования желательного наклонения со всеми его разновидностями **а с и м м е т р и ч н ы м**; числовая дифференциация образуемых форм здесь производится самими показателями наклонения.

Второй способ формирования желательного наклонения — это последовательное и вполне симметричное использование для образования форм 1-го лица, как единственного, так и множественного числа, только лишь показателя желательного наклонения $-aj$ (или в редких случаях — $-aly/-anu$). При этом для числовой дифференциации оказывается необходимым привлечь дополнительно краткие лично-числовые показатели — $-m(-n)$ в единственном числе и $-k$ во множественном. Этот способ назовем **с и м м е т р и ч н ы м**.

Симметричное образование форм 1-го лица единственного и множественного числа [$-aj-yn(-un)$ для 1-го лица ед. числа и $-aj-uk$ для 1-го лица мн. числа] представлено преимущественно в кыпчакских языках: в караимском и его диалектах, в башкирском, татарском, в диалекте западносибирских татар и языке барабинских татар, в крымскотатарском, карачаево-балкарском, кумыкском, ногайском, казахском, в смешанных говорах узбекского языка — кыпчакско-огузских говорах южного Хорезма, в туркестанском и западноферганском говорах. Иное соотношение показателей лица в шорском: $-aj-yn$ для единственного числа и $-aa-η$ для множественного. Симметричное образование 1-го лица единственного и множественного числа отмечается в некоторых

²⁵ Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 75. Для средневекового хорезмийско-тюрокского формы типа $-ajyn$ — $-alyn$ считаются более редкими, нежели $-ajyn$ — $-alyn$ (см.: J. Eckmann. Das Schwarezmtürkische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 129, 130).

²⁶ См.: O. Pritsak. Das Kiptschakische. — Там же, стр. 79.

огузских языках: по вышензложенному правилу — в азербайджанском и его диалектах, в том числе в тавризском, а также в говоре ставропольских туркмен; совершенно особым способом (о нем см. выше) — в отдельных туркменских диалектах, хасарли и анауском (маньшский говор). В лобнорском симметричное образование форм желательного наклонения осуществляется принципиально по-другому — с использованием в обоих числах лишь одного нейтрализованного в числовом отношении показателя *-aly* (в обоих случаях с ним сочетаются полные показатели лица): *-a-ly-men* (в результате регрессивной ассимиляции может быть *-an-men*) для единственного числа и *-a-ly-byz* для множественного.

Гораздо обычнее и распространеннее, однако, не «чистые» типы симметричного и асимметричного способов образования желательного наклонения, а смешанные в самых различных пропорциях и соотношениях (об этом см. ниже).

4. Нуждается в уточнении вопрос об аффиксе *-up* в составе показателя *-a[j]up*. Отдельные исследователи интерпретируют *-up* всего лишь как «усилитель» значения желательности²⁷, гипотетически возводя его к «аффиксу *-yup*»²⁸. Изучение структуры форм желательного наклонения в общетюркологическом аспекте убеждает в справедливости иной, более распространенной точки зрения, трактующей *-up* в составе желательной формы как «остаток местоимения *-mān*»²⁹ (или, другими словами, «как элемент первого лица» единственного числа). Именно такая трактовка не входит в противоречие со стандартной структурой желательных форм: *-aj/-aly* + лично-числовой показатель. Интерпретация же *-up* как «усилителя» грамматической семантики ставит форму *-ajup* в совершенно исключительное и изолированное среди прочих желательных форм положение.

Помимо приведенного нами собственно-структурного аргумента в пользу трактовки *-up* как показателя 1-го лица ед. числа в литературе уже приводился факт субституции звука *t* посредством *n* как в ауслаутной позиции (например, для разбираемой желательной формы в хуламо-безенгийском диалекте и черекском говоре карачаево-балкарского языка; ср. там же явление полной ассимиляции в вопросительной форме *bağajupnu* «пойти ли мне») ³⁰, так и в прочих позициях³¹. По-видимому, с подобным же явлением, еще более затемненным процессами стяжения и контаминации, мы встречаемся в «огузской» отрицательной форме настоящего-будущего времени 1-го лица ед. числа типа *bilman* «я не

²⁷ См., например: Я. Г. Гулямов. Грамматика ташкентского говора, ч. I. Ташкент, 1969, стр. 121. Напротив, А. М. Щербак полагает, что «наличие двух вариантов аффикса 1-го лица [-aj] и -ajup. — Г. Б.] не связано с выражением каких-либо дополнительных оттенков...» (А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 156).

²⁸ М. А. Батырова. Повелительное наклонение глагола в русском языке в сопоставлении с повелительно-желательным наклонением в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965, стр. 18.

²⁹ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 227.

³⁰ А. М. Аппаев. Карачаево-балкарский язык и его диалекты. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 11.

³¹ См.: Н. К. Дмитриев. Материалы по османской диалектологии. Фонетика «кармалицкого» языка. — «Записки Коллегии востоковедов [при Азиатском музее АН СССР]», IV, Л., 1930, стр. 137; В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Указ. раб., стр. 144; А. Тургунов. Фонетическая структура балыкчинской группы говоров узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969, стр. 19; Н. Ахмедов. Диалектизмы в речи учащихся и методы их устранения. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 11.

знаю³². В письменных азербайджанских памятниках XV—XVI и частично XIX веков «в ед. числе 1-го лица наблюдается употребление *н*, как элемента первого лица, например: *кәлиран, алыран* и т. д.»; подобное употребление сохранилось ныне в зангянском диалекте (Иран) азербайджанского языка³³.

Примечательно, что в языке Рабгузи формы *-ајуп* и *-ајуп* могли употребляться параллельно, в одном и том же значении³⁴. В языке орхоно-енисейских памятников, как и в древнеуйгурском языке, существовала известная грамматическая специализация: *-уп* выступал в морфемном сочетании *-ај-уп* для передачи 1-го лица ед. числа, а *-уп* — в составе *-а-ly-т* для передачи 1-го лица мн. числа³⁵. На почве перехода *-уп* > *-уп* могло произойти переосмысление *-уп* как показателя 2-го лица ед. числа, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему развитию *-уп* > *-уң*³⁶, как это можно видеть, например, в андижанском говоре узбекского языка, в котором, однако, морфемное сочетание *-ајуң* продолжает функционировать в кругу форм 1-го лица ед. числа³⁷.

II. Попытаемся теперь суммировать отмеченное в различных тюркских языках и диалектах многообразие форм желательного наклонения 1-го лица мн. числа, сведя их в схему, впрочем, не претендующую на исчерпывающую полноту, и классифицировать эти формы по некоторым конструктивным типам. Подчеркнем при этом, что использование в парадигмах изучаемого наклонения разнородных грамматических средств обусловило в ряде случаев столь тесное сращение приметы наклонения и лично-числовых показателей, что их четкое разделение подчас стало затруднительным. Ниже в качестве спрягаемого глагола нами берется *al-* 'брать, взять'.

(а) *-ај* — показатель наклонения + нулевой лично-числовой показатель;

(б) *-а(j)-ly* — показатель наклонения + показатель множества (или «двойственного числа»);

(I. 1) *al-ај-уп*, то есть (а) + аффикс 1-го лица ед. числа (азерб. истор., по X. И. Мирзазаде);

³² А. М. Шербак, по-видимому, склонен считать, что личное оформление здесь отсутствует (см.: А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 167). Иного воззрения придерживался И. И. Ильминский, который ввел эту форму в регулярную парадигму спряжения (см.: N. Ilminsky. Ueber die Sprache der Turkmen. — «Mélanges asiatiques», t. IV. St.-Pb., 1863).

³³ X. И. Мирзазаде. Указ. раб., стр. 24.

³⁴ У. Мирзакаримова (см.: У. Мирзакаримова. Морфологические особенности «Кисаси Рабгузи». Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969, стр. 23), к сожалению, не сообщает частотные характеристики той и другой форм. А ведь именно количественная сторона использования этих форм представляет тем больший интерес, что форма на *-ајуп* признается «для староузбекского языка нетипичной» (А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 156): в «Бабур-наме», например, эта форма единична на фоне широко распространенных *-ај* и *-ајуп*.

³⁵ См.: В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 58, 59; его же. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 68, 70.

³⁶ М. Ш. Рагимов придерживается диаметрально противоположного мнения: «При учете данных исторической фонетики тюркских языков [эта сторона аргументации осталась нераскрытой. — Г. Б.] нетрудно догадаться, что *н* и *г*, которые выступают в формах *-алын* и *-алыг* показателями 1-го лица, являются дериватами древней фонемы *нг*: он предлагает схему развития *алыг* > *алың* > *алын* > *алы* и *алыг* > *алыг* (М. Ш. Рагимов. Указ. раб., стр. 42). Необходимо отметить, что при таком подходе остается необъясненной лично-числовая соотносимость в аналогичной по своей структуре паре *-ај-уп* и *-ај-уң*.

³⁷ С. Иброҳимов. Узбек тилининг андижон шеvasи. Тошкент, 1967, стр. 217.

2) al-aly-m, то есть (б) + аффикс 1-го лица ед. числа (орх.-тюрк., Махм. Кашг., «Кутадгу билиг»; азерб. истор., средневек. тюрки; турецк., гагаузск.);

3) al-a(j)-η, то есть (а) + аффикс 2-го лица ед. числа (шорск., хакасск., зап.-сиб.-татарск. — тоболо-иртышский диалект, тюменский говор; уйгурск. — турфанск. наречие; трухменск.; азерб. истор. и диалектн. — карягинские говоры);

4) al-aly-η, то есть (б) + аффикс 2-го лица ед. числа (средневек. тюрки; узб. диалектн.; туркменск.; азерб. диалектн. — апшеронск.);

5) al-a(j)-уq, то есть (а) + краткий аффикс 1-го лица мн. числа (якутск., казахск., к.-калп., узб., башк., татарск., томско-татарск., каримск., кумыкск., трухменск.; азерб. диалектн.);

6) al-a(j)ly-q, то есть (б) + краткий аффикс 1-го лица мн. числа (алтайск., кирг., казахск., узб. лит.; узб. диалектн. olajnu-k, olajlu-w; совр. уйгурск.; уйгурск. кашгарск. ketini-k);

7) al-a-wuz, то есть (а) + полный аффикс 1-го лица мн. числа (турецк. и азерб. истор.);

8) je-î-li-biz, то есть (б) + полный аффикс 1-го лица мн. числа (лобнорск.).

(II. 1) al-a(a)-η-(п)аг, то есть (I.3) + аффикс мн. числа (шорск., хакасск.);

2) al-yuly-η-(l)аг, то есть (I.4) + аффикс мн. числа (тувинск.);

3) al-aa-q-tar/al-aj-ak-lar, то есть (I.5) + аффикс мн. числа (говоры алтайского языка; башкирские говоры южного диалекта, бурзянск. говор; зап.-сиб.-татарск. — тарск. говор);

4) al-aaly-k-tar, то есть (I.6) + аффикс мн. числа (алтайск.);

5) al-a(j)-(y)γ-uz, то есть (I.5) + архаический аффикс мн. числа -uz³⁸ (башкирск. диалектн. — вост. диалект, кзыльск., казмашевск., бурзянск. говоры; азерб. диалектн. — сальянск. диалект);

6) al-ujnu-wz-ä, то есть (I.8) + аффикс мн. числа [-wzä < miz-lar]³⁹ (узб. диалектн. — ташкентск. говор).

(III. 1) al-a(y)-γ-уη, то есть (I.5) + аффикс 2-го лица ед. числа (азерб. диалектн. — кубинск., зангеланск., мингечаурск., джебраильск., имишлинск.; нижнеалкаинское турецкое наречие, турецкая речь населения сел. Гюллю-булах Амассийского р-на Армянской ССР; зап.-сиб.-татарск. — тоболо-иртышск. диалект, томско-татарск.; якутск.);

2) al-aj-yq-lar-уη, то есть (II.3) + аффикс 2-го лица ед. числа (зап.-сиб.-татарск. — тоболо-иртышск. диалект);

3) al-aj-yq-уη-uz, то есть (I.5) + аффикс 2-го лица мн. числа (акногайский диалект ногайского языка).

³⁸ С учетом того, что в некоторых тюркских диалектах (например, в карягинских говорах азербайджанского языка) -uz является аффиксом 2-го лица мн. числа, возможно, и в данной форме этот аффикс нужно рассматривать в том же качестве. Тогда тип (II.5) предстанет как разновидность типа (III.3).

³⁹ См. такое истолкование узб. (ташк.) -ваз у А. М. Щербака (А. М. Щербак. Формы числа у имен в тюркских языках.—«Вопросы языкознания», 1970, № 3, стр. 88). По-видимому, возможно также толкование -ваз < -в [< k] - [y] з-лар, особенно если учесть встречающиеся в миришкарском и бешкентском говорах параллельные формы типа биз йоздүв/биз йоздүвүз (см.: С. Иброҳимов. Ўзбек тилининг Бешкент район шевалари юзасидан кузатишлар. — «Ўзбек диалектологиясидан материаллар», I. Тошкент, 1957, стр. 290; Д. Абдурахмонов. Бешкент шеваси. — «Ўзбек тил ва адабиёти» (далее — ЎТА), 1964, № 2, стр. 62; ср. также: Ш. Шоабдурахмонов. Етакчи ўзбек шаҳар шевалари классификацияси масалаласи. — ЎТА, 1965, № 1, стр. 33).

(IV. 1) *al-aj-yq-lag-yŭ-yz*, то есть (II.3) + аффикс 1-го лица мн. числа + архаический аффикс мн. числа *-yz* (башкирск. диалектн. — икско-сакмарский говор южного диалекта, по сообщению Н. Х. Ишбулатова).

III. 1. Таким образом, предлагаемая схема, типологически резюмирующая возможные способы образования тюркских форм 1-го лица множественного числа желательного наклонения, показывает довольно стройную картину «нагнетания» последовательно по восходящей кривой лично-числовых и личных показателей, а также показателей множественного числа — современного *-lag* с его вариантами и архаического *-yz* (см. типы II и особенно — III, IV). Заметим, однако, что представленное в схеме последовательно усложняющееся наращивание лично-числовых показателей может быть прослежено, как правило, по различным тюркским языкам и диалектам. В пределах одного языка все или заметная часть ступеней такого наращивания бывают представлены редко.

2. Можно выделить три способа сверхнормального усложнения форм желательного наклонения: наращение — помимо уже имеющегося личного или лично-числового показателя — а) показателя множественного числа (II.1—6); б) еще одного показателя лица или лично-числового показателя (III.1—3); в) одновременно еще двух разнородных показателей множественного числа (современного *-lag* и архаического *-yz*), дистантно друг от друга расположенных, и показателя лица (IV.1). Первый способ усложнения присущ формам как на *-aj*, так и на *-a(j)ly*; второй и третий — только форме на *-aj*.

Как мы видим, при почти равных (хотя в ряде случаев и семантически дифференцированных) возможностях морфемной сочетаемости *-aj* и *-aly* с лично-числовыми показателями (1-го лица ед. и мн. числа *-m*, *-q*; 2-го лица ед. числа *-ŋ*) способностью присоединять к себе целые цепочки лично-числовых показателей, а также аффиксов множественного числа (современного *-lag* с вариантами и архаического *-yz*) в особо высокой степени обладает форма на *-aj* (см. типы II. 1, 3, 5; III. 1—3; IV. 1). Эту повышенную способность в данном случае можно, по-видимому, объяснить тем, что языковое сознание ощущает числовую немаркированность формы на *-aj* и стремится восполнить ее иными средствами. Напротив, языковое восприятие формы на *-a(j)ly* как уже имеющей характеристику некоего множества препятствует присоединению к ней особо усложненных цепочек аффиксов с неоднократно повторяющимися показателями множественного числа.

Любопытно, однако, что дополнительному наращиванию показателей множественного числа и сверхнормальному нагнетанию дополнительных и повторяющихся лично-числовых и числовых показателей подвергаются формы на *-aj* и *-a(j)ly*, снабженные показателем 2-го лица ед. числа *-(y)ŋ* (типы II. 1—2) и особенно — кратким показателем 1-го лица мн. числа *-q* (типы II. 3—5; III. 1—3; IV. 1, причем в сверхнормальном усложнении участвуют те же показатели — чаще 2-го лица ед. числа, иногда и мн. числа, гораздо реже — 1-го лица мн. числа); дополнительному наращению аффикса множественного числа поддается также и форма с полным показателем 1-го лица мн. числа (тип II. 6).

3. Для желательных форм 1-го лица мн. числа, имеющих в своем составе морфему *-ŋ*, возможность присоединения еще и аффикса множественного числа, по-видимому, создается благодаря влиянию анало-

гни, точнее — переносу правил, действующих в одной системе, на другую систему⁴⁰. Дело в том, что -η в системе повелительного наклонения используется по своему прямому назначению как показатель 2-го лица ед. числа; для передачи 2-го лица мн. числа применяется морфемное сочетание -η+показатель множественного числа -lar (или: -ηuz). В системе желательного наклонения -η перенесен в сферу выражения инклюзивного 1-го лица мн. числа⁴¹, или, по О. Есперсену, «приблизительного мн. числа», то есть такого, которое представляет собой побуждение к совместному действию для «я+один или более не-я»⁴². При необходимости акцентирования в инклюзивном 1-ом лице мн. числа участия «многих не-я», естественно, используется то же морфемное сочетание -η+-lar⁴³ (типы II. 1—2; гораздо реже — -уη-uz: тип III. 3), что и в системе повелительного наклонения.

Самый факт проникновения «чистого» показателя множественного числа в систему желательного наклонения создает здесь основу для возможного расширения сферы применения этого показателя. По аналогии с инклюзивным 1-ым лицом мн. числа получает возможность присоединять аффикс -lar (реже — архаический -uz) также и эксклюзивное 1-е лицо мн. числа, передаваемое посредством форманта -q, -k, а иногда и форманта -wuz- < -tuuz (ср. типы II. 3—6). При этом необходимо отметить, что в других наклонениях показатель (полный) 1-го лица мн. числа также может принимать аффикс множественного числа -lar (см., например, в тарском говоре тоболо-иртышского диалекта сибирских татар наличие наряду с alaj-yq-lar также ala-bys-lar⁴⁴, ср. также хакасск. (качин.) ragca-bys-tar).

4. В принципе почти одинаковые возможности форм на -aj, -aly в отношении их морфемной сочетаемости с лично-числовыми показателями 1-го лица единственного и множественного числа -m, -q/-k и 2-го лица единственного числа -η в разных тюркских языках реализуются по-разному, причем в ряде случаев различия морфемных сочетаний дифференцируются также и семантически, продолжая оставаться в пределах одной языковой категории. В тех тюркских языках и диалектах,

⁴⁰ Если представить формы множественного числа желательного и повелительного наклонений всех трех лиц в единой парадигме, как это делается в некоторых исследованиях (иногда — в целях удобства подачи материала), то в отдельных тюркских диалектах можно наблюдать максимальное разнообразие способов числового выражения и их морфологической противопоставленности, например, множественное число в отдельных узбекских говорах: 1-е л. — bagujk, 2-е л. — baguηnar, 3-е л. — baguŷsyn (см.: К. Мухамеджанов. Туркестанский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, стр. 22; ср.: А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1960, стр. 31).

⁴¹ С точки зрения описанного выше строения форм множественного числа желательного наклонения попытка представить формы, имеющие разные структурные компоненты, как развившиеся одна из другой: др.-уйг. al-aly-m > [«Огуз-наме»] al-aly-η > чагат. al-aly (см.: А. М. Шербак. К истории узбекского литературного языка древнего периода.—В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 321)— не может быть призвана адекватной действительному развитию этих форм.

⁴² О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, стр. 220.

⁴³ Именно такое значение желательных форм 1-го лица мн. числа на -ηaj отмечается в качинском диалекте хакасского языка: такие формы «обозначают совместное действие неопределенного множества лиц с участием говорящего» (см.: Д. Ф. Патачакова. Способы выражения категории множества в качинском диалекте хакасского языка. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», X. Серия филологическая, 1964, стр. 10).

⁴⁴ См.: Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 45.

где одновременно наличествуют различные типы морфемных сочетаний для выражения 1-го лица мн. числа (инклюзивного и эксклюзивного), с возможным стиранием в дальнейшем (а иногда — и полной нейтрализацией) этой семантической дифференциации, создается почва для контаминирования двух разных лично-числовых показателей в пределах одной желательной формы множественного числа (типы III. 1—3). Например, в тюменском говоре тоболо-иртышского диалекта сибирских татар наряду с желательными формами 1-го лица мн. числа *alaj-uq* и *alaj-uŋ* существует также контаминированная форма *alaj-uŋ-uŋ*⁴⁵. В случае необходимости подчеркнуть в этой желательной форме множественность «не-я» или же акцентировать почтительность в обращении к этим «не-я» может быть использован при контаминации показатель 2-го лица мн. числа, например: (III. 3), то есть *al-aj-uq-up-uz* в акногайском диалекте ногайского языка.

Наличие в одной желательной форме двух кратких аффиксов 1-го лица множественного числа при дистантном их расположении (они разделены показателем множественного числа *-lag*: тип. IV. 1), если обратиться к показаниям различных тюркских диалектов, находит аналогию в изъявительном наклонении. Так, в говоре ставропольских туркмен (как и в некоторых говорах диалекта южных йомудов)⁴⁶ параллельно с обычной формой *aldür-ys* употребляется плеонастическая форма *aldür-s-uq*, возникшая в этом окраинном говоре на почве конкуррирования туркменских вариантов показателя 1-го лица мн. числа — лит. *-(y)s* и диалектн. *-(y)q* — в условиях неодинакового охвата этими показателями туркменского спряжения по различным диалектам⁴⁷. Сходные условия конкуренции полного (*-ybus*) и краткого (*-yк*) показателей 1-го лица мн. числа в чаткальском говоре киргизского языка и в горноалтайском языке⁴⁸ не привели, однако, к возникновению плеонастических форм. Как контаминацию подобного же рода можно рассматривать в ташкентском говоре узбекского языка форму *ol-yjп-uw-zä* (параллельно употребляются *olyjluw/olyjnuw*) 'возьмете-ка'. Я. Г. Гулямов полагает, что такая форма появилась «в результате смешения показателей мн. числа 1-го лица *-luw/-nuw* (в желательном наклонении) и *-wuz, -wuzä* (в изъявительном наклонении)»⁴⁹. В староосманском подобная контаминация двух личных показателей происходила на почве параллельного функционирования нескольких разновидностей аффик-

⁴⁵ Исходя из такой структуры желательной формы целесообразно принять толкование Е. И. Убрятовой (см.: *Е. И. Убрятова*. Указ. раб., стр. 73, 74) якутской формы *baŋ-ya-ŋ-uŋ* как имеющей в своем составе показатель желательного наклонения (*-ya*) и два показателя лица — 1-го лица мн. числа (*-ŋ*) и 2-го лица ед. числа (*-uŋ*). Гипотеза О. Бётлингга, которой придерживается и Е. И. Коркина, о том, что «в основе обоих вариантов 1-го лица мн. числа [*baŋyaŋ, baŋyaŋuŋ*. — Г. Б.] ...лежит причастие на *-yaŋ*» (см.: *Е. И. Коркина*. Наклонение глагола в якутском языке. М., 1970, стр. 151—152), изолирует эту якутскую форму с точки зрения ее структуры от всех подобных тюркских форм.

⁴⁶ С. Куренов. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1959, стр. 18 и сл.; С. Ахаллы. Словарь Махмуда Кашигарского и туркменский язык. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1958, стр. 11.

⁴⁷ См.: Г. Кульманов. Геокленский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1960, стр. 8, 15. Ср. также: «Грамматика туркменского языка». Ашхабад, 1970, стр. 474. Форма *jâz-âg-ix* отмечена в тавризмском диалекте азербайджанского языка (см.: Р. Султанов. О книге д-ра Надира Вазин Пура «Структура глагола в тюркском языке (с точки зрения языковедения)». — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 122).

⁴⁸ См.: Э. Абдулдаев. Чаткальский говор киргизского языка. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1957, стр. 14 (*baŋatuyk/baŋatuybus, baŋur žürük/baŋur žüröbüs* и т. п.).

⁴⁹ Я. Гулямов. Указ. раб., стр. 121.

сов 1-го лица ед. числа (-mäp, -van, -up, -vam, -am) — -van-up (bařa-gig-van-up 'я добываю')⁵⁰. Огузская отрицательная форма настоящего-будущего времени 1-го лица ед. числа в азербайджанских диалектах (нухинском, ордубадском) и говорах (зангеланском, в говорах Таузского района Азербайджанской ССР и Сисианского района Армянской ССР) стала присоединять к себе дополнительно показатели 1-го лица ед. или мн. числа (keřtäpäät 'я не пройду', keřtäpäh 'мы не пройдем'). Это явление нашло отражение в письменных памятниках азербайджанского языка начиная с XVIII в.⁵¹ Особый интерес с этой точки зрения представляют отдельные случаи переосмысления и своеобразной нейтрализации аффикса -тап в выражении лица, в результате чего -тап может присоединять к себе также показатель 2-го лица ед. числа, как, например, в азербайджанских говорах Кахского и Таузского районов (азерб. isdämäp-äñ 'ты не хочешь'), в говоре алили туркменского языка⁵² и в ряде узбекских говоров⁵³.

IV. Уже сам материал, обобщенный в схеме, достаточно ясно показывает распределение типов по языкам и отдельные наложения форм одного ареала на формы другого. Взаимодействия внутри ареала становятся еще более очевидными при обращении к смешанным типам желательного наклонения внутри глагольной системы сперва одного, а затем другого языка того же ареала, например среднеазиатского. Так, в казахском и его диалектах представлены формы al-aj (в южном диалекте), al-aj-up в единственном числе и al-aly [(б), в южном диалекте, изредка — в западном диалекте], al-aj-yq (I. 5), al-aly-q (I. 6) во множественном числе. В узбекском литературном — al-aj-up для единственного числа и al-aj-yq (I. 5), al-aly-q (I. 6) для множественного числа; в диалектах в целом — (б) bogajly/baraly, (I. 6) bog+äjly-k/bog-ajnu-k/bog-ajlu-w, (I. 4) bog+ajnu-ñ⁵⁴, а в отдельных узбекских говорах наблюдаются иные соотношения типов: в западноферганских (кыпчакских и смешанных) говорах -uj, -uj-up в единственном числе и -uj-ux (I. 5), -ujly-h (I. 6) во множественном числе; те же (I. 5) и (I. 6) в миришкарском говоре (Бешкентского района); в узбекских говорах южной Каракалпакии⁵⁵ — -ly (б) и -ujq (I. 5)⁵⁶. В ферганском говоре уйгуров числовое противопоставление -aj (а) — ajly (б) под узбекским воздействием осложнилось наличием форм -aju-p для 1-го лица ед. числа и -ajly-k/-ajnu-k (I. 6), -aly-ñ/-ajnu-ñ для множественного числа⁵⁷ (I. 4).

⁵⁰ М. Mansuroğlu. Das Altosmanische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», I, стр. 172.

⁵¹ Х. И. Мирзазаде. Указ. раб., стр. 26.

⁵² См.: И. Г. Джафаров. Говоры Таузского района. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 9.

⁵³ См., например: Ш. Носиров. Қўқон шевасининг баъзи морфологик хусусиятлари. — УТА, 1964, № 3, стр. 60; Д. Абдурахмонов. Указ. раб., стр. 61; К. Назаров. Қазни шевасида эгалик аффиксларининг формалари. — УТА, 1963, № 5, стр. 57: «Ўзбек диалектологиясидан материаллар», I, стр. 170; II. Тошкент, 1961, стр. 195—199, 366.

⁵⁴ См.: Ш. Шоабдурахмонов. Ўзбек тилининг диалектологик атласи. — УТА, 1969, № 3, стр. 37. Форма -ajnu-ñ отмечена в карабулакском говоре, ее разновидность -aly-ñ — в отдельных огузских говорах Турткульского района (Южная Каракалпакия).

⁵⁵ В последних двух случаях, как и во многих других, исследователи приводят формы множественного числа, не отмечая при этом форм единственного числа. При наличии вариантов их количественные характеристики, как правило, не приводятся.

⁵⁶ То же соотношение типов (б) köğ-ö-li и (I. 5) köğ-ö-ök 'посмотрим-ка' представлено в диалектах черневых татар.

⁵⁷ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов, стр. 27—28.

В каракалпакском — единственное число -aj-уp, множественное число -aj-уq. В туркменском литературном языке единственное число выражается формой -aj-уp, множественное число — -aly-η (I. 4); исторически могли употребляться наряду с (I. 4), но гораздо реже (б) -aly, (I. 2) -aly-m⁵⁸. В тувинском (при ед. числе -yj-п) произошла семантическая дифференциация форм, имеющих в своем составе морфемное сочетание -yul(y): (б) -yuly/-yul закрепилось за двойственным числом, (II. 2) -yuly-η-ag — за множественным. В киргизском литературном языке (как в иссыккульском говоре) для множественного числа представлены типы (б) -aly и (I. 6) -aly-k, а, например, в киргизских говорах за пределами Киргизии — (б) -ajly, (I. 5) -aj-уk и (I. 6) -ajly-k; сходная картина наблюдается в чуйском и южных говорах, где -ajly имеет к тому же вариант -aly. В алтайском языке и его диалектах для множественного числа используются типы (б) -aly, (I. 5) -aa-k и (I. 6) -a(j)ly-k, (II. 4) -aly-k-tar⁵⁹. Особенно высокая степень смешения наблюдается в языковых памятниках разных периодов. Еще в начале XX в., например, в языке узбекской периодики параллельно употреблялись типы (I. 2) -aly-m, (I. 6) -aly-q (сочетание именно этих двух типов было характерно для мамлюкско-кыпчакского языка) и (I. 5) -aj-уq⁶⁰. В чагатайских памятниках соотношение типов оказывается индивидуальным чуть ли не для каждого автора. Так, в «Бабур-наме» для единственного числа используются -aj, -aj-уp, редко -aj-уm, для множественного числа — типы (I. 4) -aly-η и (I. 5) -aj-уq, а в написанном современником Бабура Мухаммедом Салихом «Шейбани-наме» — формы -aj, -aj-уp для единственного числа и тип (б) -aly для множественного, то есть так же, как в «Мухакамат ал-лугатайн» Навои и в «Мабани ул-лугат». Любопытно, что различия в соотношении типов имеются даже в двух сочинениях Абу-л-Гази-хана, изданных по разновременным рукописям. В «Родословном древе тюрков» для единственного числа отмечена форма -ajуп, для множественного — типы (б) -aly, (I. 4) -aly-η, (I. 6) -aly-q⁶¹, а в «Родословной туркмен» — -ajуп, редко -ajум в единственном числе и типы (б) -aly, (I. 4) -aly-η во множественном⁶². Этот последний пример как бы подтверждает предположение А. М. Щербака о том, что «обилие однотипных форм объясняется отражением языковых особенностей переписчиков»⁶³. Не следует, однако, забывать и о том, что даже современным языкам и особенно диалектам среднеазиатского ареала в довольно высокой степени присуще смешение разных типов передачи множественного числа желательного наклонения.

Даже если допустить некоторый языковой произвол переписчиков, нельзя не заметить, что в памятниках чагатайской литературы желательное наклонение выражается весьма различно. Это может свидетель-

⁵⁸ См.: М. Н. Хыдыров. Туркмен дилиниң тарыхындан материаллар. Ашгабат, 1962, стр. 119, 120. Соотношение типов (I. 4) -aly-η и (I. 2) -aly-m, по-видимому, связанное со смысловым различием, было свойственно языку Рабгузи, а типов (б) и (I. 4) — языку Дурбека.

⁵⁹ Н. П. Дырленкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 156, 160.

⁶⁰ См.: Б. Турдиалиев. Морфологические особенности языка периодической печати 1905—1917 гг. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969, стр. 21; его же. Матбуот тилининг жонли шевааларга муносабати ҳақида. — УТА, 1969, № 5, стр. 76, 77.

⁶¹ См.: С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана. Ташкент, 1969, стр. 166.

⁶² А. Н. Кононов. Родословная туркмен, сочинение Абу-л-Гази-хана хивинского. М.—Л., 1958, стр. 150, 151.

⁶³ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка, стр. 157.

ствовать, с одной стороны, об индивидуальном преломлении у каждого автора исконного и письменно-традиционного материала, а с другой — об отсутствии установившихся норм литературно-письменного языка.

Таким образом, фронтальное исследование форм желательного наклонения в тюркских языках и диалектах с привлечением исторических данных должно способствовать единообразному истолкованию структуры этих форм во всех их разновидностях. Это тем более важно, что у изучаемых форм, принадлежащих к одному из наиболее экспрессивных наклонений, наблюдается (преимущественно в диалектах) тенденция к сверхнормальному усложнению — наращиванию цепочек различных, часто разнородных лично-числовых и числовых показателей. Эту тенденцию питает прежде всего сама специфика желательного наклонения, а также наличие аналогии в соприкасающихся системах желательного и повелительного наклонений, выражающейся в перенесении правил, действующих в одной системе, на другую. Немаловажно отметить также, что тенденция к указанному сверхнормальному усложнению развивается в условиях сосуществования вариантных форм желательного наклонения в пределах одного языка, чаще — диалекта.

Фронтальное описание форм желательного наклонения (особенно множественного числа) наглядно выявляет их распределение по языкам; смешение и соотношение различных типов образования форм множественного числа позволяет более обоснованно говорить о взаимодействиях и взаимовлияниях тюркских языков внутри отдельных ареалов.

Показательно, что соотношение таких типов в средневековых языковых памятниках оказывается неодинаковым, глубоко индивидуализированным чуть ли не для каждого из них. Уже на основании этого факта можно говорить о языковой неоднородности и слабой нормализованности языка даже памятников, относящихся примерно к одному периоду и ареалу.

При написании данной статьи помимо научных грамматик тюркских языков и названных выше работ нами были использованы следующие диалектографические и специальные исследования: «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959; «Башкирская диалектология». Уфа, 1963; Н. А. Баскаков. Об особенностях говора северокавказских туркменов (трухменов). — В сб.: «Языки Северного Кавказа и Дагестана», вып. II. М.—Л., 1949; *его же*. Диалекты черневых татар. М., 1966; Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963; Т. И. Гаджиев. Морфологические особенности говоров Джебраилского района. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова. Серия гуманитарных наук», 1961, № 3 (на азерб. яз.); Е. В. Гудиашвили. О некоторых глагольных формах в нижнепалкинском турецком наречии. — «Труды Института языкознания АН Грузинской ССР. Серия восточных языков», II, 1957; С. С. Джикия. К образованию повелительного наклонения в турецких диалектах Восточной Анатолии. — «Сообщения АН Грузинской ССР», т. V, № 8, 1944; В. Т. Жангидзе. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965; Ж. Досқараев, Ф. Мусабиев. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері. I. Алматы, 1951; Ж. Досқараев. Краткий очерк о южном диалекте казахского языка. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии», вып. 4 (29), 1946; А. П. Дульзон. Диалекты татар-аборигенов Томи. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. XV, 1956; А. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, ч. I. Алма-Ата, 1969; Ф. Қалиев. Қазақ диалектологиясының мәселелері. Алматы, 1960; С. Куренов. Демиргазык Кавказ (Ставрополь) түркменлерінің геплешигинде ишлигиң шерт, ислег-бүйрук формаларынын айратынлығы. — «Известия АН Туркменской ССР», № 4, 1959; С. Омарбеков. О глагольной форме на -лы в разговорной речи. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», вып. 2 (18), 1961; Е. Жубанов. О некоторых лексико-грамматических особенностях языка эпоса «Козы Корпеш — Баян Сулу». — Там же, вып. 3 (22), 1962; В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1952; Р. Рүстәмов. Губа диалекти. Баку, 1961; *его же*. Азәрбајҹан

дли диалект вэ шивэлэриндэ фе'л. Баку, 1965; *Д. Т. Тумашева*. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961; *Г. Бакинова, С. Кондучалова, С. Сыдыков*. Кыргыз тилинин чүй говору. Фрунзе, 1959; авторефераты кандидатских диссертаций: *Б. Б. Ахмедов*. Говоры окрестностей города Мингечаура. Баку, 1967; *Г. А. Багиров*. Говоры азербайджанского языка Сисианского района Армянской ССР. Баку, 1966; *С. М. Бехбудов*. Зангеланский говор азербайджанского языка. Баку, 1966; *А. Борибаев*. Языковые особенности урдинских казахов. Алма-Ата, 1966; *Т. Б. Гамзаев*. Ордубадский диалект. Баку, 1960; *М. М. Джафарзаде*. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка. Баку, 1969; *Н. Джунусов*. Казахский переходный говор на территории Каракалпакской ССР. Алма-Ата, 1965; *М. И. Исламов*. Нухинский диалект. Баку, 1961; *С. А. Калмыкова*. Акногайский диалект ногайского языка. М., 1965; *И. М. Мамедов*. Карягинские говоры азербайджанского языка. М., 1958; *К. Т. Рамазанов*. Сальянский диалект азербайджанского языка. Баку, 1956; *Э. Ю. Уразов*. Узбекские говоры южной Каракалпакии. Ташкент, 1966; *И. И. Шамсиддинов*. Каракульский говор узбекского языка. Ташкент, 1965.

С. Н. ИВАНОВ

К ИСТОЛКОВАНИЮ КАТЕГОРИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Категория принадлежности как строевая категория тюркских языков не получила еще обобщенного теоретического определения. Хотя частные вопросы, связанные с функционированием притяжательных аффиксов, более или менее изучены, однако даже в специальных трудах, посвященных категории принадлежности, часто отсутствует ее синтетическая характеристика¹. Иногда категория принадлежности определяется лишь в связи с ее «ближайшим» значением — семантикой реальной принадлежности, что отчасти объясняется и давлением термина, принятого для обозначения данной категории.

Настоящая статья представляет собой попытку дать обобщенную грамматическую квалификацию категории принадлежности на материале турецкого языка. Обобщение при этом мыслится как интеграция грамматических свойств категории принадлежности, проявляющихся в ее строевой роли в составе слова, словосочетания и предложения.

Грамматическое определение той или иной категории должно опираться на прочную теоретическую основу. Применительно к грамматическим формам ею может быть диалектико-материалистическое положение о форме как структуре содержания², а применительно к многозначности грамматических форм — положение диалектической логики о соотношении общего и единичного.

Если содержание грамматической формы складывается из ее значений, то под структурой содержания следует понимать систему этих значений в их взаимных отношениях, в противопоставлении друг другу (в пределах каждой отдельной формы и в рамках категории в целом) и в связях с другими явлениями языка. Именно связями — синтагматическими и парадигматическими — и определяются значения грамматической формы, они выводятся из этих связей. «Синтаксические отношения формы всегда согласны с нею самою: она ведь и узнается по этим отношениям»³.

¹ Подробнее об этом см.: С. Н. Иванов. [Рец.:] С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1960, № 1, стр. 203—205.

² См., например: Н. Ф. Овчинников. Категория структуры в науках о природе. — В сб.: «Структура и формы материи». М., 1967, стр. 43.

³ А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, тт. I—II. М., 1958, стр. 50—51.

Диалектико-материалистическое положение о форме как структуре содержания вполне согласуется с ранее предложенным автором этих строк толкованием многозначности грамматических форм и категорий, связанным с диалектическим пониманием общего как системы, в которую включены единичные явления⁴. При таком подходе к проблеме грамматической полисемантической постулируется факт обязательного наличия у любой грамматической формы общего (инвариантного) значения, понимаемого не как абстрактный одинаковый непротиворечивый элемент, присутствующий во всех частных значениях, а как конкретная система частных значений, содержащая в себе диалектическое противоречие. Инвариантное общее значение — система частных значений — представляет собой сущность грамматической формы, проявляющуюся в частных значениях, то есть в отдельных явлениях. Грамматическая форма как вещь, предмет (в философском понимании) обладает свойствами (значениями), которые проявляются в ее отношениях (парадигматические и синтагматические связи данной формы)⁵.

Категория принадлежности в составе слова. Аффиксы принадлежности, будучи противопоставленными друг другу по значению лица (и числа), обозначают в составе слова отношение к лицу, осложненное семантикой притяжательности. Существующие определения категории принадлежности как совокупности аффиксов, выражающих отношение обладаемого к обладателю, неправомерно акцентируют значение реальной принадлежности, которое в действительности является лишь одним из многих значений данной категории⁶. Этому способствует, как уже говорилось, и сам термин, как бы слегка затушевывающий грамматическую природу притяжательности, которая во всех языках, где она получает то или иное выражение, имеет более широкую семантику, нежели чисто владельческое отношение (ср. русск. *мой стол, твоя рука, его начальник, наше отсутствие, ваш гнев, их предположение* и т. п.). Ср. следующее употребление аффиксов принадлежности в турецком языке: *İkisi de şekerlerini karıştırdılar* (Nazım Hikmet) 'И они оба размешали сахар'; *Kimimiz kavurma kuralım, der, kimimiz sucuk yaralım* (Aziz Nesin) 'Давайте-ка кто-нибудь из нас приготовит кавурму, — говорит он, — а другие — суджук'. Аналогичное употребление аффиксов принадлежности отмечалось и ранее, но такому использованию категории принадлежности, как и некоторым другим ее особенностям, не уделялось достаточного внимания при грамматическом истолковании и обобщенной характеристике данной категории.

Э. В. Севортян указывает, что «в современных тюркских языках аффиксы принадлежности могут передавать в реальном смысле прямо противоположные отношения», и приводит примеры, соответствующие турецким *evim* 'мой дом' и *ülkem* 'моя страна'⁷. Н. К. Дмитриев тоже отмечал, что «термин „принадлежность“, конечно, условный. Он передает не только понятие собственности в его юридическом смысле, но и целый ряд логических отношений, основанных на органической связи

⁴ См.: С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 8—26.

⁵ См.: там же.

⁶ См.: Э. В. Севортян. Категория принадлежности. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. М., 1956, стр. 43.

⁷ См.: там же.

одного предмета с другим»⁸. В самом деле, в турецком языке, как и в других тюркских языках, возможна широкая градация частных значений категории принадлежности: *defterim* 'моя тетрадь', *eserin* 'твое произведение', *ismi* 'его имя', *bakanımız* 'наш министр', *bulunmamanız* 'ваше отсутствие', *memleketleri* 'их страна' и т. п.

Среди аффиксов принадлежности своеобразным характером отличается аффикс 3-го лица, что неоднократно отмечалось исследователями⁹. В составе слова он по существу не различается по числам (в отличие от аффиксов первых лиц). В словах типа *evleri*, *kitapları*, когда лицо не выражено дополнительно местоимением, аффикс множественного числа *-lar/-ler* обозначает обычно не множественное число категории лица, а множественность предметов, к которым относится аффикс лица: «его дома», «его книги». Как будет видно из дальнейшего, эти два факта — широкое значение притяжательности и известное обособление аффикса 3-го лица — являются весьма существенными для понимания грамматической природы категории принадлежности в целом.

Категория принадлежности в составе словосочетания. При словах, имеющих в своем составе аффиксы принадлежности, возможно дополнительное препозитивное обозначение лица местоимениями в форме так называемого родительного (притяжательного) падежа. Это — основная функция данного падежа, который, в отличие от других, не может управляться глаголами и являет собой специальную форму определения в словосочетаниях притяжательного характера (изафет): *benim evim* 'мой дом', *senin evin* 'твой дом' и т. д. Другой, гораздо менее употребительной функцией родительного падежа является предикативная констатация принадлежности: *Onlar benim gözlerimin önünde gözleriyle birbirlerinin oldu* (Nazım Hikmet) 'Они на моих глазах своими взглядами уже принадлежали друг другу'.

Специфическая природа родительного падежа, его приименное, а не приглагольное использование служит причиной того, что этот падеж иногда выводят за пределы склонения¹⁰. Однако факты тюркских языков показывают, что форма имени, называемая родительным падежом, находится в закономерном соотношении с другими падежами — основным и винительным — и представляет собою характерную особенность именно склонения. Кроме того, это явно словоизменительная форма имени и как таковая должна быть признана падежной.

В притяжательных словосочетаниях с родительным падежом определения ярко выражен особый характер аффикса 3-го лица, обусловленный тем, что 3-е лицо вообще не только само по себе является третьим членом противопоставления в рамках местоименной «триады», но и потенциально содержит указание на любой предмет окружающей действительности. Своеобразие аффикса 3-го лица заключается также и в том, что он не только в составе слова, но и в притяжательных словосочетаниях может быть нейтрален по отношению к категории числа: в словосочетаниях типа *onların evleri* аффикс множественного числа при слове *ev* лишь в особом контексте может обозначать множественность «лиц», а не «домов».

⁸ Н. К. Дмитриев. Категория принадлежности. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II, стр. 23.

⁹ См.: Э. В. Севоргян. Указ. раб., стр. 41—43.

¹⁰ См., например: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 100—115.

Значение аффиксов принадлежности при определяемом, если определение выражено дополнительно также родительным падежом местоимения, — в принципе то же, что и у аффиксов принадлежности в составе слова: отнесение к лицу на основе понятия притяжательности.

В отличие от словосочетаний, в которых определяемое снабжено аффиксами 1-го и 2-го лица обоих чисел, в словосочетаниях, имеющих при определяемом аффикс 3-го лица, определение может быть выражено родительным падежом не только местоимения, но и имени существительного. В таких конструкциях (так называемый изафет III) сочетание двух существительных строится на основе мыслимого отношения между ними: *babamın kitabı* 'книга моего деда', *öğrencinin çantası* 'портфель учащегося', *bu adamın ismi* 'имя этого человека', *dostumun sırrı* 'тайна моего друга' и т. п. Варьирование отношений между членами изафета может привести к значениям, противоположным значению реальной принадлежности: *evin sahibi* 'хозяин дома'¹¹.

Для понимания всей системы функционирования категории принадлежности весьма важно проследить различия, характерные для значений аффиксов принадлежности в составе слова и в составе рассмотренного типа словосочетаний: в составе слова категория принадлежности выражает отношение к лицу на основе грамматического понятия притяжательности; в составе словосочетания категория принадлежности обозначает как отношение к лицу (все три лица), так и отношение к предмету (3-е лицо).

На особый характер 3-го лица в категории принадлежности убедительно указывает существование словосочетаний, где 3-е лицо уже не соотносится с другими лицами. Это — так называемый II изафет: *ders kitabı* 'учебная книга', *cam fabrikası* 'стеклянная фабрика', *İstanbul şehri* 'город Стамбул', «*Kuyucaklı Yusuf*» romanı 'роман «Юсуф из Кююджака»' и т. п. Здесь аффикс 3-го лица не содержит значения лица, являясь лишь показателем отношения слова, при котором он находится, к другому слову — определению в основном падеже.

Для уяснения характера словосочетаний этого типа важно установить то общее, что объединяет различные их подтипы¹². Обычно из приведенных выше разновидностей данных сочетаний конструкции типа *ders kitabı*, *cam fabrikası* и т. п. считаются наиболее характерными, а сочетания типа *İstanbul şehri* и «*Kuyucaklı Yusuf*» romanı — менее характерными. Однако именно из сравнения частных разновидностей определения в основном падеже и можно вывести заключение о природе определения в этом типе изафетных словосочетаний и о природе всей определительной конструкции в целом. Определение здесь обозначает название, именованье: в одном случае это — название как таковое, то есть в «чистом» виде (*Istanbul*, «*Kuyucaklı Yusuf*»), в другом — обобщенное родовое название данного класса предметов (*ders*, *cam*), не соотносимое с конкретными предметами этого ряда. Различия между этими двумя подтипами можно охарактеризовать как различия между родоопределятельным (*ders kitabı*, *cam fabrikası*) и видоопределятельным (*İstanbul şehri*, «*Kuyucaklı Yusuf*» romanı) атрибутивными сочетаниями. В тот же ряд входят и такие «экзотические» типы изафета, как *Ahmet zavallısı* 'бедняга Ахмет'¹³, *Zübük iti* 'собака Зюбюк', *tücar*

¹¹ Ср.: С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 26.

¹² О разновидностях этого типа изафета см.: С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 30—43.

¹³ Там же, стр. 174.

rezili 'подлый торгаш', *avukat Burhan dinsizi* 'безбожный адвокат Бурхан', *bu Necmi keratası* 'эта скотина Неджми' (все примеры — из Азиза Несина) и т. п. Здесь тоже указан вид (*Ahmet, Zübük, tücar, avukat Burhan, Necmi*) из ряда существ, названных в определяемом (*zavallı, it, rezil, dinsiz, kerata*). В качестве видовой характеристики второго члена словосочетания могут выступать целые предложения: «*Biliyorum cevabını veriyordu* (Samim Kocagöz) 'Он отвечал: «Знаю»'.

Именно в силу этого обстоятельства совершенно ошибочным представляется мнение о том, что определение в словосочетаниях рассматриваемого характера стоит в «неоформленном» родительном падеже. Не говоря уже о том, что поиски «неоформленных» падежей в грамматике — путь неблагоприятный и во многом уязвимый, неизбежно ведущий к крайнему субъективизму, утверждение о наличии в данном случае «неоформленного» родительного падежа полностью искажает сущность определения в этом типе словосочетаний и его закономерное соотношение с тем типом словосочетаний, в котором определение действительно имеет форму родительного падежа. Ведь падежной формой *на и м е н о в а н и я* является основной, а не родительный падеж. Соотношение же конструкций с основным и родительным падежами определения существенно для понимания категории принадлежности в целом.

Сопоставление двух названных типов изафетных словосочетаний показывает, что функция и значение аффиксов принадлежности в них различны. При родительном падеже определения отношение в рамках трех лиц и двух чисел является *п р и т я ж а т е л ь н ы м*. При основном падеже определения отношение по существу лежит за пределами притяжательности, так как соотношение аффикса 3-го лица с 1-м и 2-м лицами здесь нарушено. Поэтому изафеты, традиционно именуемые вторым (II) и третьим (III) типами, целесообразнее именовать соответственно *о т н о с и т е л ь н ы м* и *п р и т я ж а т е л ь н ы м*¹⁴, а так называемый первый тип изафета вообще рассматривать в ряду сочетаний, основанных на соположении определения и определяемого.

Определение в основном падеже образует с последующим словом, отнесенным к нему посредством аффикса 3-го лица, целостное сочетание, на что указывали многие исследователи¹⁵. Об этом говорит невозможность разорвать члены этого сочетания, а также то, что: а) препозитивный показатель неопределенности *bir* и другие определители (*bu, bu kadar* и т. п.) относятся не к определению, а к словосочетанию в целом; б) эти словосочетания в позиции прямого дополнения могут иметь форму не винительного, как в случаях выражения аффиксом принадлежности притяжательности как таковой (*babanızın evini görüyorum* 'я вижу дом вашего отца'), а основного падежа. Примеры:

а) *Kamil yalnız bir cam şangırtısı işitti* (S. Ali) 'Камиль услышал только скрежет стекла'; *Şurda bir kelle sıçırıyor, şurda bir dana kuyruğu hopluyor, şurda bir öküz gödesi kalkıp kalkıp iniyor* (A. Nesin) 'Там выскакивает чья-то башка, там дрыгает телячий хвост, там вздымается торчком бычья туша'; *Dağa ne olacak, sen bu küçük şehir hayatını bilmezsin* (S. Ali) 'Что еще будет! Ты не знаешь жизни этих маленьких городов'; *Bu kadar kurban etini bir ordu bir ay yese tüketmez* (A. Nesin) 'С таким количеством жертвенного мяса не справится и целая армия, даже если будет есть его в течение месяца';

б) *Mesela ben güzel bir kadın gördüğüm zaman niuhakkak en evvel örmek arzusu duyuyordum* (S. Ali) 'Например, когда я вижу красивую женщину, я первым делом испытываю желание поцеловать ее'; *Biraz ileride Necip karşısına Mariya'yı almış diksyon dersi veriyordu* (S. Kocagöz) 'Немного поодаль Неджип, усадив против себя Марню, давал ей урок дикции'.

¹⁴ С. С. Майзель называет их релятивным и посессивным типами. (См.: С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 24 и 30).

¹⁵ Там же, стр. 42.

Такие сочетания в позиции определения при третьем имени ведут себя подобно сложному слову, соединяемому с определяемым безизафетной связью: *yulan derisi iskarpin* 'туфли из змеиной кожи', *kafa dengi bir arkadař* 'единомышленник', *kanaryaya sarısı kaptıkaçtı* 'автофургончик канареечного цвета'.

Н. К. Дмитриев рассматривал противопоставление притяжательного и относительного типов изафета как проявление категории определенности-неопределенности¹⁶. Однако это противоположение не может быть сведено к свойствам названной категории, потому что первый член изафета, имеющий при себе показатель неопределенности *bir*, получает форму родительного, а не основного падежа. Иными словами, в изафетных конструкциях с родительным падежом определения первый член не обязательно обладает грамматическим значением определенности:

Ince yapraklar güneşin altında, sıcaktan soluyan bir köpeğin dili gibi titreşiyorlardı (S. Ali) 'Тонкие листья трепетали в солнечном свете, — так дрожит язык собаки, тяжело дышащей от жары'.

Существует также мнение, что в изафете определение в основном падеже находится вне категории числа¹⁷, однако это опровергается возможностью поставить определение в форме не только единственного, но и множественного числа: *öğretmenler derneği* 'общество учителей', *avcular kulübü* 'клуб охотников' (оба примера — из Азиза Несина). Кроме того, определение и без показателя числа в этом типе изафета имеет значение, характерное именно для формы единственного числа, — значение родового названия.

Специфическим проявлением категории принадлежности в строе тюркских языков является наличие в последних определительных словосочетаний особого типа. Это — сложные определения, в которых один из членов связан аффиксом принадлежности (как правило, аффиксом 3-го лица)¹⁸ с определяемым. В простейшем своем (двучленном) виде это — типичные определения целого по его части: *kapısı açık oda* 'комната, дверь которой открыта', *damı kırmızı ev* 'дом, крыша которого красная'.

В современном турецком языке по этой модели строятся распространенные многими словами определительные обороты с глагольными формами (причастия, форма *-dik*) в исходе оборота. В этих конструкциях названные отношения партитивности максимально «растворены» в осложненной семантике оборота и потому предстают как бы в «размытом» виде:

İlçenin, tabelâlarındaki «otel» yazısından başka hiçbir şeyi otel olmayan iki oteli var (A. Nesin) 'В уезде есть две гостиницы, у которых нет ничего от гостиниц, кроме надписи на вывеске «отель»'; *Masanın arkasında sipsivri yüzlü, kertenkele gözlü, dümdüz saçları dar alınınun ortasına sarkan biri oturuyordu* (S. Kocagöz) 'За столом сидел какой-то человек с остренькой мордочкой и с глазами ящерицы, у которого совершенно прямые волосы свешивались на узкий лоб'; *Cariyeler, güler yüzlerini gördükçe için için halime güldüklerini sanıp sinirlendiğim cariyeler...* (из сказки) 'Служанки, те самые служанки, глядя на смеющиеся лица которых я злился, полагая, что они смеются надо мной...'; *Çünkü içinde kaç yıl yaşayacağıı bilmediğim bu ilçe, Türkiye—Iran transit yolu üzerindedir* (A. Nesin) 'Потому что этот уезд, в котором я должен буду прожить неведомо сколько лет, лежал на транзитном пути из Турции в Иран'.

¹⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 218.

¹⁷ См.: В. Г. Гусев, Д. М. Насилов. Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности—неопределенности. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 21—25.

¹⁸ См.: С. Н. Иванов. Тюркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи. — «Ученые записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук, вып. 11, 1959, стр. 191.

Ж. Дени справедливо отмечал, что в двучленных конструкциях типа *danı kırmızı ev* прилагательное *kırmızı*, относясь к предшествующему слову *danı*, «сохраняет часть своего определительного значения» по отношению и к последующему слову *ev*: «дом, красный некоторой своей частью — крышей»¹⁹. Это тонкое наблюдение проливает свет на генезис данных определительных словосочетаний, будучи, однако, неприменимым к приведенным выше разновидностям этих конструкций, расплывчатым внутри, в которых язык использует «техническую» основу этой синтаксической модели, а реальные отношения принадлежности как бы отступают на второй план. Таким образом, значение «партитивности» переросло в значение относительности.

Данная синтаксическая модель обнаруживает чрезвычайную приспособленность к сложному синтаксису современного языка и наряду с функцией приименного определения может использоваться в обстоятельственной (а) и предикативной (б) позициях:

а) *Ellerimiz ceplerimizde Zübükzade'nin yanına vardık* (A. Nesin) 'Мы подошли к Зюбюку, заложив руки в карманы'; *Gözleri yarıkapalı, konuşmaya kulak verdi* (S. Köşgöz) 'С полуприкрытыми глазами он прислушивался к разговору'; *...ağzım açık yüzüne bakakaldım* (S. Ali) '...я застыл с открытым ртом, глядя в его лицо';

б) *Uzun ve yorucu bir mükalemeden çıkmış gibi kafası yorgun ve dağıntıktı* (S. Ali) 'Он был утомлен (с утомленной головой) и рассеян, словно только что закончил долгий и обременительный разговор'; *Sesi çıkmaz olduydu* (S. Ali) 'Он потерял способность говорить (стал таким, у которого не исходил голос)'

Употребительны также многочисленные субстантивированные (то есть с «утраченным» определяемым) образования такого рода (а) и лексикализовавшиеся сочетания, построенные по этой модели (б):

а) *Araba içindekilerden kafası yarılanlar bile olurmuş* (A. Nesin) 'Среди тех, кто ездит в автомашинах, бывают и такие, у кого разбиты головы';

б) *gözüaçık* 'бдительный', 'сметливый', 'ловкий'; *ağzıbozuk* 'сквернослов', 'пошлый', 'грубый'; *eliaçık* 'щедрый' и т. п.

Специфические свойства «партитивности» проявляются также в случаях использования сходных грамматических построений с деепричастием на *-agak*. Как известно, деепричастие с названным показателем преимущественно обозначает обстоятельство образа действия и потому, в отличие от деепричастий со значением времени, обычно не имеет при себе своего субъекта действия. Такой субъект имеется при нем только в тех случаях, когда он (субъект) относится к субъекту главного действия как часть к целому (а) или при наличии в составе оборота аффикса принадлежности, относящего одно из слов этого оборота к конструкции, в которую он включен (б):

а) *Deli Celil, dili dolaşarak, — Aman Emin Efendi, bizi kınama, dedi...* (A. Nesin) 'Дели Джелиль сказал заплетающимся языком: «Помилуй, Эмин-эфенди, не придирайся к нам...»'; *Beni kolumdan tuttu, sesi titreyerek: «Çıkıyorum!» dedi...* (S. Ali) 'Он схватил меня за руку и сказал дрожащим голосом: «Я ухожу!»...'; *Ve sebepsiz yere sönen yağ kandillerinin hazin hikâyelerini... içim sarsılarak okuyordum* (S. Ali) 'С внутренней дрожью... я читал печальный рассказ о безвременно угасшем светильнике'; *Herkes ağır ağır ve adeta ayakları gitmek istemeyerek yürüyordu* (S. Ali) 'Все шло тяжело, словно ноги их не желали передвигаться';

б) *Ak sakallı ihtiyarın, sakallarından yaşlar akararak ağladığını görür gibi oldu* (S. Ali) 'Он словно бы увидел, что седобородый старик плачет, и у него по бороде текут слезы'.

Примечательны приведенные выше случаи использования «партитивной» модели в качестве сказуемого. Сказуемое типа *kafası yorgun*

¹⁹ J. Denny. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1920, стр. 230.

‘с утомленной головой’, однородное с другим одночленным сказуемым *dağınık* ‘рассеянный’, расчленено внутри себя на основе категории принадлежности. Сказуемые такого типа позволяют по-иному, нежели это делалось до сих пор, оценить природу употребительных в других тюркских языках глагольных сказуемых типа современных узбекских *men boganim jük* ‘я не ходил’, *men bogişim kegak* ‘мне нужно пойти’. Обычно в этих сказуемых видели нарушенные изафетные построения с утраченным аффиксом родительного падежа при данном подлежащем: *meni boganim jük > men boganim jük*. Можно, однако, полагать, что и первоначально здесь было не изафетное, а чисто предикативное сочетание со сказуемым, расчлененным внутренне на основе категории принадлежности: /*men/ /boganim jük/*, то есть построение, аналогичное турецкому /*o/ /kafası yorgun/*.

Категория принадлежности в ее отношении к предложению. Функция категории принадлежности в составе предложения сводится к выражению контекстуальной отнесенности. Находясь при каком-либо слове вне конструкции изафета, аффикс 3-го лица может обозначать отнесенность данного слова к другому слову, словосочетанию или предложению в предшествующем контексте:

Evet, sen bize demiştin: hükümet büyükleri gelecek diye. Velâkin zamanını demediğinden bilemedik (A. Nesin) ‘Да, ты ведь уже говорил нам, что придут правительственные чины. Однако мы не могли знать о времени этого [события], так как ты не сказал о нем’; *Bu kadarı yeterdi. Üst tarafını candarmalar söylediler* (S. Ali) ‘И этого было достаточно. А то, что сверх этого, выпытали жандармы’; *Bir harbe karışmayız. Utumi harbte tecrübesini gördük* (S. Ali) ‘Теперь уж мы ни в какую войну не впускаемся. В мировую войну мы уже познали ее [горький] опыт’.

Частным случаем такой отнесенности является употребление аффикса принадлежности 3-го лица при слове, уже упоминавшемся в предыдущем контексте. Такое использование аффикса принадлежности связывают иногда со значением определенности²⁰.

— *Fakat... — Fakatı da ne* (S. Ali) ‘— Но... — Что за «но»?’; *...fakat şimdilik tabancanızı bize veriniz!.. — Ne tabancası!* (S. Ali) ‘...однако теперь извольте отдать нам ваш пистолет!.. — Что еще за пистолет?’.

С. С. Майзель рассматривал подобное употребление категории принадлежности как «односоставный изафет» с опущенным первым членом²¹. Однако домысливать «опущенный» член здесь, как и во всех других случаях, нет никакой необходимости. Поэтому и С. С. Майзель был вынужден признать, что «очень часто опущенный первый член изафета обозначает совокупность всего ранее сказанного, целую обстановку, в которой развивается или развивалось действие и о которой у слушателя уже сложилось представление на основании еще не совсем законченной речи или контекста»²².

Это — закономерная функция категории принадлежности, вытекающая из самой ее сущности как грамматического средства, выражающего отношение. Естественно, что указанную функцию выполняет именно аффикс 3-го лица. Многочисленные прономинализированные (*biri*,

²⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 98—99.

²¹ С. С. Майзель. Указ. раб., стр. 123—124.

²² Там же, стр. 125.

birisi, bazısı, hepsi и т. п.) и адвербиализированные (*doğrusu, dolusu, ertesi, sabahı* и т. п.) формы слов с «угасшим» аффиксом принадлежности 3-го лица являются лексическими отложениями использования категории принадлежности именно как средства контекстуальной отнесенности.

Категория принадлежности в строе турецкого языка. Категория принадлежности связана разнообразными отношениями со многими другими особенностями грамматического строя турецкого языка. Выше уже говорилось, что она находится в закономерной связи с системой склонения, выражая отношение либо к названию (основной падеж), либо к форме притяжательности (родительный падеж). Наличие в тюркских языках категории принадлежности и формируемых на ее основе определительных словосочетаний притяжательного характера накладывает своеобразный отпечаток на систему имен прилагательных: в тюркских языках имеются лишь такие типы прилагательных, значение которых не может быть выражено именем существительным в позиции определения в изафете²³. Категория принадлежности занимает определенное место и в ряду средств актуализации имени существительного в речи: если показатель неопределенности *bir* является средством выделения предмета, обозначенного существительным, из ряда ему подобных, а указательные местоимения представляют собой грамматическое средство указания на предмет безотносительно к другим предметам того же ряда, то аффиксы принадлежности выполняют в предложении функцию отнесения данного предмета к другому предмету иного ряда.

Особую сферу отношений категории принадлежности составляют ее связи с системой глагола, в первую очередь с формой *-dik/-acak*. Если сочетание аффиксов принадлежности с отглагольными именами *-ma, -ış, -maklık* грамматически не отличается от сочетаний их с обычными именами существительными, то функция категории принадлежности при форме *-dik/-acak* имеет особый характер. Известно, что в атрибутивной и субстантивной функциях форма *-dik* (и отчасти форма *-acak*) не употребляется без аффиксов принадлежности²⁴. Квалифицировать форму *-dik* при подобном ее использовании как имя действия нет никаких оснований: она, в отличие от настоящих имен действия (*-ma -ış, -maklık*) не может употребляться отвлеченно от действующего лица и, что еще более показательно, не находит места в словаре. Поэтому, освобождаясь от плена привычных терминов, следует признать, что форма *-dik* образует особую глагольную основу для посессивного спряжения. Обычно эту форму вместе с причастиями и деепричастиями относят к личным формам глагола. Но в основе такой квалификации формы *-dik* лежат скорее всего традиционные взгляды, возникшие под влиянием норм других языков. Ведь форма *-dik* не употребляется без аффиксов принадлежности, являющихся именно личными показателями. Следовательно, она представляет собой инфинитную (наряду с деепричастия-

²³ Подробнее см.: С. Н. Иванов. Родословное древо... стр. 106.

²⁴ Исключение составляет атрибутивное использование таких образований, как *işitilmedik* 'неслыханный', *beklenmedik* 'неожиданный' и т. п., которые в сущности являются своеобразными отглагольными прилагательными. Обстоятельное же использование формы *-dik* без аффиксов принадлежности явно тяготеет к деепричастным образованиям.

ми и некоторыми причастиями), но личную форму глагола²⁵. Если придерживаться такого взгляда на форму *-dik*, то можно ей, как форме инфинитного личного посессивного спряжения, легко найти место в морфологии.

Обобщенная характеристика категории принадлежности. Из всего изложенного выше следует, что синтезирующая квалификация категории принадлежности должна учитывать ее особенности, различно проявляющиеся в составе слова, словосочетания и предложения, а также противоречивую сущность противопоставления в ней аффиксов разных лиц.

В составе слова аффиксы принадлежности противостоят друг другу как формальные показатели отнесенности слова, при котором они находятся, к одному из трех лиц на основе грамматического значения притяжательности. Особое свойство аффикса 3-го лица состоит в том, что он иначе соотносится с категорией числа, нежели аффиксы 1-го и 2-го лица.

В составе словосочетаний с родительным падежом определения аффиксы принадлежности также противостоят друг другу по значению лица и притяжательности, однако 3-е лицо здесь еще резче проявляет свои автономные свойства, так как при сочетании с родительным падежом имен (а не только местоимений, как у первых двух лиц) аффикс 3-го лица является формой грамматического выражения отнесенности одного предмета к другому и в этом своем качестве противостоит аффиксам 1-го и 2-го лица. Словосочетания с основным падежом определения, которые не могут иметь в своем составе аффиксов иных лиц, кроме 3-го²⁶, показывают, что в изафетных словосочетаниях в целом аффикс 3-го лица противостоит всем трем лицам, являясь грамматическим средством, выражающим уже не лично-притяжательное, а предметное отношение, и, следовательно, как бы отрицающим само значение притяжательности. Аналогичное качество 3-го лица проявляется и в составе «партитивных» конструкций.

В составе предложения аффикс 3-го лица полностью утрачивает соотносительность с 1-м и 2-м лицами, становясь грамматическим показателем, выражающим контекстуальную отнесенность. Одним из проявлений грамматической обособленности аффикса 3-го лица в подобном значении является способность слов, содержащих этот аффикс, к прономинализации и адвербиализации.

Аффиксы принадлежности лишь в ограниченном числе случаев выражают значение реальной принадлежности, то есть отношение обладателя к обладаемому. Иногда эти аффиксы могут иметь и значение, совершенно противоположное реальному значению принадлежности.

Категория принадлежности, являясь грамматическим средством характеристики части (обладаемое) через целое (обладатель), в другой

---

²⁵ Ср.: С. А. Соколов. К вопросу о классификации сложных предложений в современном турецком языке. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 162.

²⁶ Аффиксы других лиц в словосочетаниях этого типа могут «подменять» аффикс 3-го лица, но не в значении предметного отношения, а в значении отнесенности к лицу: *öksürük ilâcım* 'мое лекарство от кашля' ('лекарство от кашля' — *öksürük ilâci*).

сфере использования выступает в обратном, противоположном значении характеристики целого (обладатель) через его часть (обладаемое)²⁷. Это можно наблюдать в «партитивных» конструкциях.

Наконец, категория принадлежности как грамматическое средство выражения отнесенности стоит в ряду других грамматических средств актуализации имени существительного.

---

²⁷ Представляется уместным напомнить, что А. Н. Кононов такие обороты называет «перевернутым изафетом» (А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 261).

М. И. ИСЛАМОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТРУКТУРА НЕКОТОРЫХ СЛОЖНЫХ ФОРМ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Как известно, во многих языках часть указательных слов имеет сложную форму. В. Котвич пишет, что иногда четкого определения при помощи существующих в языке местоимений «бывает недостаточно, поэтому прибегают к другим разнообразным способам, которые уточняют или усиливают значение основных форм указательных местоимений: к соединению двух или даже трех местоимений в одно целое; присоединение суффиксов к местоимениям»¹.

К. Е. Майтинская отмечает, что «более частым способом создания новых местоимений является комбинирование уже имеющихся местоимений между собой (сложение или редупликация местоимений) или с другими словами, прежде всего с частицами»².

Такой способ образования новых местоимений широко распространен в тюркских языках, в частности, в диалектах и говорах азербайджанского языка.

Большая часть сложных форм указательных местоимений, представленных в диалектах и говорах азербайджанского языка, образована путем соединения указательных слов (двух, трех, а иногда даже четырех) синонимичного характера. Определенное число сложных форм указательных слов составляют формы, образованные с помощью указательных местоимений *o*, *bu* и полнозначных слов (имена существительные), а также с участием вспомогательных слов (например, послелога *k'imi*). Встречаются и указательные слова, состоящие из указательных местоимений, присоединяющих аффиксы или междометия.

В диалектах и говорах азербайджанского языка имеются специфические формы сложных (или составных) указательных местоимений, не встречающиеся в других тюркских языках. Кроме того, в составе сложных форм указательных слов сохранились указательные местоимения, которые в настоящее время самостоятельно в диалектах и говорах азербайджанского языка не употребляются, однако функционируют как отдельные слова в ряде тюркских языков.

Рассмотрим некоторые сложные формы указательных слов, распространенные в диалектах и говорах азербайджанского языка.

Ota, buta. Эти слова встречаются в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в значении «вон», «вот». *Ota* употреб-

¹ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 149.

² К. Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем. М., 1969, стр. 53—54.

ляется для обозначения предмета или лица, находящегося в отдалении от говорящего, а *buta* указывает на предмет или лицо, находящееся поблизости. Слова *ota*, *buta* — сложные и состоят из двух частей: *o+ta*, *bu+ta*. Первая часть этих слов — *o*, *bu* — четко выделяется и имеет также самостоятельное употребление, вторая же часть — *ta* — в диалектах и говорах отдельно не употребляется и представлена только в составе сложных слов. С помощью элемента *ta* формируются указательные слова и в других тюркских языках. Например, в современном уйгурском языке для обозначения предмета или лица, находящегося в отдалении от говорящего, употребляется слово *tana* 'вон', а *tavu* <*ta+u* указывает на более значительную удаленность.

Основываясь на этом, Э. Н. Наджип высказывает предположение, что для указания на удаленный предмет когда-то существовало местоимение *ta*³.

Самостоятельная местоименная форма *te*, широко распространенная в алтайских языках, считается одним из древних указательных местоимений⁴. В. Котвич отмечает у карагасов местоимение *tä* наряду с *bu*, *ol*, а у урянхайцев *tä||tö* в значении *bu* 'этот', *o* 'тот'⁵.

Л. А. Покровская выделяет в гагаузском языке самостоятельную указательную частицу *telltä*, которая с местоимениями *bu*, *o*, *šu*, *elä*, *belä* образует сложные формы указательных местоимений (например: *te bu*, *te o*, *te šu*, *te ölä*, *te bölä*).

Таким образом, элемент *ta*, встречающийся в диалектах азербайджанского языка (а также в уйгурском) в составе *buta*, *ota*, можно рассматривать как фонетический вариант указательных местоимений *te*, *tu*, *tä*, широко распространенных в алтайских языках. Как уже отмечалось выше, эти указательные местоимения сохранились в составе сложных форм местоимений и служат для усиления указательного значения.

Otana, butana||putana. Эти слова также употребляются в значении «вон», «вот», например: *Uşax butana burda oþnujig* 'Ребенок вот здесь играет'; *Otana sürgü döşdän eneg* 'Вон стадо возвращается со склонов (гор)'; *Butana hamu burda* 'Вот все здесь' (казахский диалект).

Указанные сложные слова имеют следующую структуру: *o+тана*, *bu+тана*. Обе части здесь являются указательными местоимениями. Хотя в диалектах и говорах азербайджанского языка *tana* как самостоятельная форма указательного местоимения не употребляется, однако в других тюркских языках, например в уйгурском, можно встретить слово *tana* в значении «вон»⁶.

Многие исследователи считают, что слово *tana* образовалось в результате слияния двух частей: *ta+änä*⁷ или *te+ana*⁸. Компонент *ана* в диалектах и говорах азербайджанского языка представлен в составе целого ряда указательных местоимений, в некоторых же других тюркских языках он выступает как самостоятельная лексическая единица с указательным значением.

³ Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 79.

⁴ Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 74.

⁵ W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, стр. 48.

⁶ См.: Э. Н. Наджип. Указ. раб., стр. 79.

⁷ Там же.

⁸ См.: Ф. Д. Ашнин. Указательные частицы в тюркских языках. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XVII, 1958, вып. 5, стр. 428.

Otahana, butahana. Данные слова, бытующие в северной группе диалектов и говоров азербайджанского языка, легко разлагаются на компоненты: $o+ta+ha+ana=otahana$; $bu+ta+ha+ana=butahana$.

Наряду с отмеченными выше элементами в состав этих слов входит компонент *ha*, который в северной группе диалектов и говоров азербайджанского языка употребляется в функции указательного местоимения и частицы. Таким образом, слова *otahana, butahana* можно рассматривать как сочетание четырех указательных местоименных слов.

Budurana||budana, odurana||odana. Эти указательные слова широко распространены в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка, например: *Täzä pendir g'ätirmišäm sizä, budurana xuržunda* 'Я вам принес свежий сыр, вот в хурджуне'; *Gojunnar odurana orda otdor* 'Бараны вон там пасутся'; *Kazym budana dajanyf burda* 'Кязим вот стоит здесь'; *Idaga odana jolun gygānda* 'Вот управление, у дороги'.

Данные указательные слова также имеют прозрачную структуру: *budur(bu+dur)+ana, odur(o+dur)+ana*. В вариантах же *odana, budana* вместо аффикса сказуемости *-dur* выступает его элемент *-d*. Следовательно, эти местоимения представляют собой сочетание слов *odur* 'вон', *budur* 'вот' и слова *ana*, имеющего аналогичное значение в ряде тюркских языков. Добавим, что слияние или повтор однозначных слов, как известно, служат для усиления значения слова вообще.

В. В. Радлов в своем словаре наряду с указательным местоимением *ol, o* 'он' приводит и слово *ana*⁹. В настоящее время в ряде тюркских языков (например, в уйгурском, узбекском, казахском, каракалпакском) *ana* в значении «вон» употребляется для указания на удаленный предмет¹⁰. В узбекском языке в составе сложного указательного местоимения *ana u>anav* представлено слово *ana*, по мнению А. Н. Кононова, усиливающее указательное значение¹¹.

В. В. Решетов и И. Суяров считают слово *ana* указательным местоимением, употребляющимся применительно к находящимся вдали от говорящего (в поле его зрения) лицам или предметам¹². Однако И. Суяров отмечает, что слово *ana* не образует новых по значению местоимений, оно лишь усиливает, подчеркивает указательное значение¹³. Эта точка зрения подтверждается примерами из диалектов и говоров азербайджанского языка.

Основываясь на фактах конкретных тюркских языков, некоторые исследователи считают, что слово *ana* несет функции указательного местоимения *o* 'он', другие — усилительного слова. Расхождение во мнениях связано с различными функциями этого слова в разных тюркских языках. Вместе с тем употребление слова *ana* в обеих функциях вполне закономерно. Это соответствует тому, что «указательные (местоименные) слова первоначально совмещали в себе функции указательных частиц (или наречий) и местоимений»¹⁴.

⁹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, ч. I. СПб., 1893, стр. 227.

¹⁰ См.: В. М. Насилов. Древнейгузский язык. М., 1963, стр. 43; А. Ибагов. Местоимения в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1962, стр. 13—14; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960, стр. 177; Н. А. Баскиков. Каракалпакский язык, т. II, ч. I. М., 1952, стр. 274.

¹¹ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 177.

¹² В. В. Решетов. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1961; И. Суяров. Местоимение в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1965, стр. 12, 14.

¹³ И. Суяров. Указ. раб., стр. 14—15.

¹⁴ См.: К. Е. Майтинская. Указ. раб., стр. 39.

В отдельных тюркских языках слово апа со временем могло утрачить одну из этих функций, однако в диалектах и говорах азербайджанского языка обе эти функции сохранились.

На этимологию и состав слова апа существуют различные точки зрения. В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, В. Банг, К. Грэнбек, В. Л. Котвич, Н. К. Дмитриев, Г. И. Рамstedт, М. Ряснен, Н. А. Баскаков, В. М. Насилов и другие возводят его к указательным местоимениям *bu* (тип-), *ol* (ап-). Так, по мнению А. Н. Самойловича, апа образовалось в результате слияния указательного местоимения *ol* (ап-) и междометия *a*¹⁵. Г. И. Рамstedт подтверждает предположение А. Н. Самойловича и называет конечное *-a* в форме апа эмфатическим или локализирующим элементом, имеющим восклицательный (звательный) характер¹⁶. В. Банг считал элемент *-a* окончанием звательного падежа, но впоследствии он пришел к заключению, что *-a* могло быть заимствовано из персидского языка¹⁷.

В. Котвич придерживается другой точки зрения, а именно: апа образовалось в результате сочетания указательного местоимения и аффикса дательного-направительного падежа, то есть элемент *-a* является аффиксом дательного падежа¹⁸. В. М. Насилов предлагает иное членение этого слова: начальное *a-* он считает указательным местоимением, а элемент *-па* связывает с вопросительным местоимением *pä* 'что'¹⁹.

По мнению Н. А. Баскакова, апа произошло от указательного местоимения + субстантивирующий аффикс родительного падежа: *ol + нынъ > оны || аны > ана*²⁰.

М. Ряснен соглашается с первым предположением В. Банга, согласно которому *-a* — окончание звательного падежа²¹.

Ф. Д. Ашнин и И. Суяров считают более правильным мнение В. Котвича²².

Резюмируя сказанное, следует отметить, что все исследователи делят слово апа на две части, считая первый компонент его указательным местоимением. Относительно же второго компонента мнения расходятся. Различно представляется и структура данного слова: *ап + а*, *а + па*.

Все вышеприведенные предположения о структуре слова апа можно сгруппировать следующим образом:

- 1) вторая часть этого слова (*-a*) считается междометием или же элементом междометийного (восклицательного) характера;
- 2) вторая часть *-a* рассматривается как аффикс дательного-направительного падежа или субстантивирующий аффикс родительного падежа;
- 3) вторая часть слова (*-па*) связывается с вопросительным местоимением *pä* 'что'.

Гипотеза В. Котвича относительно структуры слова апа представляется нам наиболее убедительной. Слово апа следует рассматривать как сочетание указательного местоимения и аффикса дательного-направительного падежа. Это предположение подтверждается и данными диалектов азербайджанского языка.

¹⁵ А. Н. Самойлович. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.

¹⁶ Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 75.

¹⁷ W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanische, I.—APAW, № 6, 1917, стр. 28—30.

¹⁸ W. Kotwicz. Les pronoms..., стр. 60—61.

¹⁹ В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 68—71.

²⁰ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 274.

²¹ M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 253.

²² Ф. Д. Ашнин. Указ. раб., стр. 428; И. Суяров. Указ. раб., стр. 17.

В северной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в качестве аналога вышеуказанных местоимений *odurana||odana*, *budurana||budana* употребляется указательное слово *habudağa*, состоящее из компонентов *habu+d* (<-*dyg*) + *ağa*. Указательное местоимение *habu* употребляется в данной группе диалектов как синоним местоимения *bu* 'этот', *-d* является элементом аффикса сказуемости *-dyg*, компонент *-ağa* соответствует *ana*. В форме *ağa* отчетливо выделяются указательное местоимение *o* 'тот' и древний аффикс дательного-направительного падежа *-ğa*, тем более, что в ряде тюркских языков (ногайском, хакасском, киргизском, в языке чулымских татар и т. д.) местоимение *o* 'тот' в дательном падеже имеет форму *oga*, *aga*, *ağa*²³.

Таким образом, в слове *habudağa* компонент *ağa* следует считать формой дательного падежа местоимения *o* 'тот'. Следовательно, и элемент *ana*, входящий в состав местоимений *odurana*, *budurana*, можно разложить таким же образом: *ana* = *an (местоимение) + *a* (аффикс дательного падежа). Эта этимология подтверждается и существованием формы *habudana*, соответствующей форме *habudağa*.

Budej||bude, odej||ode, buhej, ohej. Указательные слова *budej* 'вот', *odej* 'вон' образовались в результате соединения указательных местоимений *bu* и *o*, аффикса *-d* (*-dyg*) и междометийной частицы *-ej*, придающей словам оттенок усиления, утверждения: *Odej hasan g'älir* 'Вот Гасан идет'; *Budej bulary dijirdim* 'Вот это я говорил' (шекинский диалект); *Ök'üzdär odej kolluyda otdej* 'Вон волы в кустарнике пасутся' (ярдымлинский говор).

Иногда вместо *-ej* употребляется сокращенная форма *-e*, например: *Ode uşaxlar häjätdädi* 'Вон дети во дворе'; *Bude bulary almyşam dünän* 'Вот эти я купил вчера' (Мегринский район Армянской ССР).

Слова *ohej* 'вон', *buhej* 'вот' представляют собой сочетание указательных местоимений *bu* и *o* с междометием *-hej*: *Buhej Sona zuyugnap g'älir* 'Вот Сона по тропе идет'; *Ohej guş tänyn üsdä düşür* 'Вон птица упала на сноп' (Красносельский район Армянской ССР).

Budojna, odojna, budojžana, odojžana. Эти слова, характерные для западной группы диалектов и говоров азербайджанского языка, также употребляются в значении «вон», «вот»: *Java odojna tänyn üsdä* 'Вон вилы на снопе'; *Biläzix' budojna gyzyr golunda* 'Вот браслет на руке девушки'; *Odojna k'aillar öjün dalynda otdor* 'Вон волы пасутся за домом'.

Указанные слова *odojna*, *budojna* включают компонент *ajna*, являющийся синонимом рассмотренного выше *ana*, то есть они образованы путем сочетания однозначных слов *budur*, *odur* и *ajna*.

В результате соединения этих слов (*budur+ajna*, *odur+ajna*) наряду с сокращением аффикса *-dyg* (остается элемент *-d*) произошло и другое фонетическое изменение: под влиянием губных гласных *u* и *o* начальный гласный *a* в слове *ajna* переходит в *o*.

Слово *ajna* встречается в значении «вон» в уйгурском языке²⁴, в котором оно употребляется как синоним слова *ana*. Таким образом, формы *odojna*, *budojna* можно считать сочетанием двух однозначных слов с семантикой «вон» или «вот».

²³ См.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 287, 435, 451, 493; *O. Pritsak*. Das Abakan-und Culymitürkische und das Schorische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 636.

²⁴ См.: *Ф. Д. Ашнин*. Указ. раб., стр. 418.

В словах *budojžana*, *odojžana* перед формой *ajna* представлен так называемый уменьшительно-ласкательный аффикс *-ža* (-фа), придающий значениям этих слов субъективно-эмоциональный оттенок.

Budanažejna||budhanažejna, odanažejna||odhanažejna. Эти слова характерны для казахского диалекта азербайджанского языка, например: *Budanažejna dārsdān g'älir ušaxlar* 'Вот дети идут из школы'; *Odanažejna gojunnar otdog orda* 'Вон там бараны пасутся'.

Данные сложные формы указательных слов состоят из следующих компонентов: *odanažejna* = *odug + ana + ža + ajna*; *budanažejna* = *budug + ana + ža + ajna*. На стыке аффикса *-ža* с последующим словом *ajna* выпадает гласный *a*; кроме того, перед звуком *j* широкий гласный *a* сужается — переходит в *e* (явление, широко распространенное в диалектах и говорах азербайджанского языка).

В словах *odhanažejna*, *budhanažejna*, помимо указанных компонентов, имеется указательная частица, или слово *ha* (о ней см. ниже). Таким образом, эти сложные формы образуются сочетанием четырех однозначных указательных слов и аффикса *-ža*: *odug + ha + ana + ža + ajna* = *odhanažejna*, *budug + ha + ana + ža + ajna* = *budhanažejna*.

Bydyhana||bydyxana, odyhana||odyxana. Эти слова встречаются в южной группе диалектов и говоров азербайджанского языка также в значении «вот», «вон» и состоят из следующих частей: *by* (<*bu*) + *dy* (<*-dyr*) + *ha + ana*, *o + dy* (<*-dyr*) + *ha + ana*. Наблюдаемое здесь фонетическое соответствие *h ~ x* вообще свойственно диалектам и говорам азербайджанского языка, например: *xys ~ his*, *xana ~ hana*, *xaçar ~ haçar*, *xasand ~ hasand*, *xany ~ hany*²⁵.

Butojnama, otojnama. Данные формы, употребляющиеся в западной группе диалектов азербайджанского языка и выступающие как синонимы всех приведенных выше сложных форм указательных слов, отличаются от последних наличием вопросительной частицы *-ma* (<*-my*), например: *Butojnama sänin pišdijin ot?* 'Это ли скошенная тобой трава?'; *Otojnama galxozun ambary?* 'То ли колхозный склад?' Они имеют следующую структуру: *butojnama* = *bu + te || ta + ajna + ma*; *otojnama* = *o + te || ta + ajna + ma*, то есть состоят из трех указательных слов и вопросительной частицы.

Onäk' || onäx' || onex' || unex', bunäk' || bunäx' || bunex'. Эти местоимения встречаются в основном в агдамском говоре азербайджанского языка и употребляются в качестве синонимов указательных местоимений *o* 'тот' и *bu* 'этот', например: *Onäx' nä adamdy?* 'Тот что за человек?'; *Onäx' k'imdi?* 'Тот кто такой?'; *Bunäx' išdän mänim xošum g'älmir* 'Мне не нравится это дело'; *Bunäj ušax jaxšy oxujur* 'Этот ребенок хорошо учится'.

Слова *onäk'*, *bunäk'*, склоняющиеся как существительные, образовались путем соединения указательных местоимений *o*, *bu* и слова *näk' || näx'* 'предмет, вещь'. Правда, в азербайджанском языке и его диалектах слово *näk'* в значении «предмет», «вещь» самостоятельно не употребляется. Однако в древних тюркских языках, как свидетельствуют источники, это слово употреблялось. Например, в Словаре Махмуда

²⁵ См.: М. Ш. Ширэлиев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Бақы, 1968, стр. 86.

Кашгари мы находим слово *penğ* в указанном значении²⁶. Это слово встречается и в других древнетюркских памятниках²⁷. По нашему мнению, компонент *päk' || näx'* в составе *onäk'*, *bunäk'* представляет собой результат фонетического изменения, упрощения слова *penğ*, или *päng'*: *päng' || peng' > päk' || nek' > näx' || пех'*, то есть при разложении сочетания *ng'* произошло выпадение звука *n* и последующее оглушение звонкого согласного *g'*. Это фонетическое явление характерно для диалектов и говоров азербайджанского языка, например: *tüfäx' < tüfäng'* 'ружье', *igäx' < gäng'* 'краска', *gäšäx' || gešex' < gäsäng'* 'красивый', *dix' < ding'* 'рисорушка'²⁸.

habu || habu, hao || hau, häblä. Эти указательные местоимения широко распространены в северной группе диалектов и говоров, а также в дербентском и табасаранском говорах (на территории Дагестанской АССР) азербайджанского языка.

Местоимение *habu || habu* склоняется и принимает аффиксы множественности и сказуемости. При присоединении аффикса множественности *-lag* из основы выпадает гласный *u* или *y*, и слово обретает форму *hablar*.

Местоимения *habu || habu, hao || hau* образовались путем сочетания указательных местоимений *bu, o* с элементом *ha*, который в данной группе диалектов и говоров употребляется самостоятельно в функции указательного местоимения или указательной частицы. Сложная форма *habu || habu* выступает как синоним указательного местоимения *bu* 'этот', а форма *hao || hau* имеет значение местоимения *o* 'тот', например: *Nabu čajnişi hardan almısan?* 'Откуда (где) ты купил этот чайник?'; *Nabu jolnan g'edärsin, düz menişi dajıysyğ'ilä çatarsın* 'Пойдешь по этой дороге, дойдешь прямо до дома моего дяди'; *hao k'işinin taxsyğy nädi?* 'В чем вина того человека?'

Слово *häblä* является результатом слияния *ha* с указательным местоимением *belä* 'такой', например: *Häblä bir bulax bizim dä k'äntdä var* 'Такой же родник есть и в нашем селе' (шекинский диалект). Причем *a* в первом компоненте ассимилировался под влиянием последующих гласных переднего ряда: *ha + belä > habelä > häblä*.

Интересно отметить, что указательное местоимение или указательная частица *ha* и образованные с ее помощью сложные формы *habu || habu, hao || hau, häblä* проникли в такие неродственные языки, как лезгинский²⁹, удинский, лакский³⁰, цахурский и аварский, находящиеся в контакте с северной группой диалектов и говоров азербайджанского языка. Показательно, что в эти языки в виде *калек* проникли даже целые фразы с *ha, habu, hao || hau*.

Следует отметить, что и в диалектах турецкого языка, особенно в диалекте северо-восточной Анатолии, частица *ha* в сочетании с местоимениями *bu, buğa, buğasy, belä* образует сложные формы указательных слов, например: *habu, haböyle, haburasy, haburada*³¹.

²⁶ *Divanı İlgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay, cilt III. Ankara, 1941.* стр. 360.

²⁷ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 358.

²⁸ М. Ш. Ширәлијев. Указ. раб., стр. 108; М. Исламов. Азәрбајҹан диллинин Нух диләкти. Баки, 1968, стр. 57.

²⁹ «Лезгинско-русский словарь». М., 1966, стр. 96.

³⁰ Информация по удинскому языку получена от В. Гукасяна, а по лакскому — от Н. Джидалаева, за что автор выражает им свою признательность.

³¹ T. Kowalski. *Dialectes turk-osmanlis.* — «Encyclopédie de l'Islam», t. IV, стр. 983.

На этот факт обратил внимание и М. Ряснен, который наряду с другими указательными местоимениями приводит примеры из анатолийского диалекта: *habu* < *ha+bu*, *hao* < *ha+o*. По его мнению, *ha* — утвердительная частица в составе указанных форм, тождественная частице *hä*, употребляющейся в значении «да»³². Ф. Д. Ашнин же называет *ha* указательной частицей и считает, что «указание — одно из значений этого многозначного слова»³³.

Употребление *ha* в функции как указательного местоимения, так и указательной частицы вполне соответствует тому мнению, что указательные слова первоначально совмещали функции указательных частей (наречий) и местоимений³⁴.

Существует также предположение, что указательные местоимения могут развиваться из различных или тождественных первичных указательных частиц³⁵. Следовательно, употребление *ha* в значении указательного местоимения, с одной стороны, и в значении указательной частицы — с другой, — явление вполне возможное в тюркских языках, причем обе эти функции *ha* сохранились в диалектах и говорах азербайджанского языка.

Частица *ha* (в форме *xa*) участвует в формировании некоторых указательных слов и в туркменском языке, например: *xol* или *xöl* (*xa+ol*) 'вон тот', 'вон тот там'. Со словом *xol* связано возникновение местоименных слов *хейле*, *эйле*, *бейле*³⁶. Употребляемое в човдарском диалекте туркменского языка указательное слово *xana* (*x+ana*) 'вот' образовалось непосредственно с помощью частицы *xa*³⁷.

Oyal, buyal||byyal. Выше уже указывалось, что определенную часть сложных форм указательных местоимений составляют формы, образованные с помощью указательных местоимений *bu*, *o* и полнозначных слов. Именно таким образом возникли местоимения *oyal* 'туда', 'та сторона', *buyal||byyal* 'сюда', 'эта сторона', склоняемые, как существительные: *Buyalda oturma, k'ülähdi* 'С этой стороны не сиди, дует'; *Oyala g'edirsänsä, g'al g'edäx'* 'Если идешь в ту сторону (туда), то идем' (нахичеванский диалект азербайджанского языка).

Компонент *gai* этой сложной формы как самостоятельное слово в значении «сторона» встречается в кубинском диалекте азербайджанского языка³⁸.

В диалектах и говорах азербайджанского языка зафиксированы также два вида сложных форм указательных местоимений, образованных синтаксическим способом:

1) первыми компонентами являются указательные местоимения *o*, *bu*, вторым же компонентом, имеющим самостоятельное значение, — слово *gylux*;

2) первыми компонентами являются указательные местоимения *elä*, *belä*, вторым — послелог *k'imi*.

³² М. Räsänen. Указ. раб., стр. 28.

³³ Ф. Д. Ашнин. Указ. раб., стр. 432.

³⁴ К. Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем, стр. 39.

³⁵ К. Е. Майтинская. Типология генетической связи местоимений в языках разных систем. — «Вопросы языкознания», 1966, № 1, стр. 16.

³⁶ Ф. Д. Ашнин. Указ. раб., стр. 433.

³⁷ Х. А. Машаков. Човдарский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1949, стр. 27.

³⁸ См.: Р. Э. Рустамов. Губа диалекти. Баку, 1961, стр. 234.

О *gylyx*, *bu gylyx*. Эти сложные указательные местоимения, встречающиеся в кедабекском говоре, употребляются в значении «так», «такой» как синонимы литературных *elä*, *belä*, например: *O gylyx šejläri sän hardan bilirsän?* 'Откуда ты знаешь такие вещи?'; *Hindi joxdu bu gylyx šejlär* 'Сейчас нет таких вещей'.

Второй компонент этих местоимений — слово *gylyx* — встречается в северной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в значении «характер», «нрав», «поведение», «обращение», «природа (человека)» и т. д.³⁹ Данное слово имело те же значения и в древнетюркских языках⁴⁰.

Belä k'imi, *elä k'imi*||*hälä k'imi*||*häläm k'imi*. Эти формы характерны для кубинского диалекта азербайджанского языка и употребляются как синонимы указательных местоимений *elä*, *belä* 'так', 'такой': *Belä k'imi išdärdän čux uladu bizdärdä* 'Таких дел у нас бывает много'; *Žuvan adamlardu, hälä k'imi adamlardu ular* 'Они молодые люди, такие люди они'; *Häläm k'imi irägäm vārädülär* 'Такие же цифры они давали'. Все эти формы склоняются, принимают аффикс принадлежности 3-го лица (*häläm k'imisi*||*hälä k'imisi*, *belä k'imisi*) и аффикс множественности (*hälä k'imilär*||*häläm k'imilär*, *belä k'imilär*).

Таким образом, для диалектов и говоров азербайджанского языка характерно большее, нежели в литературном языке, количество указательных слов, что связано с употреблением сложных или производных форм. Это позволяет предположить первоначальное существование в языке слов для выражения всех оттенков указательного значения (усиления, уточнения, различения). Однако впоследствии все эти слова утратили свои частные значения (функции) и стали синонимами.

³⁹ См.: М. Исламов. Указ. раб., стр. 241.

⁴⁰ См.: «Древнетюркский словарь», стр. 326, 443, 444.

Х. Г. НИГМАТОВ

ЗАЛОГИ ГЛАГОЛА В ВОСТОЧНО-ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ XI—XII ВЕКОВ

В настоящей статье рассматривается соотношение залоговых форм глагола по данным «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского, «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского и «Атебет-ул-хакайык» Ахмеда Югнекского¹. Что касается способов образования и показателей того или иного залога, то эти вопросы обстоятельно освещены в общеизвестных работах А. М. Щербака, Э. В. Севортяна, К. Брокельмана, А. М. фон Габен, Р. Арата, С. М. Муталлибова и других.

В статье используются следующие основные понятия:

1) исходная глагольная основа и действие, выраженное этой основой (Γ_1) — глагол в форме основного залога; глагол, к которому присоединяется аффикс какого-либо залога, и действие, выраженное этим глаголом;

2) производная основа и действие, выраженное этой основой (Γ_2) — исходная основа в сочетании с показателем какого-либо залога и действие, выраженное ими;

3) субъект действия, выраженного исходной основой (C_1) — субъект Γ_1 , который при глаголах основного и возвратного залогов передается подлежащими этих глаголов (когда эти глаголы являются сказуемыми), а при глаголах пнудительного, страдательного и взаимного залогов соответствует различным дополнениям этих глаголов;

4) субъект действия, выраженного производной основой (C_2) — подлежащее (грамматический субъект) глаголов косвенных залогов, когда эти глаголы выступают в предложении в качестве сказуемого;

5) прямой (или косвенный) объект действия, выраженного исходной основой (O_1) — прямой или косвенный объект (дополнение) Γ_1 ;

6) прямой (косвенный) объект действия, выраженного производной основой (O_2) — прямой (косвенный) объект (дополнение) Γ_2 .

Как видно из вышеизложенного, мы будем оперировать не только чисто грамматическими (морфологическими и синтаксическими), но и логическими понятиями, к которым, в частности, относятся O_1 и C_1 (то есть субъект и объект действия, выраженного исходной основой). В тюр-

¹ Мы пользуемся следующими изданиями этих памятников: *Махмуд Кошгарий*. Девону луготит турк (издание С. М. Муталлибова). Тошкент, тт. I—III, 1960—1963 (в ссылках указываются том и страницы); *Юсуф хос Хожиб*. Кутадгу билиг (издание К. Каримова). Тошкент, 1971 (в ссылках — обозначение *K* и указание на порядковый номер бейта); *Edip Ahmed b. Mahnuud Jügneki*. Atebetü'l-hakayik (издание Р. Р. Арата). Istanbul, 1951 (в ссылках — обозначение *A* и указание на порядковый номер строки). Во всех примерах сохраняется транскрипция указанных изданий.

кологической литературе высказывалось мнение, что оперирование логическими категориями при изучении залогов подменяет грамматический анализ смысловым; при этом морфологический критерий уступает место лексико-семантическому, в результате чего могут возникнуть грамматические фикции. Однако следует заметить, что с позиций системности языка сущность грамматической формы выявляется только при рассмотрении взаимосвязей, сети отношений изучаемой формы с другими формами, а не из «атомистического» подхода к явлению, взятому изолированно. Поэтому каждую производную основу (Γ_2) мы рассматриваем в ее исторических и естественных связях (отношение между Γ_2 и Γ_1 , синтагматические и парадигматические отношения форм отдельных залогов, их связи с формами других залогов), а это невозможно без изучения грамматического проявления некоторых логических понятий, связывающих разные залоговые формы в одно целое.

В настоящей статье залог понимается как лексико-грамматическая категория. Строгое и четкое разграничение грамматического (словоизменительного) и лексического (словообразовательного) значений залоговых аффиксов в тюркологии было дано С. Н. Ивановым². Согласно его определению, под грамматическим значением залоговых аффиксов понимается наличие при производной основе характеристики субъекта действия, выраженного исходной основой (то есть характеристики C_1)³, а под лексическим значением этих аффиксов — отличие в управлении (в объектных связях) производной (Γ_2) и исходной основ⁴.

Такое понимание грамматического и лексического значений залоговых аффиксов может служить в дальнейшем детерминантой, проявление которой будет прослежено в каждом отдельном типе значений всех залогов. Выбор единой детерминанты для определения сущности всех значений в всех залогов обусловлен целью данной работы — попыткой выявить функциональную основу противопоставления залогов друг другу.

1. *Возвратный залог* (показатель $-(\underline{\text{O}})н-$). Производные основы с аффиксом $-(\underline{\text{O}})н-$ в языке рассматриваемых памятников имеют следующие основные значения: 1) прямо-возвратное, 2) общевозвратное (медальное), 3) косвенно-возвратное, 4) симулятивное.

1. Глаголы с прямо-возвратным значением образуются от переходных основ: *урун-* (I, 209) 'бить, ударить себя'; *боғун-* (II, 165) 'задушить себя'; *карған-* (II, 290) 'ругать, проклинать себя'; *тонан-* (K-66) 'одеваться'.

В C_2 (подлежащем) прямо-возвратного глагола заключены субъект и объект действия, выраженного исходной основой (то есть C_1 и O_1): *эр јундї* (III, 73) 'мужчина мылся' (производителем и объектом действия *ју-* 'мыть' является *эр* 'мужчина'). Следовательно, при прямо-возвратных глаголах имеет место отношение $C_1 > O_1 > C_2$. Поэтому прямо-возвратные глаголы, как правило, непереходные. Однако имеются некоторые

² См.: С. Н. Иванов. О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 294. Серия востоковедческих наук, вып. 12, 1961, стр. 3—11; *его же*. Категория залога в определительных сочетаниях с формой на *-ған* в узбекском языке. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 103—107; *его же*. Категория залога в причастиях узбекского языка. — В сб.: «Исследования по истории культуры народов Востока». М.—Л., 1960, стр. 196—201.

³ С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Газн-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 123—124.

⁴ Там же, стр. 121—122.

типы прямого дополнения, которыми могут управлять глаголы с прямо-возвратным значением:

во-первых, в качестве прямого дополнения может выступать слово, обозначающее часть (или объект владения) C_2 — *урағут башин суқунди* (II, 179) 'женщина мыла себе голову'. Существование такого дополнения объясняется возможностью в тюркских языках характеризовать целое через его часть⁵ — действие, распространяющееся на часть субъекта, распространяется и на сам субъект;

во-вторых, прямо-возвратный глагол может управлять прямым дополнением, выраженным именем в форме основного падежа: *эр јўркәнчў сарланди* (II, 176) 'мужчина намотал себе чалму'. Это обусловливается тем, что именное дополнение в форме основного падежа имеет отвлеченно-предметное, качественное значение⁶ и стремится слиться с глаголом, образовав вместе с ним сложный глагол⁷, или же фигурирует как приглагольное определение⁸. Поэтому в вышеприведенном примере следует видеть отношения «субъект—действие», а не «субъект—действие—объект»;

в-третьих, в качестве прямого дополнения может выступать возвратное местоимение *өз*: *қалы үстәсә элги арзу үзә, өзини тутунса көңүл тил үзә* (К-3402) 'если человек (букв. его рука) [в таком положении, что может] достичь [всех своих] желаний, [то ему] следует воздержаться (не дать волю желаниям и языку); *ол өзін өгүнди* (I, 211) 'он хвалил себя'. Здесь местоимение *өз* служит для ограничения прямо-возвратного значения от других значений основ на $-(\frac{O}{O})н$.

Следовательно, даже когда имеются определенные типы прямых дополнений при глаголах прямо-возвратного значения, отношение $\frac{C_1}{O_1} > C_2$ не нарушается, то есть C_2 всегда сохраняет свою объектность по отношению к Γ_1 .

2. Логическим завершением трансформации $\frac{C_1}{O_1} > C_2$ является образование непереходного глагола от переходного — путем отрыва C_2 от C_1 и O_1 образуются глаголы общевозвратного (медиального) значения: *этин-* (К-3147) 'приготовиться'; *өкүн-* (К-5579) 'раскаиваться'; *авын-* (К-3075) 'забавляться'; *умун-* (К-3565) 'надеяться'; *sakin-* (А-126) 'воздержаться', 'быть осторожным'; *апип-* (А-209) 'приготовиться'; *сэвўн-* (II, 178) 'радоваться'. В отличие от прямо-возвратных глаголов C_2 общевозвратного (медиального) глагола не является трансформированным из C_1 и O_1 и представляет собой принципиально новый C_2 производной основы, независимый от C_1 и O_1 . Действие, выражаемое исходной основой, не направлено на C_2 ; в C_2 концентрируется действие, выражаемое *производной* основой. Поскольку C_2 общевозвратных (медиальных) глаголов не является трансформированным из C_1 , при этих глаголах полностью отсутствует понятие субъекта действия, выраженного исходной основой (C_1), и производная основа (Γ_2) противопоставлена исходной (Γ_1), как непереходный глагол переходному.

⁵ См.: С. Н. Иванов. Тюркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 282. Серия востоковедческих наук, вып. 11, 1959, стр. 189—196.

⁶ См.: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков..., стр. 52.

⁷ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, §§ 334—338.

⁸ В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. Конкретно-предметные значения имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности—неопределенности. — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 24.

Аффикс $-(\text{O})\text{н-}$ выступает как средство превращения переходного глагола в непереходный в ряде других основ: *қылын-* (К-3117) 'делаться, становиться'; *тайан-* (К-3114) 'опираться'; *тэгин-* (К-3917) 'достигать', 'прикоснуться'; 'удаваться'; *илэн-* (К-3121) 'прицепляться' > 'придираться' > 'разгневаться'.

Древнейшей нерасчлененностью в тюркском глаголе значений переходности-непереходности⁹ объясняется сочетание аффикса $-(\text{O})\text{н-}$ с рядом древних глаголов, которые в языке памятников XI—XII вв. без этого аффикса либо вообще не встречаются, либо имеют непереходные типы значения: *йүкүн-* (III, 92) 'склоняться, молиться'; *тапун-* (К-3028) 'служить'; *сөкүн-* (II, 179) 'стоять на коленях'; *бақын-* (К-1310) 'озираться', 'осматриваться'; *қурун-* (II, 181) 'сушиться'; *одун-* (А-11) 'просыпаться', 'опомниться'. Глаголы *бол-* 'становиться' и *бар-* 'идти, отправляться' в языке памятников употребляются в качестве переходных, так и непереходных: *тиләким бу ул мәни бармадын.* (К-578) 'мое желание, [чтобы ты] не прогонял меня'; *илиг* болды тор (К-259) 'тор (почетное место юрты, комнаты) стал илем (входом)'; *болғил кішиг* (I, 95) 'будь человеком'; *болмас аны тоқ бай* (III, 257) 'нельзя сделать его сытым [и] богатым'. Поэтому в свете вышеизложенного употребление форм *барун-* и *болун-* представляется закономерным: *бағырсақ болун* (К-3233) 'будь заботливым, милосердным'; *қамуғ әдгүлүк қыл сән әдгү барун* (К-233) 'твори только добро ты, уходи [из этого мира] добрым'.

3. Другим широко представленным значением основ с аффиксом $-(\text{O})\text{н-}$ является косвенно-возвратное. Глаголы с таким значением выражают действие, совершаемое в интересах действующего лица (C_2)¹⁰, на которое и направлен результат действия. Эти глаголы сохраняют свою переходность: *Uluğsinma zinhar uluğ bir bayat uluğluk mening siz alinmang tidi* (А-283—284) 'не будь никогда высокомерным, [так как] единственный, великий Аллах сказал: «Величие мое (то есть присущее только мне), вы [себе] не присваивайте»; *бэз мәни оғул тутунди* (II, 267) 'бек усыновил меня'; *оғулсуз өлүрдә өкүнди тилин айа кән кэлигли оғул қыз қылын* (К-3328) 'бездетный (букв.: тот, кто без сына) при смерти раскаивался со словами: «О вы, следующие за [нами], обзаведитесь сыновьями и дочерьми»'.

Если в C_2 прямо-возвратных глаголов имело место слияние субъекта и прямого объекта действия, выраженного исходной основой (C_1 и O_1), то при косвенно-возвратных глаголах происходит слияние C_1 с косвенным (адресатным) объектом исходной основы. Если глагол *ал-* 'брать' может управлять адресатным (косвенным) дополнением (брать—что? кому? для кого?), то в C_2 косвенно-возвратного глагола *алын-* 'брать себе' совместно выражены C_1 глагола *ал-* и его адресатный объект (O_1) — косвенный объект в дативе. Поэтому значение залогового оборота с *алын-* синонимично обороту *өзгә ал-* 'брать себе', что и отмечено в языке памятников: *оқуғыл мұны сән асығ өзкә ал* (К-1794) 'разумей это, бери себе на пользу'; *йигитлик йава қылма асғын алын* (К-354) 'не проводи впустую молодость, бери себе ее блага (пользу)'.

Следовательно, если при прямо-возвратных глаголах имеет место $C_1 > C_2$, то же отношение будет представлено и при косвенно-возвратных

⁹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1949, стр. 180; Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 456—477.

¹⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 380; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. I. М., 1950, стр. 339.

глаголах. Различие заключается лишь в том, что в первом случае O_1 является прямым объектом, а во втором — косвенным (адресатным).

4. Из косвенно-возвратного значения («действие для себя») легко могли возникнуть значения «действия для кого-либо вообще», с одной стороны, и симуляции («делать вид, притворяться, будто действие совершается или совершилось») — с другой. Первое значение в языке рассматриваемых памятников представлено единичными лексикализованными формами: *муну билмишимни отундум мэн ош* (К-3618) 'вот я [вам] изложил [все, что] знал'; *сун-* (II, 37) 'протягивать' [от *су-* (III, 266) 'посылать']. Второе же значение, по свидетельству Махмуда Кашгарского, в XI веке было широко распространено, и с помощью аффикса $-(\underline{O})н-$ можно было образовать глаголы с симулятивным значением от всех (как переходных, так и непереходных) глаголов (II, 234): *ол эвгй барінді* 'он сделал вид, что ходил домой (хотя и не ходил)'; *ол аш татінді* 'он сделал вид, что отведал пищу (хотя этого не делал)'.

В XI в. аффикс $-(\underline{O})н-$ с указанным значением начал срачиваться с аффиксами $-(\underline{O})мсы$, $-сы$, обладавшими значениями, близкими к симулятивному¹¹.

Как показывают примеры Махмуда Кашгарского, аффикс $-(\underline{O})н-$ с симулятивным значением не изменяет управления исходной основы. При глаголах симулятивного значения $C_2 = C_1$, причем C_1 в отличие от C_2 не обладает выраженными характеристиками, а C_2 является симулирующим.

Таким образом, все основные типы значений производных основ с аффиксом $-(\underline{O})н-$ в языке рассматриваемых памятников являются производными от прямо-возвратного и косвенно-возвратного значений. Последние, в свою очередь, восходят к одному центральному значению возвратного залога — значению характеристики C_1 при возвратных глаголах. Возвратный залог характеризует C_1 при производной (возвратной) основе как субъект, заинтересованный в выполнении действия. Заинтересованность C_1 при глаголах косвенно-возвратного значения проявляется в том, что действие, выражаемое производной основой (Γ_2), совершается в интересах субъекта, для него, а глаголы прямо-возвратного значения обозначают целенаправленные, умышленные действия субъекта. Поэтому в ряде тюркских языков глаголы с прямо-возвратным значением «образуются от названия таких действий, которые не причиняют ущерба или вреда действующему лицу, что исторически связано со значением заинтересованности лица в том или ином действии»¹².

Итак, выбранная нами детерминанта проявилась в разных значениях основ на $-(\underline{O})н-$ следующим образом:

1) при прямо-возвратных глаголах имеется характеристика C_1 (заинтересованный), и в связи с тем, что $C_2 < C_1$, объектные связи Γ_2 отличаются от управления Γ_1 ;

2) при глаголах общеозвратного (медального) значения C_1 и O отсутствуют, а следовательно, нет и характеристики C_1 . Такой Γ_2 отличается от исходного Γ_1 своей непереходностью и связан с последним только общностью корней;

3) при глаголах косвенно-возвратного значения имеется характеристика C_1 (заинтересованный), и управление Γ_2 отличается от управления

¹¹ См.: Х. Г. Нигматов. Отыменное основообразование тюркского глагола в XI веке. — «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 40.

¹² Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 480.

Γ_1 (Γ_1 может управлять адресатным дополнением, а Γ_2 не может, так как этот адресатный объект слит с C_1 в C_2 , то есть $C_1 > C_2$);

4) при глаголах с симулятивным значением имеется только характеристика C_1 (заинтересованный > симулирующий). Однако управление такого Γ_2 не отличается от управления Γ_1 . Кроме того, образование глаголов первых трех групп ограничено семантикой основ, а глаголы данной группы образуются от всех основ.

При производных основах (Γ_2) 1-й и 3-й групп имеется объектность C_2 (подлежащего), то есть $C_1 > C_2$, при глаголах же 2-й и 4-й групп это не наблюдается.

II. *Взаимный залог* (показатель $-(\underline{O})ш-$). Производные основы с аффиксом $-(\underline{O})ш-$ в языке памятников имеют следующие значения: 1) взаимно-возвратное, 2) совместно-множественное, 3) общевозвратное (медиальное), 4) соучастия (помощи).

1. Глаголы взаимно-возвратного значения образуются преимущественно от переходных и очень редко от непереходных основ, и такие Γ_2 обычно бывают непереходными: *ол мэниң бирлә қучушди* (II, 98) 'он обнимался со мной'; *буларда эң ашну бу Йалчық барур йашық бирлә отру бақышса толур* (K-133) 'впереди всех этих [планет] движется Меркурий, когда [он] противостоит Солнцу, [фаза его] становится полной'.

Как видно из примеров, взаимно-возвратный глагол получает (по сравнению с исходной основой) новый C_2 и новый объект, вводимый с помощью послелога *бирлә*. C_2 и O_2 являются одновременно и производящими, и испытываемыми действие, выраженное исходной основой (в приведенных примерах — *қуч-* 'обнимать' и *бақ-* 'смотреть'). Γ_2 в отличие от Γ_1 является непереходным¹³. C_2 при глаголах взаимно-возвратного значения становится специфическим новым субъектом (подлежащим) этих основ, а O_2 — их объектом, трансформированным из C_1 и O_1 , то есть при этих глаголах имеет место $C_1 > O_2$.

В авторских примерах Махмуда Кашгарского O_2 взаимно-возвратных глаголов часто опускается: *олар іккі сәвјшди* (II, 112) 'те двое полюбили (друг друга)'; *олар іккі бір біріг сувқа батрушди* (II, 236) 'те двое окунули друг друга в воду'.

2. Совместно-множественное значение вытекает из значения взаимности, так как взаимное действие прежде всего предполагает взаимодействие двух или нескольких лиц¹⁴. Стоит в обороте с взаимно-возвратным глаголом опустить O_2 , как этот глагол приобретает уже значение множественности действующих лиц. Аффикс $-(\underline{O})ш-$ с совместно-множественным значением может присоединяться ко всем глаголам и выражает простую множественность действующих лиц, которые не являются объектами для Γ_1 и, следовательно, по отношению друг к другу. Поэтому аффикс $-(\underline{O})ш-$ с этим значением представляет собой синоним формы множественного числа глагола-сказуемого¹⁵: *эян қамуғ қақшди* (II, 115)

¹³ Глаголы типа *бақыш-* теряют способность управлять дополнением в дативе, которыми управляли их исходные основы.

¹⁴ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 633.

¹⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, § 86; А. Ф. Фуломов. Узбек тилида кўплик категорияси. Тошкент, 1941, стр. 50—51; И. А. Батминов. Категория времени сказуемого в турецких языках. — «Научные труды Наркомпроса Узбекской ССР», т. 1, вып. 2. Ташкент, 1934, стр. 30.

‘мужчины все обиделись’; *эрай қамуг тавар кўсайди* (II, 110) ‘все мужчины захотели [иметь, приобрести] имущество’. Примеры показывают, что управление глагола совместно-множественного значения не отличается от управления исходной основы.

3. Взаимное действие предполагает, с одной стороны, множественность действующих лиц, а с другой — расчлененность самого действия. Если первое положение привело к появлению совместно-множественного значения аффикса $-(\underline{\text{O}})ш-$, то благодаря второму — развилось противоположное, так называемое общезовратное значение этого аффикса¹⁶. Махмуд Кашгарский указывает, что глаголы с аффиксом $-(\underline{\text{O}})ш-$ могут выражать распространение действия на все части субъекта (I, 191). Поэтому выражение *нэң ісішді* (I, 194) переводится им как ‘тепло распространилось на все части вещи’. Отсюда легко могло развиться общезовратное (медиальное) значение. Аффикс $-(\underline{\text{O}})ш-$ с этим значением встречается преимущественно в сочетании с непереходными основами — *сўчўш-* (II, 97) ‘становиться сладким’; *қуруш-* (II, 191) ‘совершенно (полностью) высыхать’ — и очень редко с переходными — *тоғраш-* (II, 252) ‘раскрошиться’, ‘обветшать’; *тон тэрні ішішді* (I, 191) ‘все части халата впитали пот’.

4. Глаголы со значением соучастия (помощи) образуются от переходных основ, способных иметь при себе адресатный (косвенный) объект: *ол мэңә жэмш тэрішді* (II, 102) ‘он собирал со мной виноград (для меня)’; *ол мэңә үзүм сїқїшді* (II, 115) ‘он помог мне выжать виноградный сок’.

В предложении *ол мэңә жэмш тэрішді* C_2 (ол ‘он’) и O_2 (мэңә ‘мне’) являются производителями действия *тэр-* ‘собирать’. Однако C_2 не является объектом для Γ_1 (то есть для действия *тэр-*), а O_2 — адресатный объект, на который направлен результат совместного действия *тэріш-*.

На первый взгляд кажется, что управление Γ_2 (*тэріш-*) не отличается от управления Γ_1 (*тэр-*), поскольку как Γ_2 , так и Γ_1 могут управлять прямым и адресатными дополнениями. Однако адресатный объект Γ_2 качественно отличается от O_1 — адресатного объекта исходной основы. Если при Γ_2 его O_2 является и производителем, и адресатом, иными словами, обладает как объектным, так и субъектными значениями¹⁷, то при Γ_1 его O_1 является только адресатом, то есть имеет только объектное значение. Таким образом, через O_2 слитно выражаются C_1 и O_1 , то есть $C_1 > O_2$.

5. Наряду со значением соучастия (помощи) Махмуд Кашгарский отмечает у этих глаголов значение соревнования. Он пишет: «Если к глаголу присоединяется *мэңә* (то есть глагол управляет дополнением в дативе. — *X. Н.*), то глагол выражает оказание помощи, если же присоединяется *мэңің бїрлә* (то есть глагол управляет дополнением с послелогом *бїрлә*. — *X. Н.*), то выражается соревнование: *ол мэңің бїрлә јай қурушді* ‘он соревновался со мной в стрельбе из лука’» (II, 105).

Нам представляется, что значение соревнования является производным от значений совместно-множественности и помощи¹⁸ и не представляет собой отдельный тип значений основ на $-(\underline{\text{O}})ш-$.

¹⁶ Об этом значении аффикса $-(\underline{\text{O}})ш-$ см.: А. Н. Кононов. Указ. раб., § 285.

¹⁷ Об оппозитивности субъектных и объектных значений падежей (следовательно, и дополнений) см.: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970. § 803.

¹⁸ Ср. наличие значения соревнования в предложении: узб. *Салим ва Рахмат от чопдилар (чопшиди)* ‘Салим и Рахмат состязались в скачках’.

Таким образом, все имеющиеся в языке рассматриваемых памятников типы значений глаголов с аффиксом $-(\underline{\text{O}})ш-$ суть производные от двух основных значений — взаимно-возвратности и соучастия (помощи). В свою очередь, эти два значения восходят к центральному значению взаимного залога — характеристике C_1 при производных основах на $-(\underline{\text{O}})ш-$ как соучаствующего в совершении действия¹⁹.

Таким образом, наблюдается следующее проявление выбранной детерминанты в различных типах значений производных основ с аффиксом $-(\underline{\text{O}})ш-$:

1) при взаимно-возвратных глаголах C_2 и O_2 являются соучаствующими и объектными; управление таких глаголов отличается от управления их исходных основ тем, что Γ_2 непереходный, а Γ_1 переходный, так как прямой O_1 вместе с C_1 получает слитное выражение в O_2 ($C_1 > O_2$);

2) при глаголах совместно-множественного значения имеется только характеристика C_1 как соучаствующего, управление Γ_2 не отличается от управления Γ_1 . В этом значении аффикс $-(\underline{\text{O}})ш-$ может присоединяться ко всем глаголам;

3) при общевозвратных глаголах отсутствует характеристика C_1 , не изменяются также объектные связи Γ_2 . В этом значении аффикс $-(\underline{\text{O}})ш-$ присоединяется к отдельным глаголам, которые легко лексикализуются;

4) при глаголах со значением соучастия (помощи) имеется характеристика C_1 как соучаствующего, объектные связи Γ_2 отличаются (качеством своего дополнения) от управления Γ_1 . C_2 не является объектом для Γ_1 .

При производных основах 1-й, 2-й и 4-й групп имеется многосубъектность (не менее двух действующих лиц независимо от грамматической формы числа подлежащего и сказуемого), при глаголах же 3-й группы этого нет. При глаголах 1-й и 4-й групп налицо слитность C_1 и O_1 ($C_1 > O_2$), отсутствующая у глаголов 2-й и 3-й групп.

III. *Страдательный залог* (показатели $-(\underline{\text{O}})л-/-(\underline{\text{O}})н-$). Глаголы с аффиксом $-(\underline{\text{O}})л/н-$ представлены в языке памятников следующими типами значений: 1) страдательное, 2) неопределенно-личное (безличное), 3) медиальное.

1. Глаголы со страдательным значением образуются от переходных основ: *тавар сатїлдї* (II, 137) 'имущество продано (кем-то)'; *этмак сїркїгї манїлдї* (II, 159) 'хлеб (кем-то) погружен в уксус'. C_2 страдательных глаголов трансформировано из O_1 ($O_1 > C_2$), C_1 характеризуется как неопределенный²⁰ и в страдательном обороте является имплицитным. Следовательно, как совершенно справедливо указывал С. Н. Иванов, страдательное и неопределенно-личное значения в страдательных оборотах сосуществуют²¹. Это отчетливо видно при сопоставлении действительных и страдательных оборотов от одного и того же глагола: *bilig birle bulnur sa'adet yoli, bilig bil sa'adet yolini bul-a* (A-83—84) 'Знанием будет найден путь к счастью, приобретай (букв. узнай) знания, находи путь к счастью'.

2. Логическим завершением развития значения неопределенности C_1 при страдательных глаголах является неопределенно-личное (безлич-

¹⁹ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков..., стр. 134.

²⁰ Там же.

²¹ С. Н. Иванов. О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах, стр. 5—6.

ное) значение²², наиболее ярко проявляющееся при производных основах (Γ_2), образованных от непереходных (Γ_1): *ол јэргә барїлдї* (II, 160) 'туда ходили'. Управление такого Γ_2 не отличается от управления Γ_1 , однако Γ_2 никогда не имеет своего S_2 (подлежащего) и поэтому образует центр односоставного предложения²³.

С неопределенно-личным (безличным) значением производных основ на $-(\underline{\text{O}})л/н-$ тесно связаны две особенности таких Γ_2 — во-первых, это значение «осложнено обычно оттенками объективной возможности или невозможности совершения действия»²⁴, во-вторых, глаголы с аффиксом $-(\underline{\text{O}})л/н-$ могут управлять винительным падежом²⁵:

1) *агыштэг бу эдгу агулмас киши, тэгиб тэкмә йалңуқ қылумаз иши* (К-890) 'доброта подобна подъему, человек не может достичь [ее] (букв. подняться на нее), [даже] достигнув [ее]; не каждый сможет свершить ее дела (то есть быть добрым)'²⁶; *tegiłmez muradka aki er teger* (A-234) 'недостижимой цели достигнет щедрый муж';

2) *ажун файласуфы нэңи болмаса, нэчә тилдәм эрсә кишәлди т и л и г* (К-3037) 'у философа [в этом мире] если нет богатства, как бы ни был красноречивым, его язык скован (букв. связан)'; *көдәзилсә ичкүдә қыл тү й а м ы ғ* (К-2878) 'чтобы уберечь напитки от волос и' соринок'.

3. В производных основах (Γ_2), образованных от исходных переходных глаголов, выражающих действия, влекущие за собой изменения формы, состояния, качества, свойства прямого объекта (со значениями типа «ломать, открывать, красить, сгибать» и т. д.), страдательное и медиальное значения сосуществуют. Эту особенность тюркских глаголов хорошо понимал Махмуд Кашгарский. Поэтому такие глаголы даны в его «Диване» в двойном переводе: *түгүн сәшилди* (II, 141) 1) 'узел развязался (сам по себе)'; 2) 'узел (кем-то) развязан'.

Наличие страдательного и медиального значений в определенном типе производных основ на $-(\underline{\text{O}})л/н-$ вытекает из семантических особенностей исходных основ (Γ_1) и аффикса $-(\underline{\text{O}})л/н-$. Общим для обоих значений (страдательного и медиального) является отсутствие прямого дополнения. Различие же заключается лишь в том, что при медиальном глаголе отсутствует и не мыслится субъект действия, выраженного исходной основой (S_1), и, следовательно, S_2 медиального глагола не связан с O_1 : *иш түзүлди* (II, 145) 'дело уладилось' (нет производителя действия *түз-*); а при страдательном глаголе есть имплицитный S_1 , и, следовательно, имеется O_1 , трансформированный в S_2 *јәр түзүлди* (II, 145) 'земля (кем-то) выровнена' (есть неопределенный производитель действия *түз-*). Иными словами, при глаголах со страдательным значением раздельно представлены S_1 и O_1 , а при медиальном глаголе S_1 и O_1 отсутствуют.

Из вышесказанного следует, что страдательное, медиальное и неопределенно-личное значения в определенных группах производных основ на $-(\underline{\text{O}})л/н-$ сосуществуют нерасчлененно. Возникает закономерный вопрос: каким образом эти три значения отделяются друг от друга?

В языке рассматриваемых памятников встречаются, правда, редко случаи, когда вместо ожидаемых по нормам современных тюркских язы-

²² Об этом значении см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, § 390.

²³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, §§ 1025, 1032; его же. Грамматика современного узбекского литературного языка, §§ 528, 531.

²⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, § 391.

²⁵ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков..., стр. 5.

²⁶ В данном примере формы с аффиксом $-(\underline{\text{O}})л-$ (страдательная форма) и с аффиксом $-у-$ (форма возможности) синонимичны.

ков страдательных форм глагола употребляются глаголы в форме основного залога: *қанығ қан билә јумаз* (III, 74) 'кровь не смывается кровью'; *тақы бир қуту ашқа бармас оқуб, кишиг. үндәр ашқа тоқымлар тоқыб* (K-4566) 'еще одна категория [людей] не ходит, будучи приглашенной, на [званные] обеды, [но сама] приглашает людей на угощения, забив скот'; *йызыр эт көдәзмәсә* (K-4515) 'тухнет мясо, если [его] не уберегут'. В XI веке подобные обороты, несомненно, были архаизмами²⁷.

Наличие подобных оборотов позволяет сделать вывод, что неопределенность и имплицитность S_1 в страдательных глаголах — явление сравнительно новое. Поэтому природу древнейших страдательных оборотов следует искать, видимо, в конструкциях типа *элигкә көрүнди өзи* (K-3758) 'он [сам] показался элигу (правителю)'. Здесь субъект действия *көр-* (S_1) выражен эксплицитно — дополнением в форме дательного падежа (*элигкә*). Таких примеров в языке рассматриваемых памятников много, причем S_1 может быть введен не только с помощью дополнения в дативе, но и дополнением в форме исходного падежа: *сәниңдин өтәлсүн мәнә сөз тақы, мәниңдин өтәлсүн сәнә сөз хақы* (K-2631) 'пусть тобою будут изложены мне еще мысли (букв. слова), а мною — дано вознаграждение тебе за слова'; *бу дунйа нәңи ул сәчилмиш мәнә* (K-3516) 'вещи (явления) этого мира классифицированы (осознаны) мною'. Аналогичные конструкции образуют глаголы с древним показателем страдательности — аффиксом *-сық*: *эр јағиқа тутсуқдї* (II, 264) 'мужчина захвачен врагом'; *күмүш көрсә алтун аңар арсықар* (K-2686) 'если увидит серебро и золото, будет ими обманут'. В этих оборотах S_1 глаголов *өт-*, *сәч-*, *тут-* *ар-* выражен с помощью дополнений в дативе (*мәнә*, *јағиқа*, *аңар*) и исходного падежа (*мәниңдин*, *сәниңдин*), а S_2 глаголов *өтәл-*, *сәчил-*, *арсық-*, *тутсуқ-* трансформирован из O_1 , то есть в этих страдательных оборотах имеется $O_1 > S_2$ и $S_1 > O_2$. Иными словами, здесь S_1 и O_1 при производных основах представлены раздельно.

Таким образом, отвечая на поставленный выше вопрос, можно сказать, что в древнейших страдательных оборотах значения страдательности и медиальности, страдательности и неопределенно-личности разграничиваются в связи с возможностью раздельного выражения S_1 и O_1 ²⁸. Раздельное представление и выражение S_1 и O_1 в древнейших страдательных конструкциях стали базой для развития (начиная с XIV века)²⁹ новейших страдательных оборотов, в которых S_1 вводится с помощью конструкций с послелогоми *тарафыдын*, *жыхатыдын*, *таманыдын* и др.

Что касается причин возникновения медиального значения в производных основах с аффиксом *-($\frac{O}{S}$)л/н-*, то, как было отмечено выше, страдательные глаголы — в основном, а медиальные глаголы — всегда являются непереходными. При страдательном глаголе имеет место $O_1 > S_2$, причем S_2 сохраняет свою связь с O_1 (следовательно, и с Γ_1) до тех пор, пока S_1 выражается (или подразумевается) отдельно. Если S_1 не выражен (чему, несомненно, способствует имплицитность S_1 в относительно старых страдательных конструкциях), то S_2 теряет свою связь с O_1 и приобретает вместо значения реального объекта (O_1), которому навязывается действие (признак), название субъекта, производящего действие (или принимающего признак). Эта тенденция поддерживается наличием

²⁷ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 507.

²⁸ Поэтому справедливым является замечание, что страдательное значение «безусловно преобладающим становится только при описательном выражении действующего лица» (С. Н. Иванов. Родословное древо тюрк., стр. 6).

²⁹ См.: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 167.

большого числа непереходных глаголов основного залога, обладающих аналогичным значением.

Признаваемая всеми тюркологами связь страдательного и возвратного залогов основана на имеющейся у этих залогов общности одного из значений, а именно — значения медиальности. Как мы стремились показать, истоки возникновения медиального значения у глаголов с аффиксами $-(\frac{O}{\underline{O}})н-$ и $-(\frac{O}{\underline{O}})л/н-$ различны, однако по своей лексико-грамматической сущности медиальные глаголы с указанными аффиксами едины — и в отличие от их исходных основ — непереходны, при них отсутствует также C_1 .

Итак, выбранная детерминанта в трех основных значениях глаголов с аффиксом $-(\frac{O}{\underline{O}})л/н-$ проявляется следующим образом:

1) при страдательных глаголах C_1 характеризуется как неопределенный; Γ_2 — непереходный, а Γ_1 — переходный. C_2 является всегда пассивным, так как $O_1 > C_2$;

2) при глаголах неопределенно-личного значения C_1 неопределенный, но управление Γ_2 не отличается от управления Γ_1 ;

3) при медиальных глаголах отсутствует C_1 , а следовательно, и O_1 ; Γ_2 отличается от Γ_1 своей непереходностью.

IV. *Понудительный залог* (продуктивные для XI—XII вв. показатели $-(\frac{O}{\underline{O}})т-$, $-тыр-$, непродуктивные — $-ғур-$, $-(\frac{O}{\underline{O}})р-$, $-(\frac{O}{\underline{O}})з-$, $-қар-$, $-қаз-$, $-дуз-$ и др.). Основы с аффиксами понудительности представлены в памятниках двумя основными типами значений: 1) понудительно-каузативным, 2) понудительно-переходным³⁰.

1. Глаголы понудительно-каузативного значения образуются от переходных исходных основ: *туз этмак йэтүргил кишике* (К-4119) 'дай людям [возможность] отведать [твой] хлеб-соль'; *taturmaz eseninde tüz dostunga* (А-264) 'при жизни не позволит своим друзьям отведать [свою] соль'; *өлүмүг билигли сэвүтмэз өзүн* (К-3511) '[тот, который] осознает смерть, не позволит [себе] влюбиться [в этот мир]'; *узатса басыттың йэти қыл адақ* (К-2333) 'если ты затягиваешь [бой, то] позволишь [врагу] подавить [тебя, поэтому] будь быстрым'; *ол аңар йш қїлдурдї* (II, 223) 'он заставил его работать'.

Управление понудительно-каузативного глагола (Γ_2) отличается от управления исходной основы (Γ_1) тем, что Γ_2 имеет, помимо дополнений Γ_1 , еще одно дополнение в форме дательного падежа. С помощью этого дополнения вводится C_1 ($C_1 > O_2$), характеризуемый как побуждаемый к совершению действия³¹. Кроме того, Γ_2 имеет не связанный ни с C_1 , ни с O_1 собственный C_2 , который может обладать целым спектром каузативных характеристик — от категорического приказания до пассивного позволения³².

При понудительно-каузативных глаголах очень часто опускается $C_1 > O_2$, и C_1 становится имплицитным: *эр йїғач бїчтурдї* (II, 198) 'мужчина приказал срубить дерево', 'мужчина (через кого-то) срубил дерево'. В таких оборотах благодаря неопределенности C_1 понудительные глаголы сближаются со страдательными.

2. Понудительно-переходные глаголы (Γ_2) образуются от непереходных (Γ_1). Исходя из особенностей прямых дополнений (O_2) и их отноше-

³⁰ Об особенностях этих значений см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, § 393.

³¹ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков..., стр. 134.

³² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, § 393.

ния к C_1 , следует различать две подгруппы понудительно-переходных глаголов:

1) G_2I — от исходных непереходно-активных глаголов (типа *бар-* ‘идти’, *қорқ-* ‘бояться’, *йығла-* ‘плакать’ и др.): *ол мәні эвгәй бартурдї* (II, 204) ‘он заставил меня отправиться домой’; *қатығылан аны кәлдүр эмди мәңә* (К-3228) ‘старайся, заставь теперь его придти ко мне (> приведи его ко мне)’;

2) G_2II — от исходных непереходно-пассивных глаголов (типа *өли-* ‘мокнуть’, *башық-* ‘быть раненным’ и др.)³³: *ол тон өлitti* (II, 220) ‘он намочил халат’; *[til] başıktursa butmez* (A-140) ‘если [язык] поранит [словами, то рана от него] не заживет’.

При G_2I , как это видно из примеров,³³ через прямое дополнение (O_2) выражается C_1 , побуждаемый к действию со стороны C_2 (то есть имеется $C_1 > O_2$). Что касается O_2 при G_2II , то оно стремится отделиться от пассивного C_1 исходных основ. Тем самым снимается оппозиция дополнений (и значения падежа) по признаку объектности-субъектности, имевшая место в дополнениях при глаголах со значениями помощи, взаимно-возвратности, понудительно-каузативности в древнейших и новейших страдательных оборотах. У G_2I также проявляется отчетливая тенденция к тому, чтобы дополнения (O_2) при этой группе глаголов не ограничивались сферой только C_1 , например: *јәм кәлдүр* (III, 158) ‘принеси пищу’, где *јәм* не является производителем действия *кәл-*. Эта тенденция обусловлена тем, что понудительно-переходный глагол благодаря своим внутрикатегориальным отношениям связан с исходной основой и формами других залогов этой основы единым C_1 (субъектом действия, выраженного исходной основой); однако этот же глагол по своим межкатегориальным отношениям противопоставлен исходной основе как переходный глагол непереходному. Если первые отношения удерживают понудительно-переходный глагол в рамках форм одного глагола и обуславливают возможность существования при нем дополнения, трансформированного из C_1 , то вторые — создают почву для превращения исторически понудительно-переходного глагола в самостоятельный переходный глагол, связанный с исходной основой только общностью корня. Именно этими противоречивыми тенденциями обусловлены наличие большого числа аффиксов каузативности и их напластование в составе слова³⁴.

Таким образом, при глаголах с аффиксами понудительности детерминанта проявляется следующим образом:

1) при понудительно-каузативных глаголах C_1 характеризуется как побуждаемый и вводится новым дополнением производной основы ($C_1 > O_2$);

2) при G_2I также сохраняются $C_1 > O_2$ и характеристика C_1 , но G_2I стремится освободить свое дополнение (O_2) от ограничения только сферой C_1 ;

³³ О противопоставлении непереходно-активных и непереходно-пассивных (по Г. Д. Санжееву), косвенно-переходных и собственно-непереходных (по А. Н. Кононову), объективно-средних и субъективно-средних (по А. А. Потемне) глаголов см.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, стр. 13—15; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, § 243; А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике, т. IV. Л., 1941, стр. 199—200.

³⁴ Тенденцией разграничения противоречивых значений залоговых показателей обусловлено возникновение в XI в. аффиксов *-лын-* (для разграничения медиального значения от страдательного) и *-лыш-* (для разграничения значения совместно-множественности от взаимно-возвратности). Однако эти аффиксы не получили развития (и не могли развиваться, так как единство страдательного и медиального значений вытекает из внутренней природы основ на $-(\underline{Q})л/н-$; в тюркских языках, в которых развита категория лица/числа, глагола-сказуемого, специальный аффикс множественности действующих лиц излишен)..

Аффиксы Г ₂	№№	Признаки		Характеристика С ₁	Различие между Г ₁ и Г ₂ в управлении	Многосубъектность	Слитность С ₁ и О ₁ при Г ₂	Объектность С ₂	Неопределенность С ₁	Пассивность С ₂	Субординация субъектов	Типы значения
		Значения Г ₂										
-(<u>о</u>)н-	I	Прямо-возвратное		+	+	0	+	+	0	-	-	лексико-грамматический
	II	Косвенно-возвратное		+	+	0	+	+	0	-	-	лексико-грамматический
	III	Медиальное		-	+	0	-	+	-	0	-	лексический (словообразовательный)
	IV	Симуляция		+	-	0	-	-	0	0	-	грамматический (словоизменятельный)
-(<u>о</u>)ш-	V	Взаимно-возвратное		+	+	+	+	+	0	-	-	лексико-грамматический
	VI	Совместно-множественное		+	-	+	-	0	0	0	-	грамматический (словоизменятельный)
	VII	Общевозвратное		-	-	0	-	+	-	0	-	лексический (словообразовательный)
	VIII	Соучастия		+	+	+	+	-	0	-	+	лексико-грамматический
-(<u>о</u>)л/н-	IX	Страдательное		+	+	0	-	+	+	+	-	лексико-грамматический
	X	Медиальное		-	+	0	-	+	-	0	-	лексический (словообразовательный)
	XI	Неопределенно-личное (безличное)		+	-	0	-	-	+	-	-	грамматический (словоизменятельный)
-(<u>о</u>)т- и др.	XII	Понудительно-каузативное		+	+	+	-	-	0	0	+	лексико-грамматический
	XIII	Понудительно-переходное	Г ₂ /I	+	+	+	-	-	0	0	+	лексико-грамматический
	XIV		Г ₂ /II	-	+	0	-	-	-	-	-	лексический (словообразовательный)

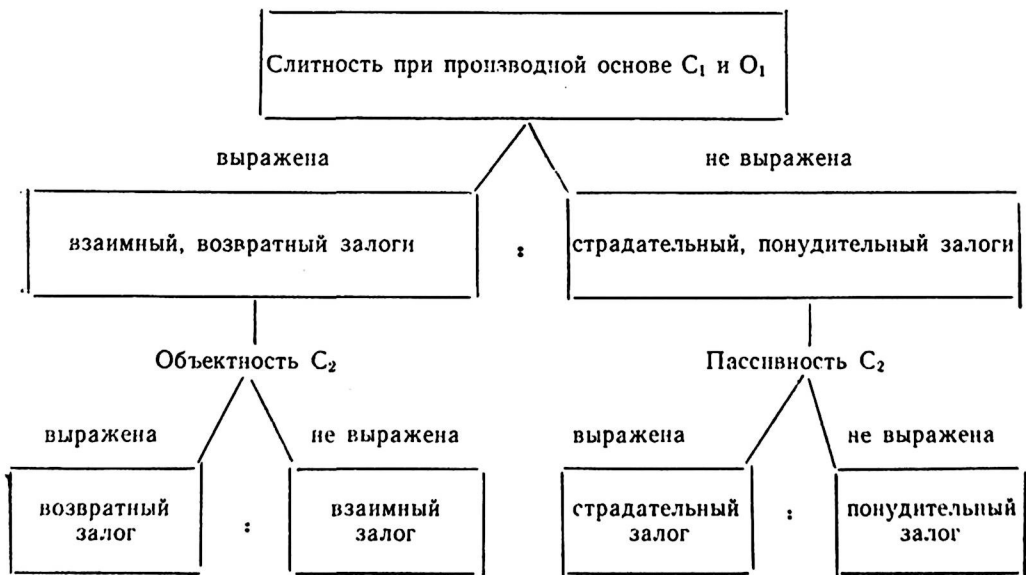
(+) — маркированность признака, (-) — отсутствие признака, 0 — нейтральность к признаку.

3) при $\Gamma_2\Pi$ нет характеристики C_1 и, следовательно, отсутствует $C_1 > O_1$. $\Gamma_2\Pi$ и его исходная основа противопоставлены как переходный и непереходный глаголы.

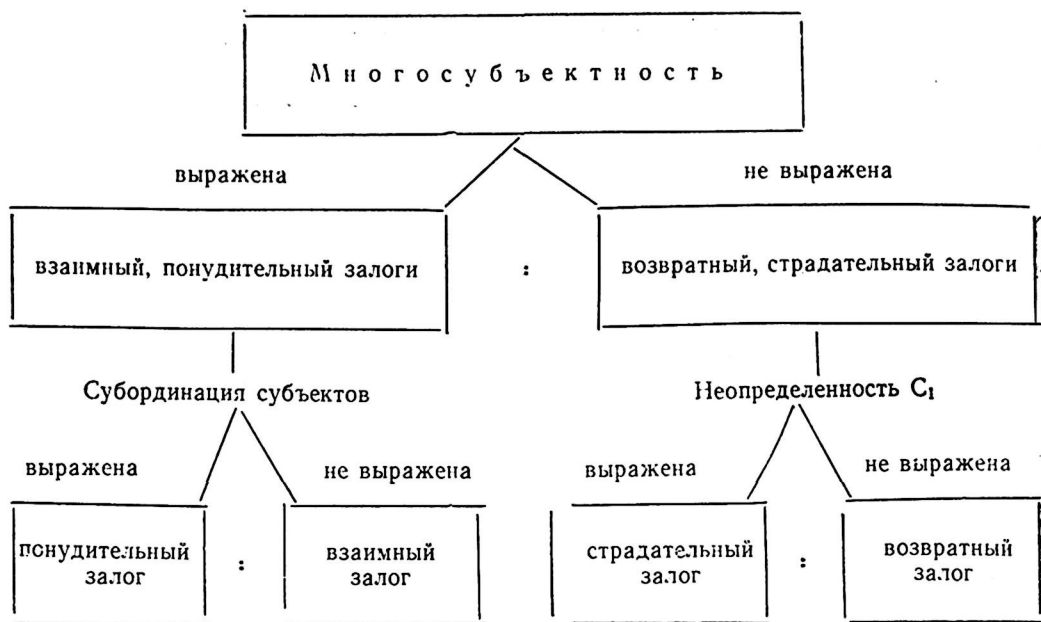
На основании предложенного описания можно определить оппозиции залогов и, учитывая маркированные признаки каждого типа значений производной основы (Γ_2), классифицировать значения аффиксов, образующих формы залогов (см. таблицу на стр. 58).

Поскольку под грамматическим (словоизменительным) рядом значений залоговых аффиксов нами понималась характеристика C_1 при производной основе, а под лексическим (словообразовательным) значением этих аффиксов — их способность изменять управление Γ_1 (исходной основы) в Γ_2 (производной основе), то те типы значения, в которых представлены и характеристика C_1 , и различия в управлении между исходными и производными основами, следует рассматривать как лексико-грамматические (I, II, V, VIII, IX, XII, частично XIII типы значений), а значения, развившиеся только на основании характеристики C_1 — как чисто грамматические (IV, VI, XI типы); что же касается значений, представляющих собой развитие только объектных изменений в отрыве от характеристики C_1 , то они, вне всякого сомнения, являются проявлением чисто лексического (словообразовательного) значения (III, VII, X, XIV и частично XIII типы) аффиксов, образующих залоговые формы. Поэтому не случайно аффиксы $-(\underline{O})n-$ и $-(\underline{O})ш-$ с медиальным значением слились с аффиксом $-ла-$ и дали новые глаголообразующие аффиксы $-лан-$ и $-лаш-$.

Теперь становится ясным, почему формально-морфологический подход к определению границ того или иного залога приводит к неизбежным противоречиям. Это связано с тем, что в каждом залоговом аффиксе содержатся разные по сущности типы значения, объединяемые в одно лишь на основании общности показателя. При функциональном же подходе такие противоречия устраняются, так как в залоговых аффиксах выделяются три типа соотносительных значений, по которым и противопоставляются производные основы. Так, производные основы на базе их лексико-грамматического типа значений образуют следующие два ряда оппозиций³⁵:

³⁵ О проявлении сущности формы в двух рядах оппозиций см.: Х. Г. Нигматов. Соотношение категорий времени и наклонения в тюркском глаголе. — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 54.

По чисто грамматическому типу значений противопоставлены только три залога (IV, VI, XI типы значений), по лексическому — III, VII, X типы значения противопоставлены XIV и, частично, XIII.

Относительно вопроса о степени грамматизации залогов следует отметить, что наиболее развитыми, независимыми от лексического значения исходной основы типами значений в XI—XII вв. обладали только взаимный, страдательный и возвратный³⁶ залог (IV, VI, XI типы значений), и наименее грамматизованным (следовательно, наиболее словообразовательным) являлся понудительный залог.

Теперь, рассмотрев производные основы, мы можем остановиться на особенностях основного (исходного, прямого и т. д.) залога. Как известно, подлежащее при глаголе в форме основного залога в зависимости от лексического значения глагола и значения грамматических форм может иметь характеристики активности (при переходных и некоторых непереходных глаголах), неактивности (при большинстве непереходных глаголов), объектности — концентрации действия в себе (при медиальных глаголах), единичности и множественности, определенности и неопределенности (при различных формах лица/числа глагола-сказуемого), заинтересованности (при повелительном и желательном наклонениях) и многие другие. Иными словами, основной залог является нейтральным по отношению ко всем значениям залоговых аффиксов: он может, при определенных условиях, выражать любое из них, но ни одно из них не является для него обязательным³⁷. Следовательно, обобщенное значение залога — различные отношения действия к подлежащему (то есть к слову, обозначающему предмет, динамический признак которого выражается глаголом), разнообразные характеристики деятеля, различные объект-

³⁶ Позже под влиянием общей тенденции нейтрализации противопоставления основ тюркского глагола по отношению к виду-модальным значениям аффикс *-(Q)n-* утратил свое симулятивное значение.

³⁷ Ср.: «(основной залог) по своей семантике столь же разнообразен, как неопределенный падеж в склонении» (Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 180).

ные связи — присутствуют только у основного залога. В косвенных залогах эти отношения уточняются и заключаются в определенные рамки.

Таким образом, основной залог является репрезентантом категории залога, и значения отдельных залоговых форм устанавливаются в зависимости от их отношения, с одной стороны, к этому залогу, а с другой — к тем залогам, оппозитивность с которыми была рассмотрена выше.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. И. РАССАДИН

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

Предки современных тюркских народов Южной Сибири с древнейших времен имели связи с монголоязычными племенами. Влияние монголов на народы Саяно-Алтая усилилось с XIII в., когда Чингис-хан, став во главе Монгольского государства, начал расширять границы своей империи. В 1207 г. по его приказу Джучи-хан осуществил так называемый «лесной» поход, целью которого было завоевание и подчинение народов Саяно-Алтайского нагорья. «Чингис-хан передал тогда эти покоренные племена своему сыну Джучи в подданство. Таким образом, население Саяно-Алтайского нагорья и бассейна Верхнего Енисея в 1207 году попало под власть монгольских феодалов»¹. С падением Монгольской Юаньской династии и изгнанием восточных монголов из Китая (1368 г.) борьба между восточными и западными монголами приняла особенно острый характер. В результате укрепилось кратковременное господство западных монголов, или ойратов, расцвет могущества которых приходится на середину XV в. Однако после смерти ойратского хана Эсеня (1453 г.) западные монголы утратили господствующее положение. Междоусобицы, способствовавшие политическому дроблению, привели к образованию в конце XVI в. недолго просуществовавшего государства под главенством Алтын-ханов. В состав его входила территория к западу от верховьев р. Селенги и оз. Косогола, включая Туву, вплоть до верховьев Иртыша, с центром у оз. Убса-нур. Политическое влияние государства Алтын-ханов распространялось на население Минусинской котловины, то есть на енисейских киргизов, и, частично (после падения Сибирского ханства), на телеутов, кочевавших в междуречье Иртыша и Оби. Вражда и войны между крупными западномонгольскими феодалами, Алтын-ханом и киргизскими князьями в это время не прекращались. Междоусобная борьба западных монголов и Дзасактухановского аймака Монголии привела к падению государства Алтын-хана. Во второй половине XVII в. ойратские ханства обрели Джунгарское государство. Власть джунгарских ханов распространялась на все Саяно-Алтайское нагорье вплоть до 1755 г. С падением Джунгарии Тува была покорена Маньчжурской (дайцинской) династией Китая, в то время как племена Алтая и Минусинской долины добровольно вошли в состав Русского государства.

---

¹ «История Тувы», т. I. М., 1964, стр. 172.

Описанные выше события не могли, естественно, не оказать влияния на языки южносибирских тюрков.

Займствования из монгольского языка давно уже привлекают внимание исследователей сибирских тюркских языков. Так, Н. А. Баскаков в грамматическом очерке алтайского языка, приложенном к «Ойротско-русскому словарю» (1947 г.), привел 28 слов, заимствованных из средневекового монгольского языка. В последующих работах² ученый продолжил изучение монголизмов, не дифференцируя, однако, общие тюрко-монгольские и собственно монгольские слова в алтайском языке. В. Н. Тадыкин в одной из своих статей³ отметил существование в алтайском языке монгольских заимствований, относящихся к XII—XVIII вв., например: *kuług* 'мука', *paadaɟ* 'кукла', *tülküüg* 'ключ, отмычка'. При этом он впервые обратил внимание на то, что южные алтайские диалекты имеют больше освоенных монгольских заимствований, нежели северные.

В настоящей статье мы попытаемся дать общий очерк монгольских заимствований в алтайском языке и его диалектах. В основу нашего исследования положен материал словарей алтайского языка, алтайского эпоса и диалектных публикаций. Весь анализируемый материал был подвергнут проверке в личных беседах с носителями соответствующих диалектов⁴ в 1968 г. во время нашей поездки в Горно-Алтайскую автономную область.

Анализ материала показал, что северные (тубаларский, кумандинский, челканский) и южные (алтайский, теленгитский, телеутский) алтайские диалекты довольно заметно различаются по степени насыщенности монгольскими заимствованиями. Из 614 зафиксированных нами монголизмов алтайского языка общими для всех диалектов являются лишь 117 слов [например, *alakan* 'ладонь', *belen* 'готовый', *büüle* 'десна', *kičee-* 'стараться, быть прилежным', *too-* 'почитать, уважать; догадываться', *too* 'счет, число; количество'], остальные же распределяются по диалектам крайне неравномерно. Насчитывается около 230 монголизмов, представленных лишь в южных диалектах [например, *zobo-* 'хворать, болеть, изнуряться', *ögün* 'сверло', *tüleɟ* 'глухой', *šibee* 'крепость, укрепление', *elezin* (в фольклоре) 'речной песок'], из них свыше 100 — только в алтайском и теленгитском [например, *amtan* 'вкус (пищи)', *bodolgo* 'задача', *kakaj* 'свинья, кабан', *karšuun* 'расторопный', *öbögön* 'старик', *uda-* 'медлить; продолжать', *ezegeɟ* 'вареный творог']. Кроме того, лишь в теленгитском бытует 22 слова [например, *boško* 'чинов-

² См.: Н. А. Баскаков. Алтайский язык (введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М., 1958, стр. 36—44; *его же*. Очерк развития и формирования алтайского языка и его диалектов. — «Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ», вып. 3, стр. 48—55.

³ См.: В. Н. Тадыкин. К вопросу о современном состоянии и уровне развития лексики алтайского литературного языка. — «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе (материалы к Сибирскому региональному совещанию)». Новосибирск, 1967, стр. 60—69.

⁴ Материал по тубаларскому диалекту был записан от Мокосевой Марии Козловны (туба, род тиргеш, кость тогус), по кумандинскому — от Казагачевой Сыргай Кыстаевны (куванды, род шабат), по челканскому — от Кандараковой Екатерины Павловны (шалгану, род ак паш), по алтайскому — от Тадыкина Василия Николаевича (алтай-кижи, род мундус) и Тютенева Товора Санатовича (алтай-кижи, род танжан), по теленгитскому — от Калкина Гаврила Далматовича (теленгит, род саал), по телеутскому — от Кучигашевой Надежды Александровны (баят-кижи, род майман). Пользуясь случаем, приношу всем перечисленным лицам, а также сотрудникам Горно-Алтайского НИИИЯЛ, оказавшим большую помощь в сборе диалектного материала, свою искреннюю и глубокую благодарность.

ник — помощник демичи, күнди 'чиновник — помощник зайсана', кагу 'чужой, чужак', сајут 'господин, вельможа, дворянин'], в алтайском — 9 [bajзуң, bajзуң ögгöö (в эпосе) 'каменный дом, дворец', bogopo 'короткий, низкорослый', kojylga 'подарок', таану 'дикий кот', муј 'кот', оңгор 'русский', seremzi 'подозрительность', тазу- 'ударять', tögötöl — в выражении et tögötöl (в эпосе) 'только что рожденный (о богатыре)'] и в телеутском — 7 слов [bos (женск.) 'какая-то птица', žemele- 'бранить, грозить, упрекать', карсук 'ущелье', көпзölö 'одеяло', kultuң 'хитрый', таңза биçик (в эпосе) — 'какая-то книга', tölgö (женск.) 'овца, оставленная для приплода'].

Таким образом, южные диалекты испытали гораздо большее языковое влияние монголов, чем северные, причем каждый из южных диалектов, очевидно, имел свои самостоятельные контакты с монгольским языком. Следует также отметить, что не все из рассмотренных монголизмов сохранились до наших дней в народном языке. Свыше трех десятков слов, бытующих в алтайском литературном языке, отсутствует в диалектах, например: амут 'живое существо', амујтан 'живые существа', агтап 'род как податная единица', камур 'переносье', kolžur 'горло, шея, глотка', tokšун 'дикий, свирепый', üzük 'словарь', üzük биçик 'вертикальное письмо (монгольское)', еге- 'настаивать, неотступно просить' и др.

Северные диалекты отличаются от южных также в фонетическом и морфологическом освоении монголизмов. Так, кроме характерных вообще для алтайских диалектов чередований b||m, ž||ž, k||g и других, отличительной чертой северных диалектов является наличие широкого неогубленного варианта некоторых долгих гласных на месте узких огубленных долгих в тех же словах в южных диалектах. Например:

северн.	южн.	старописьм.-монг.	совр. монг.	значение
kalžaa	kalžu	γalžayu	galzuu	'бешеный',
soraal	soruul	soraγul	soruul	'мундштук',
ereel	erүүл	eregül	erүүл	'трезвый',
sereen	serүүл	seregün	serүүл	'прохлада'.

В указанном отношении северные алтайские диалекты напоминают другие сибирские тюркские языки — хакасский, тофаларский, тувинский и шорский. Южные же алтайские диалекты имеют долгие гласные, аналогичные современным монгольским языкам. Можно предполагать, что эти монголизмы проникли в северные алтайские диалекты в то время, когда в монгольском языке еще произносились интервокальные *γ* и *g*. Прочно войдя в системы этих диалектов, монголизмы впоследствии претерпели в них те же фонетические изменения, что и собственно тюркские слова. При этом характер долгого гласного в монголизмах аналогичен долготе первого гласного в сочетании ГСГ (гласный+согласный+гласный) в тюркских словах, например: куманд. seeg 'гребень горного хребта' <др.-тюрк. seңir *id.*; söök 'кость' <др.-тюрк. söңük *id.*; aag 'тяжелый' <др.-тюрк. aγır *id.* и т. п.

Однако отмеченное выше расхождение в характере долгих гласных наблюдается лишь в тех случаях, когда долгота возникла на месте сочетаний -ayu-, -egü- монгольского языка, то есть когда первым компонентом выступает неогубленный широкий гласный, а вторым — узкий огубленный. Различия же в характере долгот, образовавшихся на месте других сочетаний гласных с согласными *γ*, *g* и *j*, между диалектами не наблюдается. Например:

северн.	южн.	старописьм.-монг.	совр. монг.	значение
sööm	sööm	sögem	sööm	'пядь',
margaan	margaan	marγuγan	margaa(n)	'спор',
žööžö	žööžö	žögeši	zööše (бур.)	'имущество'.

В некоторых случаях наблюдается также лексическое расхождение между монголизмами северных и южных диалектов. Так, например, северное *kenetke* 'внезапно' <монг. *gened* + алтайский аффикс наречия *-ke*, южное же *kenetijin* 'внезапно' <монг. *genedtejin id.*; куманд. *tarvaj-* 'растопыриваться, разветвляться' <монг. *darbaji-* 'широко раскрываться', а в остальных диалектах *sarбай-* 'растопыриваться' <монг. *sarбай- id.*

Из всех алтайских диалектов лишь теленгитский сохраняет фонетику и семантику монголизмов, наиболее близкие к монгольскому оригиналу, например: теленг. *bajkan* 'палатка' <монг. *тајіқан id.* (ср. алт., телеут. *bajkan* 'круп коня'), теленг. *salaa* 'промежуток между пальцами' <монг. *salaya id.* (ср. алт., телеут. *salaa* 'палец'), теленг. *žalkuurgu-* 'ленился' <монг. *žalqayuga- id.* (ср. алт., телеут. *žalkuug- id.*), теленг. *paquguul* 'глотка' <монг. *baqalayug id.* (ср. телеут. *bajkuug id.*).

Значения некоторых монголизмов изменились в челканском диалекте, например: челк. *bagaaп* 'соревнование' вместо 'спор' во всех остальных, *пеке-* 'надоедать' вместо 'взыскивать; гнаться', *kipuk-* 'скушать' вместо 'скорбеть, измучиться'. В телеутском диалекте слово *kubul-* употребляется в значении «обидеться, надуться» вместо «изменяться» во всех остальных. Подавляющее же большинство монголизмов сохраняет свое значение, например: *žon* 'народ', *kežim* 'чепрак', *kaңza* 'курильная трубка', *kaјka-* 'удивляться', *kaпžaga* 'торока', *solonу* 'радуга' и многие другие.

Ряд слов, являющихся в монгольских языках многозначными, употребляется в алтайских диалектах в одном из своих значений, например: *torčy* 'пуговица' <монг. *тобсі* 'пуговица; сосок'; *ögökö* 'двор, хозяйство' <монг. *егүке* 'кусок кошмы, закрывающий дымовое отверстие юрты; двор, хозяйство'; *buguи* 'вина, преступление' <монг. *buguуи* 'ложный, неправильный; вина, проступок, виновный'; *үйле* 'несчастный случай' <монг. *үйіле* 'дело, деяние; несчастный случай, смерть'; *möngü-* 'молиться' <монг. *möngü-* 'кланяться, склоняться, наклоняться; молиться'.

Около 80 слов монгольского происхождения изменили в алтайском языке свое исконное значение. Это говорит о том, что монгольские слова попали в алтайские диалекты весьма давно и настолько прочно и глубоко вошли в лексическую систему алтайского языка, что включились в процесс семантического развития. Примерами могут служить такие слова, как *toogčyк* 'шишка (например, еловая)' <монг. *тоуиңсү* 'бутон'; *šene-* 'испытывать' <монг. *šene-* 'быть осмотрительным'; *moңus* 'великан' <монг. *mongуus* 'чудовище'; *kelegej* 'занка' <монг. *kelegei* 'немой', *koотoj* 'плохой' <монг. *γоотай* 'ненадежный'.

Некоторые монголизмы перешли в алтайских диалектах в иной лексико-грамматический разряд слов. Так, монгольское прилагательное *qayučin* 'старый, прежний' в алтайском языке стало существительным *киишун* 'рассказ', монгольское существительное *saγad* 'задержка; препятствие' употребляется как прилагательное и наречие *saat* 'медленный; медленно', монгольское прилагательное и наречие *üргelzi* 'посто-

янный; постоянно' употребляется как существительное *ürgülzi* 'вечность'. Все же остальные рассмотренные нами монголизмы алтайских диалектов относятся к тому же лексико-грамматическому классу, что и соответствующие слова в древних и современных монгольских языках.

Все монгольские заимствования сохраняют в алтайских диалектах словообразовательную структуру и состав морфем, характерные для старомонгольского языка.

Существительные употребляются как в виде условно-непроизводных слов, например: *кор* 'клевета, ябеда, донос', *теке* 'обман, хитрость, лукавство', *үје* 'поколение; род; сустав (коленный); слог', *үген* 'семя, плод; зерно; (женск.) дитя', *пөкөр* 'товарищ', так и с различными словообразовательными аффиксами. Среди них можно выделить, например, следующие старомонгольские аффиксы:

-mzi: *arḡmakḡ* 'веревка' (метатеза) <монг. *arḡamzi* 'аркан' <монг. *arḡa* 'способ'; *seremzi* 'подозрительность' <монг. *seremzi* 'бдительность' <монг. *sege-* 'проснуться, очнуться, взбодриться, освежиться';

-ši: *ḡööḡö* 'имущество' <монг. *ḡögeši id.* <монг. *ḡöge-* 'возить, перевозить';

-za: *olḡo* 'плен' <монг. *olza* 'добыча, трофей' <монг. *ol-* 'находить, добывать';

-lta: *ḡakylta* 'наказ, заказ' <монг. *ḡakilta id.* <монг. *ḡaki-* 'наказывать, заказывать, поручать'; *ḡülüte* 'мнение' <монг. *ḡügülte* 'расспрос, дознание' <монг. *ḡügü-* 'дознаться, судить';

-yur: *topḡuug* 'двухструнный музыкальный инструмент' <монг. *topḡiḡur id.* <монг. *topḡi-* 'играть на музыкальном инструменте'; *köḡüür* 'рычаг, вага' <монг. *köḡigür id.* <монг. *köḡi-* 'поднимать вагой, рычагом'; *tülküür* 'ключ, отмычка' <монг. *tülkigür id.* <монг. *tülki-* 'толкать';

-l: *ḡyrgal* 'радость' <монг. *ḡigyal* 'счастье' <монг. *ḡigya-* 'быть счастливым', *ḡobol* 'болезнь, хворь' <монг. *ḡobal* 'мучение' <монг. *ḡoba-* 'мучиться';

-lang: *oḡčyлаḡ* 'мир, вселенная' <монг. *oḡčilang id.* <монг. *oḡči-* 'изменяться, совершать круговорот';

-lya: *tajylga* 'жертвоприношение' <монг. *tajilya id.* <монг. *taji-* 'приносить жертву'; *kaalga* 'дверь юрты' <монг. *qayalga* 'дверь, ворота' <монг. *qaya-* 'закрывать'; *tarylga* 'большая бляха' <монг. *darulya id.* <монг. *daḡu-* 'придавливать сверху';

-zin: *töḡözin* 'телка 4-х лет' <монг. *dönezin* 'самка 4-х лет' <монг. *döḡben* 'четыре'; *kupaḡun* 'телка 3-х лет' <монг. *yupaḡin* 'самка 3-х лет' <монг. *yurbaḡ* 'три'.

Прилагательные также заимствовались в виде условно-непроизводных основ, например: *koḡ* 'красивый', *boḡo* 'серый', *čiḡe* 'прямой', *kedeg* 'норовистый (о коне)', *baḡum* 'скорый, торопливый', *ölö* 'пегий (масть лошади)', *arḡun* 'спорый', так и с монгольскими словообразовательными аффиксами, среди которых можно выделить, например, следующие:

-tu: *albatu* 'подданный' <монг. *albatu id.* <монг. *alba* 'служба; подать, повинность'; *kuḡaldu* 'грешный' <монг. *quḡaltu* 'похотливый' <монг. *quḡal* 'похоть';

-tan: *kortan* 'хулиганистый' <монг. *qoratan* 'зловредный' <монг. *qoḡa* 'яд; зло, вред'; *erketen* — в выражении *erketendü* — эпитет богатыря в эпосе <монг. *erketen* 'могущественный' <монг. *erke* 'власть, право'; *amytan* 'живые существа' <монг. *amitan id.* <монг. *ami(n)* 'жизнь';

-qai: tarkaj — в выражении tas tarkaj 'лысый, безволосый' <монг. taraqai 'разрозненный, разбросанный' <монг. taga- 'распространяться'; ültürkej 'неплотный, редкий (о ткани); быстро изнашиваемый' <монг. ültürekei 'быстро изнашиваемый' <монг. ültüre- 'износиться, истрепаться' <монг. ültü 'вдребезги';

-ngqai: taraŋkaj 'быстро распространяющийся' <монг. tarangqai id. <монг. taga- 'распространяться'; bügünkej 'сумерки' <монг. bügünkei id. <монг. bügü- 'покрываться';

-nggi: kalangy 'слегка опьяневший' <монг. qalanggi id. <монг. qala- 'слегка подвыпить';

-γag- koŋogog 'торчащий выступ горы' <монг. γоziγug 'торчащий вверх' <монг. γоziγi- 'торчать вверх';

-γan: udaγan 'продолжительный' <монг. udaγan 'долго; долгий, продолжительный' <монг. uda- 'длиться';

-mal: čitkamal 'литые украшения на уздечке' <монг. čitqumal 'литой, отлитый из металла' <монг. čitqu- 'лить металл'; čepemel 'опыт' <монг. čepemel 'испытанный' <монг. čepe- 'испытывать', kičeeemel 'старательный' <монг. kičijemel id. <монг. kičije- 'стараться, быть прилежным'.

Монгольские глаголы также были заимствованы алтайскими диалектами в виде условно-непроизводных слов, например: žaku- 'заказывать, наказывать, поручать', bодо- 'думать, решать', taj- 'приносить жертву', үге- 'портить, расточать', čagča- 'замерзать', čосу- 'пугаться', čарсу- 'бить копытом'. и в виде производных основ, образованных рядом монгольских аффиксов, например:

-га: kalziug- 'взбеситься' <монг. γalžayuga- id. <монг. γalžayu 'бешеный'; žalkuug- 'лениться' <монг. žalqayuga- id. <монг. žalqayu 'ленивый; лень'; ažag 'замечать, наблюдать' <монг. ažiγa- id. <монг. aži- id.;

-mši: eγemži- 'повадиться' <монг. eγemši- id. <монг. eγe- 'вращаться, крутиться'; saamčy- 'появиться (о молоке в вымени)' <монг. saγamši- id. <монг. saγa- 'дойть';

-ši: amtaš- 'повадиться' <монг. amtaši- id. <монг. amtan 'вкус';

-da: albada- 'принуждать' <монг. albada- id. <монг. alba 'служба; подать, повинность'; ujada- 'ослабеть' <монг. ujada- 'стать хилым, слабым' <монг. uγan 'хилый, слабый; гибкий'; aγgada- 'спасать' <монг. aγgada- id. <монг. aγa 'способ, хитрость, уловка'.

Выделяется группа образных глаголов, сохраняющих морфологический облик монгольских оригиналов с их характерным аффиксом **-ji:** bultyj- 'надуться' <монг. bülteji- 'выпучиваться, выпячиваться'; torsoj- 'вспучиваться (о мозолях)' <монг. dorsoji- 'выдаваться, высовываться', bolčoj- 'пыжиться, надуваться' <монг. bolčuji- 'быть выпуклым, округлым'; keltej- 'наклоняться на одну сторону' <монг. kelteji- id.; kaŋkaj- 'быть высоким и длинным' <монг. qangqaji- 'быть высоким и прямым' и др.

Отдельные глагольные основы в алтайских диалектах получили дополнительное оформление собственно тюркскими аффиксами, например: таγγyš- 'биться об заклад' <монг. таγγy- 'спорить' + алтайский аффикс совместного залога **-š-**; toγnyk- 'набирать силу, крепнуть (о животных в процессе роста)' <монг. torni- id. + алтайский аффикс **-k-**; büdügül- 'спотыкаться' <монг. büdere- id. + алтайский аффикс страдательного залога **-l-**.

Некоторые глаголы употребляются в алтайских диалектах в другом залоге, нежели их монгольские оригиналы, например: *taska-* 'приучать-ся' < монг. *dasγa-* 'приучать' — каузатив от *dasa-* 'приучаться, привыкать'; *tokupa-* 'успокаивать' < монг. *toquni-* 'успокаиваться'.

Монгольские наречия также заимствованы в виде основ, бытующих и в монгольских языках. Ср. условно-непроизводные основы, например: *kogom* 'немного погода' < монг. *qogim* 'очень быстро, мгновенно'; *ogoi* 'поздно' < монг. *ogoi id.*; *temej* 'зря, напрасно' < монг. *demei id.*; *sürekej* 'весьма, очень' < монг. *sürekej* 'величественный; страшный, ужасный; ужасно, страшно; весьма, очень', и производные, образованные монгольскими аффиксами:

-*ši*: *kaažu* 'куда' < монг. *qaaši id.* < монг. *qaa* 'где';

-*jīn*: *kenetijīn* 'вдруг, внезапно' < монг. *genedtejin id.* < монг. *genedte*, *gened id.*

Таким образом, монгольские заимствования вошли в алтайские диалекты в морфологически неизменном виде. Исключение составляют лишь слово *süne* 'душа', утратившее монгольский аффикс *-sün* (ср. монг. *sünesün* 'душа'), и некоторые имена существительные, имеющие в алтайских диалектах конечный согласный *-п* основы имен существительных, в отличие от тех же слов в старописьменном монгольском, ойратском, современных монгольских языках: *ügen* 'семя' < монг. *üge id.*; *kugaп* 'самец косули' < монг. *γuga id.*; *agaзап* 'крепкая водка' < монг. *agaза* 'водка двойной перегонки'; *когозоп* 'водка' < монг. *qogaза* 'водка тройной перегонки'; *adyггап* 'холмы' < ойр. *adaγγa id.*; *egeken* 'крупные бусы' < монг. *egike* 'четки'; *kujп* 'вихрь' < монг. *qui id.* Можно предположить, что в контактировавшем монгольском разговорном языке, из которого перешли к алтайцам эти заимствования, конечный *-п* основы в указанных словах произносился.

Большая часть рассмотренных выше аффиксов употребляется в алтайских диалектах лишь в составе заимствованных монгольских слов. Но некоторые из них уже освоены грамматической системой алтайского языка и образуют новые слова от собственно алтайских (тюркских по происхождению) основ, например:

-*mzi*: *büdümtzi* 'доверие' < алт. *büt-* 'верить'; *kögümtzi* 'показатель' < алт. *kög-* 'видеть';

-*lta*: *kirelte* 'доход' < алт. *kir-* 'поступать, входить';

-*ηkaj*: *ayηkaj* 'быстро устающий' < алт. *ay-* 'уставать'; *oogunkaj* 'болезненный, чувствительный к боли' < алт. *oogu-* 'болеть'; *terleηkej* 'потливый' < алт. *terle-* 'потеть' < алт. *ter* 'пот'; *tišteηkej* 'кусачий' < алт. *tište-* 'кусать' < алт. *tiš* 'зуб, зубы'.

В связи с этим правомерно говорить о заимствовании алтайским языком наряду с лексемами также ряда монгольских грамматических показателей, а именно: некоторых словообразовательных аффиксов прилагательных, существительных, а, возможно, и глаголов.

Что касается фонетической освоенности монголизмов алтайскими диалектами, то существенных отличий заимствований от оригиналов не наблюдается. Все монгольские слова полностью сохраняют в алтайских диалектах свой сингармонический ряд, за исключением некоторых слов, например: *saksyrga* 'ягненок до года' < монг. *segsürge* 'шкурка ягненка осеннего окота'; *туj* 'кот' < монг. *mii id.*; *кунзу* 'цепь, кандалы' < монг. *ginzi id.*, перешедших в алтайском языке из мягкого ряда в твердый. В монголизмах сохраняется полногласие и характер гласных, присущие более древнему состоянию монгольских языков и нашедшие

свое отражение в старописьменном монгольском и ойратском языках, например: алт. *šibege* 'шило' <монг. *šibüge*, ойр. *šibüge*, ср. совр. монг. *šöväg*, бур. *šübge*, калм. *šövg id.*; алт. *kajurčak* 'ящик' <монг. *qajirčaq*, ойр. *qajirčaq*, ср. совр. монг. *хайрсэг*, бур. *хайрсэг*, калм. *хяйтсг id.*

Большинство заимствований сохраняет свой фонетический облик. Лишь в кумандинском диалекте в некоторых словах либо к начальному гласному добавляется протетический согласный *k*, либо начальный *k* основы выпадает, например: монг. *цугау* 'молозиво' > куманд. *куугак id.* (ср. в других алтайских диалектах — *цугак id.*); монг. *abdaga* 'большой разрисованный сундук' > куманд. *каптура id.* (ср. в других алтайских диалектах — *артура id.*); монг. *kükür* 'горючая сера' > куманд. *үкүр id.*, ср. в других алтайских диалектах — *kükür id.* Аналогичные соотношения нами наблюдались и в некоторых других тюркских языках, например: тоф. *üšrül* 'рябчик' соответствует тув. *küškül id.*; тоф. *kuškaš-* 'ехать вдвоем верхом на одной лошади' — тув. *uškaš-*, хак. *u-xas-*, кирг. *ушкаш- id.*; алт. *karkyt* 'бурдюк из сыромятной прокопченной кожи' — кирг. *аркыт id.*

Характерной особенностью монголизмов в южных алтайских диалектах, в отличие от монголизмов в северных и других тюркских языках Южной Сибири, является, как и в литературном алтайском языке, своеобразная губная гармония гласных типа киргизской, например, алт. *ögötö* 'пенка с кипяченого молока' <монг. *ögüte*, ср. тув., тоф. *өгете id.*; алт. *ögökö* 'двор, хозяйство' <монг. *egüke* 'кусок войлока, закрывающий дымовое отверстие юрты; двор, хозяйство', ср. тув. *өгеге id.*; алт. *öbögön* 'старик' <монг. *ebügen*, ср. тув. *ögbe id.* Помимо указанного огубления в вокализме монгольских заимствований произошли следующие наиболее заметные модификации:

монгольский узкий огубленный гласный *u* переходит в алтайских диалектах в ряде случаев в узкий неогубленный *y*, например: монг. *амуг* 'спокойный' > алт. *амуг id.*; монг. *sarluγ* 'як' > алт. *sarlyk id.*; монг. *qulusun* 'тростник' > алт. *kuluzun id.*; монг. *bulija-* 'отнимать' > алт. *булааš- id.*; монг. *бузар* 'нечистый, скверный' > алт. *бузар id.*;

монгольский нейтральный гласный *i* передается в алтайских диалектах в твердорядных словах через *y*, например: монг. *ilγa-* 'различать' > алт. *ylga- id.*; монг. *žida* 'пика, копье' > алт. *žyda id.*; монг. *kitad* 'китаец' > алт. *kytat id.*; монг. *qari* 'чужой' > алт. *kary id.*; монг. *ипи* 'жерди крыши юрты' > теленг. *ипу id.* В ряде слов указанный звук *y*, появившийся на месте монгольского нейтрального *i*, чередуется в алтайском языке с гласным *u*, по-видимому, под ассимилирующим воздействием предыдущего гласного, например: монг. *solin* 'интересный' > алт. *solun id.*; монг. *učir* 'причина' > алт. *učur* 'смысл'; монг. *γulir* 'мука' > алт. *kulur id.*; монг. *soγbi* 'шрам' > алт. *soγbu id.* В мягкорядных словах монгольский гласный *i* остается без изменения, например: монг. *kiling* 'бархат' > алт. *kiliŋ id.*; монг. *irbis* 'барс' > алт. *irbis id.*; монг. *kerig* 'скупой' > алт. *kerik id.*; монг. *šili* 'стекло' > алт. *šili id.*; монг. *širege* 'престол' > алт. *širee id.*

Следует отметить, что в алтайском языке в первых слогах заимствований сохраняется средневековый монгольский нейтральный гласный *i* (в виде *y* в твердорядных словах и *i* — в мягкорядных), тогда как в соответствующих словах современных монгольских языков произносятся другие гласные, например: алт. *kiree* 'пила' <монг. *kirüge*, ср. совр. монг. *хөгөө(н)*, бур. *хүгөө*, калм. *kögä id.*; алт. *šyla-* 'расспрашивать, допрашивать' <монг. *šila-* 'проверять, испытывать; экзаменовать',

ср. совр. монг. *šala-*, бур. *šalga-*, калм. *šalh- id.*; алт. *šyгka* 'рана' <монг. *širqa*, ср. совр. монг. *šarx*, бур. *šarxa*, калм. *šarx id.*

Монгольские согласные в основном сохраняют свое качество во всех позициях. Однако при этом характерной чертой является оглушение в начале и конце слова монгольских *γ*, *g*, *d* и передача их соответствующими по месту образования алтайскими глухими *k* и *t*. Происходит это потому, что для алтайских диалектов, как и для других сибирских тюркских языков, характерно отсутствие в начале слова звонких согласных за исключением сонантов и аффрикаты *ž*, а в исходе слова из ротовых смычных несонантов употребляются лишь глухие, например: алт. *karšagaј* 'расторопный' <монг. *γabšiyai id.*; алт. *kete-* 'преследовать' <монг. *gete-* 'подкрадываться'; алт. *kezege* 'мужская коса (старинная мужская прическа)' <монг. *gežige* 'коса; затылок'; алт. *tolono* 'боярышник' <монг. *dolono id.*; алт. *taaky* 'шерсть (линька)' <монг. *dayaki id.* Имеет место также озвончение внутри слова монгольских глухих *š*, *s*, *t* и передача их соответствующими алтайскими звонкими, *ž*, *z*, *d*, например: алт. *töži*, *töžü* 'наковальня' <монг. *döši id.*; алт. *kežik* 'дар, дарование, благодать, блаженство' <монг. *kešig* 'милость, пожертвование; счастье, благополучие', алт. *elezin* 'песок' <монг. *elesün id.*; алт. *žüzün* 'внешний вид, форма' <монг. *žisün* 'внешний вид; мать; цвет'; алт. *šülüzin* 'рысь (зверь)' <монг. *šilügüsün id.*; алт. *amza-* 'отведать, попробовать на вкус' <монг. *amsa- id.*; алт. *adarka-* 'завидовать' <монг. *atayarqa- id.*

Кроме того, в алтайских диалектах в ряде случаев сохраняются интервокальные древнемонгольские согласные *γ* и *g*, уже выпавшие в соответствующих словах монгольских языков, на что указывают заместительные долготы гласных. При этом в кумандинском диалекте иногда вместо *γ* и *g* выступают *b* и *j*, например: монг. *obuγa* 'куча, грудa' > алт. *obogo id.*, ср. совр. монг. *ovoо(п)*, бур. *oboо(п)*, калм. *ova id.*; монг. *sarγaya* 'жеребенок 2-х лет' > алт. *sarγaga id.*, ср. совр. монг. *sarγaa*, бур. *harbaa*, калм. *sarγa id.*; монг. *žalaya* 'кисточка на шапке' > телеут. *žalaga id.*, ср. совр. монг., бур. *zalaa*, калм. *zala id.*; монг. *tobšiyur* 'струнный музыкальный инструмент' > куманд. *topšubar id.*, ср. южноалт. *topšuur*, совр. монг. *tovšuur id.*; монг. *šügü-* 'процеживать; неводить' > куманд. *šjü-* 'неводить', ср. южноалт. *šjü- id.*, совр. монг. бур., калм. *šjü-* 'процеживать; неводить'. Однако в большинстве случаев древнемонгольские *γ*, *g*, а также *j* выпадают и в алтайских диалектах, оставляя вторичные долготы. Причем в алтайских диалектах они иногда выпадают там, где в современных монгольских языках сохраняются и никогда не образуют долгот гласных, например: монг. *buqal* 'копна' > алт. *buul||bugul||bygyl*, куманд. *bugul*, челк. *rugul*, тубал. *tuul*, теленг., телеут. *buul id.*, ср. совр. монг. *buxal'*, бур. *buxal id.*; монг. *šibüge* 'шило' > алт. *šübeeј*, теленг. *šibeeј*, телеут. *šibege*, тубал. *šjvöө*, челк. *šjvee id.*, ср. совр. монг. *šjvög*, бур. *šjübge*, калм. *šjövg id.*; монг. *qurγaγan* 'ягненок' > алт. *kurγaan||kurγagan*, теленг. *kurγaan*, тубал. *kurγagan id.*; ср. совр. монг. *xurγa(n)*, бур. *xuriga(n)*, калм. *xurhп id.* Приведенное указывает на то, что интервокальные монгольские *γ* и *g* уже подчинены внутренним законам развития самих алтайских диалектов и полностью адаптированы последними.

Долгота гласных в монгольских заимствованиях возникает не только за счет выпадения интервокальных *γ* и *g*, она имеется и там, где ее нет в средневековых и современных монгольских языках, например: монг. *γaγ* 'засуха' > алт. *kaaγ id.*, ср. совр. монг., бур. *γaγ(g)*, калм. *γaγ id.*; монг. *qaži* 'кайма' > алт. *kaažy id.*, ср. совр. монг. *хаž*, бур. *хаža*, калм. *хаž* 'оправа для драгоценностей; кайма'.

Во многих случаях в алтайских диалектах краткий гласный выступает там, где в старомонгольском представлен комплекс ГСГ с интервокальными γ и g , а во всех современных монгольских языках — заместительные долготы гласных, например: монг. $\gamma\alpha\lambda\dot{z}\alpha\gamma\dot{u}$ 'бешеный' > южноалт. $ka\lambda\dot{z}u$ *id.*, ср. северноалт. $ka\lambda\dot{z}aa$, совр. монг., бур. $galzuu$, калм. $halzu$ *id.*; монг. $bol\dot{z}u\gamma a$ 'установленный срок' > алт. $mol\dot{z}o$ *id.*, ср. совр. монг. $bolzoo(n)$, бур. $bolzoo$, калм. $bolza$ *id.* Аналогичное явление наблюдается в алтайских диалектах и в собственно тюркских словах.

Кроме того, в монгольских заимствованиях алтайских диалектов сохраняются средневековые монгольские шипящие аффрикаты $\dot{z}$ и $\dot{c}$, там, где в соответствующих словах современных монгольских языков они перешли полностью или частично в свистящие аффрикаты или проточные согласные, например: алт. $ka\dot{z}aga$ 'горока' < монг. $\gamma a\dot{z}\dot{u}\gamma a$, ср. совр. монг., бур. $gapzaga$, калм. $hanzh$ *id.*; алт. $ka\dot{z}an$ 'лысина; лысый' < монг. $qa\dot{z}an$, ср. совр. монг., бур. $xalzan$, калм. $halzn$ *id.*; алт. $\dot{z}iga$ 'рисовать' < монг. $\dot{z}igu-$ *id.*, ср. совр. монг., бур. $zuga-$, калм. $zur-$ *id.*; алт. $\dot{c}am\dot{c}a$ 'рубашка' < монг. $\dot{c}am\dot{c}a$, ср. совр. монг. $camc$, бур. $samsa$, калм. $camc$ *id.*

В большинстве случаев невозможно определить, из какого конкретно — западного или восточного — монгольского языка заимствованы слова, так как все они носят общемонгольский характер. Однако в некоторых случаях язык-источник можно определить точно. Всего около 40 слов по всем признакам имеют восточномонгольское происхождение. Любопытно, что около десятка слов, бесспорно, ойратского происхождения встречается лишь в южных алтайских диалектах. Восточномонгольские же слова представлены во всех диалектах равномерно.

Анализ монгольских заимствований в алтайских диалектах показывает, что влиянию монгольских языков прежде всего подверглись южные алтайские диалекты, северные же имеют гораздо меньше монголизмов. При этом по ряду признаков (в частности, широкий характер долгих гласных, сохранение в кумандинском диалекте древних интервокальных монгольских согласных $*b$ и g в виде b и j) монголизмы северных диалектов относятся к более древнему типу. Ближе всего к современным монгольским языкам в отношении долгих гласных стоят южные алтайские диалекты, которые по сравнению с северными более насыщены также и ойратизмами. Это и не удивительно, так как до недавнего времени многие южные алтайцы владели разговорным западномонгольским языком, о чем в свое время писал еще акад. Б. Я. Владимирцов⁵. В большинстве случаев монгольские заимствования в алтайских диалектах, даже имеющие сходный с современным монгольским языком характер долгих гласных, обладают рядом особенностей, позволяющих относить их к XII—XIV вв., так как в то время в монгольских языках еще сохранялись шипящие аффрикаты $\dot{z}$ и $\dot{c}$, еще не подвергшийся перелому гласный i , смычные q и k , не образовавшие еще долгот гласных интервокальные γ и g , а гласные непервых слогов обладали еще достаточной ясностью и определенностью. Все это в какой-то мере нашло отражение и зафиксировано в монгольских заимствованиях алтайских диалектов и позволяет относить их именно к средневековой, а в ряде случаев даже и к более ранним периодам развития монгольских

⁵ См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, стр. 14.

языков. Южные алтайские диалекты развивались под сильным влиянием языка западных монголов, благодаря чему долгие гласные в них приобрели черты, схожие с соответствующими гласными современных монгольских языков. Сохранение же шипящих аффрикат *ʃ*, *ʃ* и не подвергшегося перелому гласного *i* заставляет считать их средневековыми монгольскими заимствованиями.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

И. ТАТАРЛЫ

САБАХАТТИН АЛИ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Сабахаттин Али проявлял большой интерес к русской классической и советской литературе. Он был знаком с произведениями А. С. Пушкина¹, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, А. П. Чехова, М. Горького, М. Шолохова и др.² Однако его самым любимым русским писателем был Ф. М. Достоевский. В методе разработки Сабахаттином Али тех или иных поставленных им перед собой проблем, в отдельных мотивах, образах и сюжетах его произведений отчетливо прослеживаются точки соприкосновения с творчеством Ф. М. Достоевского. В произведениях Сабахаттина Али, как и у Ф. М. Достоевского, находят прямое или косвенное отражение отношение автора к основным, актуальным вопросам современности, в том числе к роли народных масс и личности в истории, к преобразованию общественной жизни и социальным революциям. Безусловно, Ф. М. Достоевский ставил и решал эти вопросы, исходя из идейно-политических, философско-этических и эстетических концепций, характерных для общественной мысли XIX века и связанных с социальными условиями предреформенной и послереформенной России, а Сабахаттин Али — при этом опирался на идейно-философские течения XX века, на условия и особенности исторического развития Турции. Анализ произведений турецкого писателя свидетельствует о критическом переосмыслении Сабахаттином Али литературного наследия Ф. М. Достоевского и творческом использовании его художественного метода.

Сопоставление творчества Сабахаттина Али и Ф. М. Достоевского не было еще предметом специального исследования. Только советский литературовед А. Бабаев, анализируя творчество турецкого писателя, сопоставил отдельные идейные концепции романов «Дьявол внутри нас» Сабахаттина Али и «Бесы» Ф. М. Достоевского, высказав при этом ряд ценных замечаний³. В настоящей статье автор попытается выявить общие черты в творчестве Сабахаттина Али и Ф. М. Достоевского, провести параллели между некоторыми их произведениями, проанализировать особенности творческого использования и критического переосмысления турецким писателем художественного метода русского романиста.

¹ См.: И. Татарлы. Сабахаттин Али и А. С. Пушкин. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 3, стр. 86.

² См.: I. Tatarlı. Sabahattin Ali (Hayatı, Kişiliği Ve Yaratıcılığına Umumî Bir Bakış) в издании «Sabahattin Ali. Bütün Eserleri», (с. 1), «Narodna Prosveta» Yayınevi. Sofya, 1966, стр. 22.

³ А. А. Бабаев. Очерки современной турецкой литературы. М., 1959, стр. 140 и сл.

* *
*

Уже в 20-е годы Сабахаттин Али проявляет большой интерес к творчеству Ф. М. Достоевского. В этот период в Турции были изданы на турецком языке многие произведения русского писателя. «Еще до отъезда в Германию, — сообщает проф. П. Н. Боратав, близкий друг Сабахаттина Али, — он очень любил и Достоевского»⁴.

В период пребывания в Германии в 1928—1930 гг. Сабахаттин Али углубляет свои познания в области русской литературы, уделяя особое внимание сочинениям Ф. М. Достоевского, с основными произведениями которого он имел возможность ознакомиться в немецком переводе⁵.

В 1930 г. Сабахаттин Али возвращается из Германии в Турцию, и, как свидетельствует П. Н. Боратав, «его любовь к Достоевскому не ослабла»⁶. Сабахаттин Али переводит на турецкий язык отдельные произведения Ф. М. Достоевского, в том числе рассказ «Честный вор (из записок неизвестного)», напечатанный в прогрессивном журнале «Ре-симли Ай»⁷.

Живой интерес к литературному наследию великого русского писателя у Сабахаттина Али не ослабевал на протяжении всей его жизни. Однако отношение Сабахаттина Али к творчеству Ф. М. Достоевского в разные периоды было различно. Если в первых произведениях Сабахаттина Али явно прослеживается непосредственное воздействие идей Ф. М. Достоевского, то в последующем оно сменяется критическим переосмыслением его творческого метода на новой идейной и социальной основе. Для зрелого творчества Сабахаттина Али характерно сочетание многих художественных приемов Ф. М. Достоевского с собственными оригинальными идейно-эстетическими решениями. Один из ранних рассказов Сабахаттина Али «Причина одного преступления» («Bir Cinayet'in Sebebi», 1927)⁸ написан под явным влиянием романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Это влияние можно видеть не только в совпадении некоторых идей этих произведений, но также и в сюжетных ходах, психологических мотивировках. Прослеживаются прямые параллели между героями упомянутых произведений и жизненными ситуациями, в которых они оказываются.

Поведение героя рассказа Хюсамеддина автором психологически мотивируется. Будучи студентом, Хюсамеддин вместе со своими сокурсниками присутствовал на судебном следствии при разборе дела об убийстве, поразившем воображение молодого человека⁹. Окончив институт и получив назначение на работу, Хюсамеддин задумывает совершить убийство комиссионера Нури-бея, не столько для того, чтобы воспользоваться его деньгами, сколько для того, чтобы предстать перед любимой девушкой, как ему думается, героем и вернуть ее утраченную любовь.

⁴ Из письма П. Н. Боратава автору от 9/IX 1966.

⁵ Hanns W. Eppelsheimer. Handbuch Der Weltliteratur. Zweiter Band. Neunzehntes und Zwanzigstes Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1950, стр. 166—168.

⁶ Из упомянутого письма П. Н. Боратава автору.

⁷ См.: *I. Tatarlı. Sabahattin Ali (Hayatı, Kişiliği Ve Yaratıcılığına Umumî Bir Bakış)*, стр. 30.

⁸ «Sabahattin Ali. Bütün Eserleri», (с. 1), стр. 133.

⁹ Этот эпизод выполняет функцию, аналогичную эпизоду в I части (глава VI) романа «Преступление и наказание» (имеется в виду услышанный Раскольниковым разговор о ростовщице). См.: *Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание*. М., 1968, стр. 99—102.

Широко используемые в рассказе монологи и диалоги служат раскрытию душевного мира героев, их взглядов и побуждений. Этот прием позволяет автору вести повествование в рамках судебного следствия, затронуть важные нравственные проблемы и привлечь внимание читателя к судьбе современного ему турецкого общества.

Сабахаттин Али подчеркивает бессмысленность и антигуманизм совершенного преступления. Теория героя рассказа опровергается самой жизнью.

В зрелый период своего творчества Сабахаттин Али уже более критически оценивает сложное, противоречивое мировоззрение Ф. М. Достоевского. Для его позднейших произведений характерен суровый реализм, острый критицизм в изображении капиталистической действительности и глубокий психологизм в раскрытии характеров, восходящие к творчеству Ф. М. Достоевского, однако опирающиеся на другие идейно-эстетические позиции. Критически усвоив творческий метод русского художника, Сабахаттин Али становится одним из основоположников интеллектуального рассказа и романа в турецкой литературе, в которую он вносит также принцип полифонизма¹⁰.

Ф. М. Достоевский близок Сабахаттину Али антибуржуазной направленностью своего творчества, глубокой человечностью, состраданием к людям, к «униженным и оскорбленным».

Во многих своих рассказах Сабахаттин Али пишет о жертвах капиталистического общества. В «Рассказе одного юноши» («Bir Delikanlı'nın Hikayesi», 1930)¹¹ голод и нищета вынуждают добрую, чистую девушку стать проституткой. Героини некоторых других рассказов, чтобы прокормить себя, вынуждены поступать в кочующие провинциальные труппы сомнительного характера, в увеселительные дома. Но даже и эти люди дна, показывает писатель, не лишены высоких человеческих достоинств и глубокого внутреннего мира. Типичными в этом отношении являются рассказы «Одной лунной ночью» («Mehtaplı Bir Gece», 1937)¹², «Певница Мелек» («Hanende Melek», 1937)¹³, «Королева красоты из Кюстденджи» («Köstence Güzellik Kraliçesi», 1936)¹⁴, «Женщина с веснушками» («Çilli», 1947)¹⁵ и др. Эти произведения близки по своей гуманистической направленности к «Бедным людям», «Униженным и оскорбленным», «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского.

В творчестве Сабахаттина Али центральное место занимают образы рядовых тружеников. Он приводит красочные описания тяжелых условий труда и жизни рабочих и крестьян, безработных, их нищеты и испытываемых ими бедствий. Однако ему органически чужда проповедь примиренчества и покорности.

Сабахаттина Али роднит с Ф. М. Достоевским тема осуждения буржуазного индивидуализма и эгоцентризма. Герой рассказа «Идейный товарищ» («Fikir Arkadaşı», 1935)¹⁶ напоминает некоторые отрицательные персонажи Ф. М. Достоевского. В своих поступках он руководствуется сугубо личными интересами и неразборчив в выборе средств для

¹⁰ О полифонизме у Ф. М. Достоевского см.: М. Бахтина. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.

¹¹ «Sabahattin Ali. Bütün Eserleri», (с. 1), стр. 99.

¹² Там же, стр. 287.

¹³ Там же, стр. 314.

¹⁴ Там же, стр. 297.

¹⁵ Там же, стр. 453.

¹⁶ Там же, стр. 226.

достижения своих эгоистических целей. Его эгоцентризм оборачивается фашизмом. Он становится последователем Муссолини и сторонником теорий выделения интеллигенции в особую касту. Одновременно он впадает и в мистицизм. Если герои Ф. М. Достоевского стремились посредством религии¹⁷ найти абсолютный моральный императив, то у Сабахаттина Али религиозность и мистицизм не спасают героя от окончательного морального падения. Таким образом, Сабахаттин Али в отличие от Ф. М. Достоевского решает морально-этические проблемы с материалистических позиций.

Повесть «Мадонна в манто» («Kürk Mantolu Madonna», 1940)¹⁸ по творческой манере напоминает произведения И. С. Тургенева, однако отдельные моменты повести (тема обезличивания честных людей в условиях буржуазного общества) непосредственно восходят к творчеству Ф. М. Достоевского. Человеческие отношения, построенные лишь на материальной выгоде, на лицемерии, продажности, убивают в людях веру в высокие человеческие идеалы, озлобляют их и приводят в отчаяние. Сабахаттин Али сумел дать в своих произведениях конкретно-историческую картину турецкого буржуазного общества с позиций социалистического реализма.

В отличие от Ф. М. Достоевского Сабахаттин Али не ограничивается только осуждением буржуазного индивидуализма и эгоцентризма. Он показывает пути их преодоления и призывает к борьбе за торжество гуманистических идеалов. Так, в рассказе «Скандал» («Bir İskandal», 1932)¹⁹ разоблачаются трусость, пошлая жизнь, аморальность провинциальной интеллигенции, которой противопоставляется юноша Нуруллах, преодолевший тлетворное влияние буржуазного индивидуализма и анархизма. В рассказе «Чтобы согреть» («Isıtmak için», 1939)²⁰ стремление к личному покою и бегство от «проклятых вопросов» жизни не могут принести удовлетворения; поняв это, герой начинает жить надеждами и чаяниями простых тружеников. В рассказе «Враг» («Düşman», 1935)²¹ противопоставляются друг другу борец за новую жизнь и враждебный народу буржуазный интеллигент.

В творчестве Достоевского Сабахаттина Али привлекает прежде всего бунт личности против социальной несправедливости. Эта проблема волновала писателя на протяжении всей его жизни.

Еще в «Рассказе одного моряка» («Bir Gemici Hikâyesi», 1930)²² писатель изобразил бунт моряков на торговом корабле, возникший из-за тяжелых условий работы на нем. В этом произведении Сабахаттин Али привлекает внимание к одной весьма важной в идейном отношении дилемме: либо примирение с существующей действительностью, либо же борьба за ее революционное преобразование. Подобная резкая постановка столь принципиальной философско-этической проблемы восходит к творчеству крупнейших представителей мировой литературы и в первую очередь Ф. М. Достоевского. Характерно, что оба писателя обращаются в своем творчестве к одним и тем же литературным источникам, таким, например, как произведения Фр. Шиллера, главным образом к его «Разбойникам». Однако каждый из них поставленные проблемы

¹⁷ См.: Н. Н. Вильмонт. Великие спутники. М., 1966, стр. 7 и сл.

¹⁸ Sabahattin Ali. Kürk Mantolu Madonna. Remzi Kitabevi. İstanbul, 1943.

¹⁹ «Sabahattin Ali. Bütün Eserleri», (с. 1), стр. 238.

²⁰ Там же, стр. 335.

²¹ Там же, стр. 229.

²² Там же, стр. 107.

решает по-своему. Ф. М. Достоевский, исходя из кантовского этицизма, считает, что человек волен в своих поступках и действиях и имеет право на выбор между добром и злом. Не связывая создание гармонического общества с вмешательством сверхъестественных сил, он в то же время не призывает и к революционной борьбе, проповедуя примирение²³.

Концепция Сабахаттина Али основывается на законах исторического материализма. Проблема, например, бунта в «Рассказе моряка» решается с марксистских идейно-эстетических позиций.

Тема бунта личности против насилия в капиталистическом обществе составляет основу многих рассказов Сабахаттина Али: «Рассказ о роще» (1930), «Скандал» (1932), «Враг» (1935), «Чтобы согреть» (1939), «Хрустальный дворец» (1945), «Сказка об овце» (1946), «Волк и ягненок» (1947) и др.

В более широком плане эти проблемы ставятся в романах, представляющих собой значительное завоевание социалистического реализма в турецкой литературе.

Роман «Юсуф из Кууджака» («*Kuyucaklı Yusuf*», 1932)²⁴ — сложное, многоплановое произведение. Видимо, по цензурным соображениям, действие отнесено к периоду Османской империи (первые два десятилетия XX в.). Но поставленные автором проблемы имеют прямое отношение к турецкому обществу времен первого десятилетия республики²⁵.

В романе «Юсуф из Кууджака» на передний план опять выдвигается восходящая к Ф. М. Достоевскому альтернатива: либо примирение с существующими условиями жизни, либо же бунт против буржуазно-помещичьего строя в Турции. Как и во многих рассказах, в этом романе персонажи и общество характеризуются в зависимости от их отношения к философско-этическим проблемам: свободы и необходимости, случайности и закономерности, фатализма и сознательной борьбы за преобразование общества. Несмотря на общность выдвигаемых проблем и характерную для обоих писателей психологическую углубленность в раскрытии характеров героев, Ф. М. Достоевский и Сабахаттин Али принадлежат разным эпохам, являются выразителями различных мировоззрений, и поэтому, решая в своих произведениях сходные проблемы, часто исходят из диаметрально противоположных концепций.

Сабахаттин Али, например, в отличие от своего предшественника видит в фатализме идеологическое прибежище «лишних людей» и решительно выступает против примирения с законами эксплуататорского общества, подавляющими внутреннюю нравственную свободу человека, приводящими к распаду человеческой личности и ее духовной деградации. Главный герой романа чувствует себя внутренне свободным только тогда, когда восстает против капиталистической эксплуатации, духовного угнетения человека, его морального разложения.

Таким образом, Сабахаттин Али всем пафосом своего творчества утверждает, что люди обретают бесценную для человеческой личности внутреннюю свободу лишь тогда, когда они вступают в борьбу против порядков буржуазно-помещичьего строя за торжество разума и справедливости. Следовательно, путь к созданию нового, гармонического общества — не примиренчество, а революционная борьба.

²³ См.: Н. Н. Вильмонт. Указ. раб., стр. 7 и сл.

²⁴ *Sabahattin Ali*. *Kuyucaklı Yusuf*. İstanbul, 1937.

²⁵ См. исследования автора: «Sabahattin Ali'nin Romancılığı», стр. 9—43; «Sabahattin Ali'nin „Kuyucaklı Yusuf“ Romanı», «Hüseyin Rahmi'den Fakir Baykurt'a Kadar Türk Romanı», VCMŞY, 1968, стр. 54—63.

И хотя выдвинутые проблемы и образы некоторых персонажей романа Сабахаттина Али «Дьявол внутри нас» («İçimizdeki Şeytan», 1939)²⁶ перекликаются с проблемами и образами произведений Ф. М. Достоевского, турецкий писатель подходит к их решению и раскрытию вполне самостоятельно, с позиций социалистического реализма.

В романе «Дьявол внутри нас» нашли отражение различные идейные течения, распространенные среди турецкой интеллигенции. Писатель ставит вопрос о необходимости четкого определения своей позиции в общественной жизни и в разрешении основных проблем, выдвигаемых современностью, сознательного служения обществу и всему человечеству. Накануне второй мировой войны, в условиях сложной и ожесточенной классовой, общественно-политической и идеологической борьбы Сабахаттин Али решительно и недвусмысленно напоминал о высоком гражданском долге, о чувстве ответственности каждого человека за судьбы народа и человечества, о внутренней идейной и нравственной устойчивости, о необходимости активной общественно-политической деятельности, идейно-политическом мужестве²⁷.

Одна из центральных тем романа — разоблачение буржуазного индивидуализма и эгоцентризма, человеконенавистничества и анархического бунта и произвола — также перекликается с тематикой произведений Ф. М. Достоевского. В то же время в понимании и раскрытии причин и следствий буржуазного индивидуализма и бунта личности Сабахаттин Али принципиально отличается от Ф. М. Достоевского.

В «Преступлении и наказании», как и в других романах Ф. М. Достоевского, созданных в послереформенной России XIX в., изображен анархический бунт личности против существующего строя²⁸. Писатель подвергает логико-историческому анализу человеконенавистнические, индивидуалистические представления и их выражение в области политики, философии, права, религии и морали в различные периоды истории человечества: в эпоху рабовладения, феодализма, капитализма. В этой связи Ф. М. Достоевский останавливается на образах известных исторических лиц, в том числе и Наполеона.

В романе же «Дьявол внутри нас» разоблачаются характерные для турецкого общества периода республики и, в частности, кануна второй мировой войны пантюркизм, расизм и фашизм. Таким образом, Сабахаттин Али в XX в. ставит и решает задачи, во многом напоминающие те, которые в свое время в иных условиях и обстоятельствах решал в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевский.

Пантюркизм, фашизм и расизм рассматриваются в романе Сабахаттина Али как преступное проявление буржуазного индивидуализма, эгоцентризма, человеконенавистничества, анархистского насилия и разгула. Как известно, в эпоху империализма буржуазный индивидуализм сомкнулся с таким реакционным учением как ницшеанство. Наиболее крайние буржуазные националисты и индивидуалисты выродились в Турции в агентуру гитлеровской Германии. В политической жизни страны сторонники фашизма насаждали дикую ненависть к народным мас-

²⁶ Роман «Дьявол внутри нас» был опубликован в газете «Ulus» (1939), а затем вышел отдельной книгой: «Sabahattin Ali. İçimizdeki Şeytan», Remzi Kitabevi. İstanbul, 1940.

²⁷ Обстоятельный анализ произведения дан в исследованиях автора: «Sabahattin Ali'nin Romancılığı», стр. 43—64; «Sabahattin Ali'nin İçimizdeki Şeytan Romanı», «Hüseyin Rahmi'den Fakir Baykurt'a Kadar Türk Romanı», стр. 64—82.

²⁸ Г. М. Фриндлендер. Реализм Достоевского. М.—Л., 1964, стр. 110 и сл.; В. И. Этов. Достоевский. М., 1968, стр. 144 и сл.

сам, выступали против парламентского режима и кемалистского правительства, за установление открытой фашистской диктатуры гитлеровского типа. Один из персонажей романа проповедует установление кастового политического режима и предлагает для этой цели создать элиту путем подготовки ее в специальных учебных заведениях²⁹. Турецкие расисты, фашисты и пантюркисты без всякого стеснения попирают нравственные принципы и гуманистическую мораль, призывая руководствоваться в своих поступках и действиях индивидуалистическими принципами: «все дозволено» и «цель оправдывает средства». Они выступают за авантюристические политические заговоры, демагогические выпады, берут под защиту уголовные преступления.

Сабахаттин Али не удовлетворяется одним только разоблачением всех этих отрицательных черт и особенностей современного ему турецкого общества. Он показывает, как недовольство и протест рабочего класса, крестьянства, интеллигенции перерастает в целенаправленную и последовательную борьбу. Обходя цензурные рогатки и ограничения, писатель указывает путь к революционному преобразованию существующего строя, к созданию гармонического человеческого общества — без гнета и эксплуатации человека человеком, без кровопролития и войн.

Нельзя сказать, что метод построения образов и их художественные характеристики в произведениях Ф. М. Достоевского и Сабахаттина Али в целом идентичны. Это связано как с различными идейно-эстетическими концепциями писателей, так и с замыслом того или иного произведения, с особенностями художественного воспроизведения действительности. Вместе с тем следует признать, что в изображении некоторых героев и прежде всего типов бунтарей в романе «Дьявол внутри нас», с одной стороны, и в «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых», «Бесах» — с другой, имеется вполне определенное сходство.

Герой «Дьявола внутри нас» Нихат, убежденный буржуазный индивидуалист, логически неизбежно постепенно эволюционирует в демагога, шантажиста и насильника. «С мыслящим (человеком) нельзя (успешно) завершить никакого дела, — утверждает Нихат, — нам нужны люди, слепо верующие и без рассуждений подчиняющиеся. Необходимо только увлечь их какой-нибудь романтической иллюзией, чтобы у них возникло желание грубых авантюристических действий. Надо им внушить, что существующие ограничения тесны (для них), надо поддерживать в них иллюзии»³⁰.

В то же время между Родионом Раскольниковым, Иваном Карамазовым и Нихатом есть существенная разница. Первый страдает прежде всего от сознания обездоленности «униженных и оскорбленных», он не может не протестовать против социальной несправедливости, и в этом отношении он стоит близко к типу демократического бунтаря³¹. Если Раскольников избирает путь буржуазно-анархического бунтаря и прибегает к насилию, то Иван Карамазов остается честным перед самим собой и другими, чуждым эгоизму и карьеризму³². Нихат же выступает как последовательный буржуазный индивидуалист, не считающийся ни с чем, кроме личных эгоистических интересов. Он пренебрегает всеми нравственными законами и нормами, противопоставляет свою личность чело-

²⁹ «Sabahattin Ali. Bütün Eserleri», (с. II), 1968, стр. 437.

³⁰ Там же, стр. 430—431.

³¹ В. И. Эгов. Указ. раб., стр. 233.

³² Н. Н. Вильмонт. Указ. раб.

веческому обществу, родному народу. По своей внутренней сущности он близок к таким персонажам романа Достоевского «Бесы», как Верховенский и ему подобные.

Последователи фашизма в Турции, подобно своим гитлеровским предшественникам, также стояли за уничтожение нравственных принципов, пробужденные в человеке низменных инстинктов, чтобы сделать его, таким образом, послушным орудием в руках господствующего класса. Именно они и стали прототипами многих персонажей романа «Дьявол внутри нас». Их антигуманизм органически сочетается с их антикоммунизмом и антисоветизмом. В романе показано, как они не брезговали ничем, стремясь вовлечь турецкое правительство накануне второй мировой войны в кровавую авантюру, заставив Турцию воевать на стороне фашистских держав против СССР.

Омер, один из героев романа, достаточно умен и образован, чтобы правильно ориентироваться в происходящих событиях. Однако он умышленно уклоняется от анализа явлений общественной жизни и четкого определения своего отношения к проблемам современности. Чтобы успокоить свою мятушуюся совесть, Омер создал для себя особую теорию, согласно которой все его отрицательные черты объясняются воздействием на него иррациональных мистических сил, вселившегося в его душу дьявола. Это подчеркивается и самим заглавием романа — «Дьявол внутри нас». Таким образом, Омер сознательно снимает с себя ответственность за собственное поведение.

Образ человека, одержимого дьяволом, в мировой литературе нов и трактовался в зависимости от идейно-эстетических воззрений писателей по-разному. В романе «Дьявол внутри нас» Омер предстает перед читателем отнюдь не убежденным мистиком или фаталистом, изобретенная же им «теория» нужна ему лишь для того, чтобы оправдать собственное бегство от реальной действительности. Писатель разоблачает Омера, показывая, что фатализмом он фактически маскирует отсутствие личных убеждений, ясной социальной позиции и свое безволие.

А. А. Бабаев первым указал на связь «Дьявола внутри нас» с романом «Бесы»: «Очевидно, роман Сабахаттина Али написан отчасти под влиянием романа Достоевского «Бесы», чрезвычайно популярного в Турции, особенно среди писателей. Бес — это злое начало в человеке, которое с самого его рождения заложено в нем наряду с добрым началом. Это он виновен во всех дурных поступках человека. Лень, безволие, нерешительность, трусость, алчность, жестокость являются порождением этого злого начала в человеке. Так оправдывает Омер отсутствие у себя воли и собственную лень. Он пытается поставить перед собой все те философские вопросы, которые ставили герои Достоевского: о смысле жизни, добре и зле, о заложенной будто бы в самой природе человека двойственности»³³. Здесь правильно отмечают некоторые сходные черты романов «Дьявол внутри нас» и «Бесы» Ф. М. Достоевского. Следует, однако, все же уточнить два момента:

1) А. А. Бабаев переводит заглавие романа Сабахаттина Али как «Бес внутри нас»³⁴, тем самым прямолинейно трактуя влияние Ф. М. Достоевского на турецкого писателя. Однако понятия «бес» и «дьявол», как известно, несколько отличны друг от друга и, думается, все же бо-

³³ А. А. Бабаев. Указ. раб., стр. 142.

³⁴ Там же, стр. 140 и сл.

лее точен перевод «Дьявол внутри нас», предложенный другим советским тюркологом Р. Фишем³⁵;

2) вопрос о том, считал ли Ф. М. Достоевский добро и зло извечно заложенными в человеке, представляется нам спорным, что же касается Сабахаттина Али, то для него было совершенно непреложным, что человеческий характер — это порождение общественной среды. Писатель видел свою цель не в доказательстве извечности или неизвечности добра и зла, а в раскрытии той огромной с его точки зрения опасности, которую таит в себе бегство от реальной действительности. И в этом отношении «Дьявол внутри нас» особенно близок к «Преступлению и наказанию». Родион Раскольников пытается объяснить и оправдать некоторые свои действия случайным стечением обстоятельств или их фатальностью. Сабахаттин Али, говоря о злом начале, вселившемся в человеческую душу, преследует совершенно иную идейно-эстетическую цель.

Попытка Омера закрыть глаза на факты жизни и уйти таким образом от действительности, подавив голос собственной совести выдумкой о вселившемся якобы в его душу дьяволе, оказывается тщетной. Возмущение и протест против социальной несправедливости, вопреки его теории, бередают ему душу. Безысходная нищета доводит его наконец до стихийного бунта против буржуазного строя. В одной из бесед с Нихатом Омер описывает свое душевное состояние следующим образом: «Куда мы идем?.. Деньги ли будем добывать? Людей ли будем грабить?.. Ведь я дошел до такого состояния, что способен на все...»³⁶ Его озлобленность и протест во многом близки чувствам Родиона Раскольникова.

Однако Омелу чужды суждения Раскольникова о разделении людей на две категории и его буржуазно-индивидуалистическая, анархическая позиция. В то же время Омер лишен чувства собственного достоинства и принципиальности, характерных для героя «Преступления и наказания». Он апатичен и слабоволен, всегда готов пойти на компромисс и сделку со своей совестью.

Омер отлично разбирается в реакционной и человеконенавистнической сущности пантюркизма, расизма и фашизма, но из-за своей беспринципности и отсутствия твердых убеждений едва не становится орудием в руках профашистской организации. Только арест последней открывает ему глаза на опасность занятой им жизненной позиции, заставляет задуматься над определением своего места в жизни, в обществе.

В образе Хюсамеддина воплощена другая разновидность стихийного бунта. Прейсполненный ненависти и отвращения к социальной несправедливости и господствующим порядкам, он впадает в пессимизм, становится «лишним человеком». Бесчестность, жажда наживы, царящие в капиталистическом обществе, безысходность его собственного положения доводят Хюсамеддина в конце концов до стихийного анархического бунта.

Третья группа образов романа «Дьявол внутри нас» ничем не напоминает персонажи Ф. М. Достоевского. Писатель изображает представителей интеллигенции, вышедшей из обедневшей аристократии и средних слоев населения, считающих необходимым бороться за социальное переустройство общества на новых, социалистических основах.

³⁵ См.: Сабахаттин Али. Дьявол внутри нас. М., 1955.

³⁶ «Sabahattin Ali. Bütün Eserleri», (с. II), стр. 391.

Черты последовательного коммуниста воплощены в образе Бедри. Это цельная личность, с твердыми убеждениями. Бедри не только правильно понимает процессы, происходящие в общественной жизни страны, но и видит единственный путь, ведущий к построению нового, гармонического человеческого общества: путь организованной и целенаправленной борьбы.

Характерный для творчества Ф. М. Достоевского полифонизм архитектоники художественных произведений был творчески воспринят Сабахаттином Али и получил у него, уже на новой идейно-эстетической основе, свое дальнейшее развитие. Это сделало произведения Сабахаттина Али многоплановыми. Фабула и композиция его произведений стали охватывать многосложные, часто противоречивые взаимоотношения людей, борьбу между различными классами, прослойками и социальными группами общества. Особое место в творчестве турецкого писателя занимает интеллигенция, через представителей которой автор выражал основные тенденции в развитии общества. Даже любовные коллизии в произведениях Сабахаттина Али органически сливаются с общественной проблематикой произведения, что позволяет автору дать многоплановую картину современного ему общества.

Сабахаттин Али внешнюю описательность сводит к минимуму. В его интеллектуальных рассказах и особенно в романе «Дьявол внутри нас» даже пейзажу отводится небольшое место. Исключение составляют лишь роман «Юсуф из Куюджака» и некоторые рассказы. Действие в его произведениях развивается в определенных временных рамках. На передний план выдвигается главный герой, остальные персонажи появляются и действуют эпизодически. Все это свидетельствует о творческом использовании опыта классиков русской и мировой литературы, особенно И. С. Тургенева. Благодаря этому Сабахаттин Али достигает высокого драматизма. Героев Сабахаттина Али прежде всего характеризуют их общественно-политические, философские взгляды, нравственные критерии и жизненные позиции. Вслед за Якупом Кадри Караосманоглу Сабахаттин Али создал в турецкой литературе индивидуализированные социальные типические образы, отражающие главные тенденции общественного развития своей страны.

Важное, чуть ли не основное, место в произведениях Сабахаттина Али занимают монолог и диалог, позволяющие раскрыть психологию, духовный мир, мировоззрение героев — представителей различных социальных классов, сословий и групп. Этим художественным приемом писатель, можно сказать, обогатил турецкую прозу.

Таким образом, Сабахаттин Али, критически восприняв и продолжив реалистические принципы творчества великого русского писателя Ф. М. Достоевского, отбросив при этом его реакционные философские воззрения, создал на основе метода социалистического реализма замечательные художественные произведения, отличающиеся глубоким философским и социальным содержанием.

В отличие от Ф. М. Достоевского Сабахаттин Али осуждает покорность, примиренчество, отсутствие устойчивых убеждений, призывает к открытой и решительной борьбе против капитализма с его буржуазной моралью, к борьбе за свободу и демократию, утверждает пафос революционной борьбы за построение социалистического общества.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

З. И. ЯМПОЛЬСКИЙ

ОБ ЭТНОНИМЕ «СЕВОРДИИ»

Армянский автор X века Иоанн Католикос Драсханакертский, описывая некоторые события, имевшие место в IX веке, указывал, что близ азербайджанского города Шамхора была «область Ути», «страна утийцев», жители которой «суть севордии»¹. Область Ути и утийцы (утии, уди) известны из ряда древних и средневековых источников². Утиев мы на основании двойного сходства (звукового и семантического) гипотетически отождествляли с «к-ути-ями» («г-уте-ями») Древнего Востока III тысячелетия до н. э.³ и предполагали, что «ути» («уди») является этнонимом — самонаименованием кавказских албанцев, «коренного населения Албании, что подтверждается не только самонаименованием удин, поныне живущих на территории Албании, но и свидетельством документа XVIII в., в котором удины писали о себе: „...мы агваны и по нации утийцы“»⁴. Тот факт, что население Ути — утийцы или часть их — тысячу лет тому назад выступало под этнонимом «севордии», все еще требует к себе внимания науки⁵.

Можно считать «лабораторно» обоснованным то, что в ходе этногенеза, когда языки изменяются, «утрачивая почти всякий след первоначального единства», старые этнонимы сохраняются у «очень отдаленных» (территориально и во времени) этнических общностей, ибо с этнонимом связаны не только моральные нормы, но и права людей⁶. Поэтому отношения между языками этнических общностей и их этнонимами⁷, изменяющиеся в ходе истории, нельзя изучать в рамках одного языка или языков одного типа, как это сделано в уже упоминавшейся статье Шерифа Бастава. Современный подход к истории языков характеризуется учетом сходств

¹ См.: Л. М. Меликсет-Бекоев. К истории удин. — «Труды Тбилисского государственного университета», XXIII, 1942, стр. 51. А. М. Гусейнзаде сообщил нам, что в IX веке севордии на той же территории были отмечены арабским автором (см.: *Беладзори. Книга завоеваний стран*. Баку, 1927, стр. 14) и обратил наше внимание на статью Шерифа Бастава (*Şerif Bastav. Sabir türkleri*. — «Belleten Türk Tarih Kurumu», cilt V, № 17—18. Анкара, 1941), в которой говорится (стр. 74), что Масуди повторяет сообщение, приведенное Беладзори.

² См.: Л. М. Меликсет-Бекоев. Указ. раб., стр. 51.

³ См.: И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 110.

⁴ З. И. Ямпольский. К изучению Летописи Кавказской Албании. — «Известия АН Азерб. ССР», 1957, № 9, стр. 154.

⁵ Существующую этимологию «севордии» как «сев-орди-к» Шериф Бастав (указ. раб., стр. 75) считает народной этимологией.

⁶ См.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952, стр. 98.

⁷ Ср. «иберы» в Грузии, в Испании и в Англии; «албанцы» Кавказа, Балкан, Италии, Шотландии.

и контактов между языками в ту отдаленную эпоху, когда известные науке типы языков еще не сформировались. В. М. Иллич-Свитыч показал, что можно говорить о том архаическом периоде развития алтайской, уральской, дравидской, картвельской, семито-хамитской и индоевропейской семей языков, когда все они имели сходные (ностратические) черты⁸. В течение обозримого периода истории человечества, включая и ностратические времена, кроме внутренних факторов и процессов этнического (в том числе — языкового, антропологического) развития, «в процессе смешения народов»⁹ происходило передвижение этнических общностей. Не вызывает сомнений, например, передвижение русских за последние 200—300 лет (до появления железных дорог) от Волги до Тихого океана. Но и для значительно более древних времен истории человеческого рода характерны «грандиозные межконтинентальные контакты племен каменного века»¹⁰. Носители этнонимов, по выражению Агафия, иногда бывали «подчинены другим и назывались их именем»¹¹. Поэтому к изучению истории этнонимов, их отношений к языкам следует подходить, опираясь на вышеизложенные положения.

Этноним «севордии» имеет сходство с этнонимом «савир-ы» («сабир-ы», «савар-ы») ¹² по двум компонентам: звуковому составу и смыслу¹³. Известны попытки отождествления этих этнонимов. Новейшей работой, в которой уделено внимание этому вопросу, является указанная статья Шерифа Бастава, богатая фактами, но, как уже было отмечено выше, ограничивающаяся материалами языков одного типа.

«Савир-ы» известны по источникам II—X веков (Птоломей, Иордан, Прокопий, Агафий, Захария Ретор, Симоката, Малала, Ибн Хордадбех, Масуди) на Северном Кавказе, на юге России, «около Кавказских гор»¹⁴. «Это народ... многочисленный»¹⁵. Савиров равнин Северного Кавказа иногда именовали гуннами — «сабиры являются гуннским племенем»¹⁶, у которого был «Бог Тангрихан»¹⁷ — god T'angri¹⁸; знатный носил титул «тархан»¹⁹ — t'arḫan²⁰, а сама зона их столицы (Варачан) на Северном Кавказе именовалась Туркестан²¹ — Turkestan²². Сабиры с Северного Кавказа вторглись в Азербайджан и осели здесь²³. В составе сабиоров отмечают носителей языков тюркского и финно-угорского типов²⁴.

⁸ В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971.

⁹ Ф. Энгельс. Указ. раб., стр. 69—70.

¹⁰ А. П. Окладников. Нельс Христиан Нельсон. — «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 187.

¹¹ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 163—164.

¹² Sabiroi, «Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft» (далее — RE), 1920 (Herrmann); «Очерки истории СССР». М., 1958, стр. 928 (далее — Очерки).

¹³ Б. А. Серебrenников отмечает, что «сходство звучания при одинаковости или родстве значения может восходить только к одному источнику» (Б. А. Серебrenников. Проблемы сравнительно-исторического метода. — «Доклады и сообщения, прочитанные на научной конференции по языкознанию». М., 1952, стр. 204).

¹⁴ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М.—Л., 1950, стр. 407.

¹⁵ Агафий. Указ. соч., стр. 116.

¹⁶ Прокопий. Указ. соч., стр. 407, 381; ср.: Агафий. Указ. соч., стр. 116.

¹⁷ «История агван Моисея Каганкатваца». СПб., 1861, стр. 193.

¹⁸ «The History of the caucasian albanians». London, 1961, стр. 156.

¹⁹ «История агван...», стр. 208.

²⁰ «The History...», стр. 167.

²¹ «История агван...», стр. 190.

²² «The History...», стр. 160.

²³ Очерки, стр. 566.

²⁴ Ein uralischer den Hunnen verwandter Volksstamm, Sabiroi, RE, 1920 (Herrmann). кол. 1603; венгры именовались «савар-тами» (см.: Э. Мольнар. Проблема этногенеза в древней истории венгерского народа. — «Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae», 13. Budapest, 1955, стр. 98. Армянские и арабские источники причисляли савир (сувар) к этнической общности древних болгар (булгар) (см.: Очерки, стр. 698).

Н. А. Баскаков, характеризуя группу тюркских языков, распространенных в зоне расселения саби́ров (суваров), отметил, что в этой группе встречается слово *samsa* 'нос'²⁵. Однако в диалектах современного азербайджанского языка указанное слово встречается в идиоме *sumsyguny sallamag* 'опустить нос, насупиться', и от него образован глагол *sünsün-täk* 'вынюхивать пищу'. Это показывает, что история азербайджанского языка как одного из языков тюркской группы, прошедшего свой собственный путь формирования, характеризовавшийся, в частности, возможным проникновением северо-кавказских элементов типа «сувар-ов», нуждается в дальнейшем исследовании.

В «севор-диях» гипотетически видят предков той части азербайджанского народа, которая имеет субэтноним «айрумы»²⁶. Во всяком случае исследователи формирования азербайджанского языка, учитывая известные древние факты расселения на территории Азербайджана этнических общностей, говоривших на тюркских языках²⁷, а также этноним «тюрки»²⁸, не могут пройти мимо вопроса об отношении этнонимов «севор-дии» и «савар-ы». Нельзя оставить без внимания, если не будут возражать историки языков, и возможные соответствия этих этнонимов с другими, «дважды сходными» с ними этнонимами²⁹. Отдаленность во времени и в пространстве и возможная разнотипность языков, к которым относятся такие этнонимы, не должны стать препятствием к их исследованию, хотя имеется много «дважды сходных» слов, далеко отстоящих друг от друга. Часть из них, вероятно, восходит к весьма архаическому состоянию языков, когда слова-понятия имели еще диффузное значение³⁰, на стадии перехода «от обобщенно-собирающего наименования к наименованию отдельного вида»³¹. Язык утийцев (удин), то есть населения Ути (Албании), часть которого, вероятно, была названа «севордиями», ныне принадлежит к кавказскому типу, но имеет черты сходства с урартским, вотским (вотяки), маньчжурским языками, а также содержит тюркские архаические элементы³².

²⁵ Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», том XI, 1952, стр. 124—125.

²⁶ Очерки, стр. 535.

²⁷ Р. А. Гусейнов. О тюрках IV—VII вв. в зоне Кавказской Албании. — В сб.: «Вопросы истории Кавказской Албании». Баку, 1962, стр. 181—190.

²⁸ З. И. Ямпольский. О тюрках V в. до н. э. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета. Язык и литература», 1970, № 5—6, стр. 10—13; С. Е. Малов отмечал, что языки тюркского типа существовали «за несколько веков до нашего летоисчисления, веков за пять» (С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», том XI, 1952, стр. 135).

²⁹ Ср.: «субер-тани» Этрурии, Subertani, RE, 1931 (Philipp); «субур-буры» Африки, Suburbures, RE, 1931 (Dessau); Saburbures, RE, 1920 (Fischer); «сабар-ы» Индии, Sabates, RE, 1920 (Herrmann); «са(с)пе(й)р-ы», о которых в V в. до н. э. сказано, что эта этническая общность была единственной на землях между Мидией и Колхидой (Геродот. История, кн. I, гл. 104). «Саспейров» Геродота отождествляли с «есперитамн» Ксенофонта (Ксенофонт. Анабазис, кн. III, гл. 5, § 17; кн. IV, гл. 3, § 4; кн. VII, гл. 18, § 25); Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 394. Ср.: «савр-о-маты» — «сарматы», Sarmatae, RE, 1920 (K. Kretschmer): Sarmatarum populus in Caucasi iugis, Plin., VI, 17; «субар-ы» Древнего Востока; Л. М. Меликсет-Бекон. Указ. раб., стр. 31.

³⁰ Ср.: *кабали* 'корова' в мергельском, *кабаллюс* 'лошадь' в латинском; *мерин* в русском и *мерин* 'лошадь' в тунгусском; *кань* 'собака' в якутском и *кинь* 'конь' в славянских.

³¹ А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 98.

³² Л. М. Меликсет-Бекон. Указ. раб., стр. 27—29, 32; В. Гукасян отмечает, что «в удинском, лакском и других горско-кавказских языках сохранены такие древнетюркские слова, слово- и формообразующие элементы, которые не вошли в литературный азербайджанский язык и редко замечаются в его диалектах» (Ворошил Гукасян. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права», 1968, № 4, стр. 120).

Все сказанное выше позволяет предположить, что «севордии» были «савир-ами» Азербайджана. Во всяком случае при изучении формирования азербайджанского языка необходимо учитывать также отношения языков «севор-диев» и «савир-ов»³³. Возможность же случайного сходства, как звукового, так и семантического, этих двух этнонимов должна быть доказательно рассмотрена историками языков. При этом следует преодолеть односторонность, иногда, к сожалению, проявляющуюся у специалистов по истории отдельных языков или групп языков.

---

³³ Известно большое число топонимов, гидронимов и личных имен, имеющих основу «свр» («сбр»). (См.: К. Г. Алиев. Албанцы кочевники и басилевс Зобер. — «Известия АН Азерб. ССР», 1963, № 3).

СООБЩЕНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ОБЗОРЫ

С. К. КЕНЕСБАЕВ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ В НАРИЦАТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ*

Взаимоотношения между собственным и нарицательным именами до конца не изучены, хотя достаточно известны общие черты, присущие тем и другим, а также их специфические особенности как в лексико-семантической структуре, так и в фонетико-грамматической системе.

Первоначальной основой имени собственного было слово с нарицательным значением. Обе эти категории впоследствии развивались по самостоятельным направлениям — в соответствии с внутренними законами развития языка и под влиянием экстралингвистических факторов.

Отмечаемые в различных языках национальные признаки, то есть свойственные каждому из них специфические особенности, мы относим к внутренним закономерностям этих языков. Различные формы имени собственного, его первоначальное значение и звуковое оформление, «пластичность» при употреблении в составе словосочетаний — все это находится в тесной связи с национальными особенностями языка, с закономерностями его исторического развития. Если взять, например, казахский язык, то любое лично-собственное имя в нем имеет ярко выраженные характерные черты именно казахского языка.

Во многих сферах языка, в том числе и в образовании имен собственных, влияние внешних факторов неоспоримо: различные исторические эпохи, социальные отношения, политические, экономические, культурные связи с носителями других языков оставляли в казахском языке свои заметные следы. В частности, с действием экстралингвистических факторов связано и употребление имени собственного в значении имени нарицательного. Обе эти категории имеют общую форму и относятся к одной и той же части речи — имени существительному. В то же время семантика их различна: имя нарицательное выражает обобщенное лексическое значение, собственное же имя ограничивается функцией названия.

Переход лично-собственных имен в имена нарицательные осуществляется на основе определенной закономерности, которая, однако, не распространяется на все лично-собственные имена. Если бы любое собственное имя возможно было употребить в его лексических значениях, то оно не имело бы своих, присущих только ему особенностей, и нельзя было бы провести грань между рассматриваемыми категориями и уловить различия как в их семантике, так и в грамматических функциях.

* Текст доклада, прочитанного на Тюркологическом съезде в Анкаре (сентябрь 1972 г.).

Имеется множество собственных имен, происхождение которых связано с характерными особенностями истории данного народа и его национальными традициями, с мировоззрением, психологией, экологическим развитием, географическими условиями и укладом жизни. Закономерно, что лично-собственные имена из народных сказаний и легенд со временем превратились в прозвища людей, подчеркивающие особенности их характера или отдельные физические недостатки. Таким образом, многие лично-собственные имена, закрепившиеся в устном поэтическом творчестве народа, связывались с конкретными чертами характера героев легенд и преданий и, приобретая обобщающее значение, становились нарицательными. Это происходило в том случае, если употребление имени в нарицательном значении способствовало наиболее яркой и эмоциональной передаче характерных черт человека — алчности, щедрости, одержимости любовью и т. п. Так, например, имя *Карабая*, персонажа поэмы «Козы-корпеш и Баян-сулу», став нарицательным, обозначает у казахов человека жадного, ненасытного. Предельно отрицательная характеристика связана и с именем *Карынбая*, героя одного из народных преданий, олицетворяющего человеческую алчность, потерю чести, совести, веры и лишившегося в погоне за наживой даже своей собственной головы. Эта традиция унаследована и письменной литературой. Джамбул в одном из своих стихотворений пишет:

*Жубайыңды есіттім
Таңдап тапқан еліңнен,
Өзі қарау, тарыншақ,
Қас Қарынбай делінген!
'Я слышал о твоей супруге,
Которую ты выбрал себе,
Говорят, она алчная, жадная,
Подобно Карынбау'.*

Еще более популярно в этом смысле имя *Шигайбай*, нарицательное значение которого — «очень жадный» — у казахов превалирует над лично-собственным. Бытующее в современном казахском языке определенно-приложение «шық бермес» подчеркивает в сочетании с указанным именем его нарицательное значение: «шық бермес *Шығайбай*», что означает «очень жадный; скряга, от которого ничего нельзя добиться». Слово *шық* восходит к *сік* «малый, незначительный»², а *Шығайбай* происходит от *چیغای* «бедный, нищий»³. В связи с широким распространением имени *Шигайбай* в его нарицательном значении оно нередко пишется со строчной буквы, например: *Мәссаған біз үйіңе қазір барғалы отырсақ, мынауың барып тұрған шық бермес шығайбайдың өзі ғой!*⁴ «Мы собираемся к нему в гости, а он, оказывается, настоящий скряга, как *шик бермес шигайбай!*»

Человека, изверившегося, вечно недовольного, беспомощно ноющего, называют «*Асанқайғы*»: *Әже, қойшы енді, асанқайғыны соқпай!*⁵ «Бабушка, перестань, пожалуйста, ныть!»

¹ *Жамбыл Жабаев*. Шығармалар, т. I. Алматы, 1957, стр. 19.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 504; *olarda qoj siğ ol* 'у них овец мало' (МК, III, 130).

³ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, 1869, стр. 506.

⁴ Қ. Сатылбалдин. Шағын пьесалар. Алматы, 1962, стр. 83.

⁵ Ө. Қанахин. Дәмелі, 1962, стр. 46.

В фольклоре многих тюркоязычных народов имя *Ходжи Насреддина* олицетворяет веселого, находчивого человека. В произведениях Беймбета Майлина встречается имя *Мыркимбай*, означающее наивного простака. Выражение же *Атымтай жомарт* 'щедрый, как Атымтай' имеет историческую подоплеку: в арабском фольклоре бытует образ Атыма из племени Тай (личность историческая), о щедрости которого слагались легенды. Имена *Атымтай* и *Қожанасыр* (у некоторых народов *Афанди*, *Ходжа Насреддин* и т. п.) вошли в казахский разговорный язык из письменной литературы. Слово *Қорқыт* в выражении *Қайда барсаң, қорқыттың көрі* 'Куда ни пойдешь, везде помни могилу Коркыта' передает чувство сильного страха. Семантика этого слова отдалась от первоначальной и воспринимается казахами в значении «смерти не избежать». Один только этот пример уже указывает на существование тенденции проникновения традиционных образов и выражений из фольклора в письменную литературу.

Имена собственные, образованные посредством аффикса *-daj||-dej*, имеют дополнительный смысловой оттенок, придающий высказываемой мысли эмоциональную окраску:

Сейфіл Мәлік — Жамалдай
Бейнетіңе өнсем-ай,
Қозы-көрпеш — Баяндай
Бір молада өлсем-ай!
 'Как Сейфил Малик и Жамал,
 Вынес бы все муки,
 Как Қозы-көрпеш и Баян,
 Лег бы в одну могилу⁶.

Выражение «*Қыз Жібек пен Төлегендей*» 'Как Кыз Жибек и Тулеген' символизирует искреннюю, горячую любовь двух молодых людей. Употребленное же применительно к лицам среднего возраста, оно приобретает иронический оттенок. Как и в фольклоре других народов, в казахской устной литературе (впоследствии и в памятниках письменности), а также в народных изречениях (особенно в риторических назидательных новеллах) имя собственное может порой придавать выражению соответствующий тонкий стилистический оттенок и без аффиксов, например: *Көл иесі Қамбар-ау, Шөл иесі Қамбар-ау, Қарағыма көз сал-ау, Ғашықтардың пірі едің Ләйлі—Мәжнүн сіз бар-ау, Баламды сізге тапсырдым?* 'О, Камбар, покровитель озер, О, Камбар, покровитель пустынь, — Будь покровителем моему сыну; О, Лейли — Меджнун, покровитель влюбленных, — Будь покровителем моему милому'.

Имена собственные в нарицательном значении часто встречаются в загадках, пословицах и поговорках. Приведем несколько примеров: *Дүбір-дүбір төртеу, Есенкелді — екеу, Жағалбайлы — жалғыз, Оның таңы — қарбыз* 'Шум-гам, четверо, есенкельдинцев — два, жагалбайлинец — один, удивляется арбузу'; *Төлебайдың төрт ұлы төбелесіп келеді, Егізбайдың екі ұлы ерегесіп келеді* 'Четыре сына Тулебая идут — дерутся, два сына Егизбая идут — ссорятся'; или: *Ермекбайдың екі ұлы ерегесіп келеді, Төлебайдың төрт ұлы төбелесіп келеді, Жағалбайдың жалғызы жағаласып келеді* 'Четыре сына Тулебая идут — дерутся, два сына Ермекбая идут — ссорятся, единственный сын Жагалбая и тот не отстаёт'. Понятно, что в этой загадке Есенкельды, Егизбай, Ермекбай означают горбы верблюда, Тулебай — ноги, Жагалбай — хвост. Здесь

⁶ Қазақ әндері, т. II. Алматы, 1968, стр. 173.

⁷ Қыз Жібек. Алматы, 1957, стр. 19.

прослеживается и аллитерация. Собственными именами обозначены отгадываемые предметы, тем самым затруднена отгадка.

В поговорках *Жүзігі барда Сүлеймен, жүзігі жоқта сүмірейген* 'С перстнем — Соломон, без перстня — никому не нужен он'; *Айдабол, ас ішкенде пайда бол* 'Айдабол появляется тогда, когда садятся кушать' раскрывается связь между именами собственными и нарицательными.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство: имена собственные употребляются в нарицательном значении и в разговорной речи (прозвища, псевдонимы, табу) и т. д.⁸ Здесь наряду с народной традицией можно видеть и влияние этнографии.

В прошлом у казахских женщин не было принято называть старших в семье по имени. На этот обычай в свое время обратили внимание ученые-ориенталисты. Молодая женщина не называла по имени родственников мужа, избегала употреблять собственные имена даже в нарицательном значении, заменяя их синонимами. Например, вместо *Жоламан* говорили *Соқпақ жол* 'тропинка', вместо *Сүттібай* — *Желінді уыз* 'выменное молозиво'. При этом женщина проявляла исключительную находчивость, благоразумие и остроту ума. В разговорной речи к именам старших прибавляются термины родства: *ата* 'дедушка', *қайнаға* 'деверь', *әже* 'бабушка', *жеңгей* 'тетя', например, *үлкен әже* 'старшая бабушка', *кіші әже* 'младшая бабушка', *дәу жеңеше* 'большая тетя', *сылқымсал жеңеше* 'кокетливая тетя' и т. п.

Существует также казахский обычай называть дальних родственников созвучными именами (например, *Омар* — *Сомар*). Этот обычай обозначается термином *аты теріс* (в быстром произношении *аттеріс*) 'носящий обратное имя'. Он привел к возникновению и таких имен, как *Аттеріс құда* («Сват с обратным именем») или *Сомар құда* (о свате с именем *Омар*).

Давнее происхождение имеет обычай называть детей старшего брата, родственников мужа учтивыми словами: *Шырақ*, *Молда жігіт*, *Сылқым жігіт*, *Төрем* (*Төрежан*), *Төрежігіт*, *Мырзажігіт*, *Бойжеткен*, *Еркеқыз* (*Еркежан*), *Бикеш*, *Айдарлым* и т. п. В наше время этот обычай утрачивается.

В некоторых прозвищах (даваемых ровесникам или просто непокладистым по характеру людям) — таких, как *Қалқан құлақ*, *Салпы ерін*, *Шойқара*, *Шегір көз*, *Теке сақал*, *Сумақай*, *Күркілдек* и т. п. отчетливо проявляется лексическое значение, подчеркивающее какую-нибудь отрицательную черту или особенность. Примеры типа *Шырақ*, *Қалқан құлақ* имеют косвенное отношение к затрагиваемой теме, которая требует специального изучения.

В сфере топонимии использование имен собственных в нарицательном значении наблюдается реже. Можно привести лишь один-два таких примера. Так, в поговорке *Ұлың ұрымға, қызың Қырымға кетті* 'Сын уехал в Рум, дочь — в Крым' слова *Ұрым*, *Қырым* употреблены в значении «далекие места», «дальние края». Слова *Меке* (Мекка), *Балқан* (Балканы) в поговорках *Сұрай-сұрай Мекеге барарсың* (русский эквивалент—«Язык до Киева доведет») и *Барар жерің Балқан тау, Ол да біздің көрген тау* 'Горы Балканские, куда ты собираешься, и нам известны' также отдалены по смыслу от своих первоначальных топонимических значений.

У казахов слово *Итжеккен* (букв. 'Место, где запрягают собак') связано с представлением о далеком холодном севере, а *Жиделібайсын*

⁸ Т. Жанұзақов. Қазақ есімдерінің тарихы. Алматы, 1971.

означает теплую, уютную, богатую сочной травой южную долину. В казахском языке имеются выражения: *Итжеккенге айдады* 'Сослали на итжеккен (то есть в такое место, где запрягают собак)', *Жиделибайсын — жер ұйық* 'Жиделибайсын — заветная земля'. Слово *ұйық* (*үйек*) в последнем выражении имеет соответствия и в других тюркских языках: тур. *udik*, тув. *ыдык*, кирг. *ыйык*, хак. *ызык*⁹. Слово *ыдуқ* 'священный' встречается в следующих орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятниках: *Ыдуқ баш кідінтә* 'Святой ключ позади (на западе)' (МЧ. 21); *Ыдуқ башда сүнүшдім* 'При Священной вершине я сразился с ними' (Мог. 25); *Тамағ Ыдуқ башта сүнүшдіміз* 'Мы сразились при Священной вершине Тамағ' (КТб. 41); *Түрк ыдуқ йәрі* 'Тюркская священная земля' (КТб. 10); *Ыдуқ йәр-суб* 'Священная Родина (Земля—вода)' (Тон. 38); *Оз йәрім ыдуқ* 'Моя священная (родная) земля' (Енисейск. памятник. 42); *Ыдуқ Отүкән* 'Название местности' (КТб. 23); *ыдиқ* 'священный' (Сутра «Золотого блеска». Текст уйгурской редакции, изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов, 1913—1917). Здесь имеет место чередование звуков *д||з||й*.

Краткий обзор семантических сдвигов в казахском языке, связанных с переходом имени собственного в имя нарицательное, позволяет сделать следующие выводы:

1. Некоторые лично-собственные имена людей, веками сохранявшиеся в сознании, обычаях и традициях народа, могут иногда употребляться в нарицательном значении. Основным условием такого употребления является связь того или иного имени с какой-либо ярко выраженной отличительной чертой характера его носителя.

2. Главным источником, способствующим переходу имени собственного в имя нарицательное, являются устная литература и древние памятники письменности, а также сохранившиеся в народе религиозные и мифологические представления и суеверия.

3. Индивидуальный характер имени собственного, употребляющегося в нарицательном значении, постепенно стирается и может полностью утратиться. Возможна и стилистическая трансформация имени собственного в нарицательное, связанная с контекстом.

4. В переходе собственных имен в нарицательные находят отражение особенности истории и этнографии народа.

5. Переходу ряда собственных имен и географических названий в имена нарицательные часто содействуют их лексические значения, хотя эти явления между собой не тождественны.

⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 32, 41; *Құлмат Әмірәлиев. Жерұйық па, жерүйек пе?* — Газ. «Қазақстан мұғалімі» от 29 июля 1971, № 31 (973).

Э. Р. ТЕНИШЕВ

ГОВОР УРУМОВ СЕЛА ПРАСКОВЕЕВКИ*

До последнего времени были известны говоры урумов (тюркоязычных греков), проживающих на территории Украинской ССР — в Донецкой области¹ и г. Жданове («мариупольские греки»)². Недавно стал известен говор урумов Триалети — горного района Грузинской ССР³. Теперь же к ним следует добавить говор тюркоязычных греков (с тем же самоназванием — урумы), живущих в РСФСР — в селениях близ Геленджика (Краснодарский край). Автор этих строк записал небольшой материал по данному тюркоязычному говору у жительницы села Прасковеевки Геленджикского района Керяки Ивановны Петровой — уроженки Трабзона, долгое время проживавшей и в Эрзеруме. По словам К. И. Петровой, тюркоязычные греки проживают также в Фальшивом Геленджике (выходцы из Сиваса) и в селении Красная Поляна Лазаревского района (выходцы из Карса).

Ниже приводятся некоторые сведения о говоре прасковеевских урумов по записям, сделанным у К. И. Петровой.

I. Фонетические особенности.

1. Фонема *e* встречается в начале, середине и конце слов: eĩlirsãm 'если сделаю', benim 'мой', jetti 'достиг', Arzerum 'Эрзерум', asker[a] 'солдат', t'it'mit'hãne [$\leq$ kitap-mitap hãne] 'библиотека'.

Во всех позициях в соседстве с *l*, *r*, *n*, *nd* возникает вариант фонемы *e* — широкий $\ddot{a}$: sãndãn 'от тебя', iĩlãdi 'сделал', iĩindã 'внутри'.

При тех же условиях (а также в начальном слоге и после смычных) реализуется другой вариант фонемы *e* — $\ddot{a}$ (более узкий по сравнению с $\ddot{a}$): askãre[a] 'солдату', tãrt'lãgã[n] 'страданиям', zilfinã[n] 'локону твоему', kãzãg 'гуляет, ходит'.

Широкий $\ddot{a}$ как вариант фонемы *e* отмечен в речи донецких урумов: bãp 'я', sãni 'тебя', šããrdãn 'из города', rãnzãrã[n] 'окно', ištã 'вог'⁴. Этот звук представлен и в речи урумов из Триалети⁵.

* Текст доклада, прочитанного на Тюркологическом съезде в Анкаре (сентябрь 1972 г.).

¹ С. Н. Муратов. Материалы по говорам тюркоязычных греков (урумов) Донецкой области УССР. — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 72. Языкознание. М., 1963, стр. 178—191.

² О. Blau. Griechisch-türkische Sprachproben aus Mariupoler Handschriften. — ZDMG, bd. 28, 1874, стр. 562—576; Ф. Браун. Мариупольские греки. — «Живая старина». год I, вып. 2, отдел I. СПб., 1890, стр. 78—92; «Мариуполь и его окрестности». Мариуполь, 1892; рец. Н. Ф. Катанова см.: «Известия общества истории, археологии и этнографии», 1894, стр. 526—527.

³ И. А. Корелов. Язык триалетских урумов и его специфические особенности. Автореф. канд. дисс. Баку, 1970.

⁴ С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 182.

⁵ И. А. Корелов. Указ. автореф., стр. 12.

Согласно записям М. Рясненна⁶ широкий *ä* четко выражен в речи турецкого населения Эрзерума, Ризе, Трабзона в вышеуказанных фонетических условиях с добавлением *j, m, t, d* (эрзерумский говор): *väg* 'дай', *bāpā* 'мне', *šāmsijä* [a] 'зонтик', *ätt'ilär* 'сделали', *hädijä* [a] 'подарок' и т. д. Т. Ковальский в сводной работе о территориальных диалектах Турции⁷ отмечает два вида *e* — закрытый и более открытый, свойственные турецким диалектам вообще.

Г. Бергштрессер в свою очередь установил три варианта фонемы *e* (что представляется более точным): закрытый (*geschlossenen*), обычный открытый (*das gewöhnliche offene*) и особенно сильно открытый (*ein besonders stark offenes*). Последний проявляет себя в ударном, в открытом и в конечном слогах, перед *n* и *t*⁸.

2. Спорадически при наличии в последующем слоге через один согласный узкого *i* (позиционная долгота) различаются долгие гласные *ē, ā*: *bēni* 'меня', *ālindā* 'на руках'. В первом слоге узкий *i* в зависимости от эмфазы приобретает долготу и дифтонгоидный оттенок (эмфатическая долгота): *kī'derim* 'я ухожу', *zīlfinā* 'локону твоему'. Любопытно отметить, что у триалетских урумов наблюдается, по-видимому, первичная долгота: *jāš* 'возраст' и *jaš* 'мокрый'⁹.

3. Система смычных фонем представлена двумя группами: *b, d, g* и *p, t, k*.

Первая группа реализуется в трех вариантах — звонкий, полувзвонкий и слегка озвонченный глухой.

Звонкий вариант возникает в интервокальной позиции: *ajirdi bēni* 'отделил меня', *a'a'a bēni!* 'оплакивай меня!', *ba'a'a bēni!* 'вяжи меня!', *pu derdāni* 'эти страдания его'.

Полувзвонкий вариант появляется между гласными, между сонантом и гласной, а также в абсолютном начале слова: *ha pu derdāni* 'о, эти страдания его', *a'a'a pēni!* 'оплакивай меня!', *Azgerimuzun pazar* 'базар в нашем Эрзеруме', *pēnim kuzum* 'моя дочь'.

Глухой вариант возникает в абсолютном начале слова, между гласными, между сонантом и гласной, между звонким зубным и гласной: *terman* [<n. *derman*] 'лекарство', *tärt'lärä* [<n. *därt*] 'страданиям', *ičindā pır kuz* 'внутри одна девица', *koşam kitti* 'мой муж уехал', *kuz kazar* 'девица прогуливается'.

Вторая группа смычных представляет собою сильные глухие с заметной аспирацией, не озвончающиеся между гласными: *kōzi k'ör o'sun!* 'пусть он ослепнет!'. В данную систему втягиваются щелевые и аффрикаты; *koşam* 'мой муж', *ha* (междометие). По опубликованным материалам трудно судить, в какой мере подобная система согласных представлена в говорах донецких и триалетских урумов. Но нельзя не заметить, что кон-

⁶ M. Räsänen. Eine Sammlung von Mäni-Liedern aus Anatolien. — JSFOug, t. XLI. Helsinki, 1926, стр. 17—60.

⁷ T. Kowalski. Dialectes türk-osmanli. — «Encyclopedie de l'Islām», livraison O, Leid—Paris, 1931, стр. 976.

⁸ G. Bergsträsser. Zur Phonetik des Türkischen nach gebildeter Konstantinopler Aussprache. — ZDMG, bd. 72. Leipzig, 1918, стр. 239—240.

⁹ И. А. Корелов. Указ. автореф., стр. 12.

сонантизм этих говоров подвергся влиянию местных языков. Так, урумы из Триалети усвоили типично грузинские согласные q и $d(dz)$ ¹⁰.

Систему слабых и сильных аспирированных смычных (b, d, g и p', t', k', k') отмечают М. Ряснен¹¹ — в говорах Эрзерума, Ризе, Трабзона и Т. Ковальский¹² — в говорах Сиваса и Кайсери.

Слабые и сильные смычные известны в азербайджанском языке¹³ и в ряде диалектов туркменского языка (йомудском, эрсаринском, сакарском, чегесском, чандырском, кырачском, човдурском, салырском)¹⁴. За пределами юго-западной группы система слабых и сильных согласных встречается в асинском говоре башкирского языка¹⁵ и в тюркских языках Китая — саларском¹⁶ и сарыгюгурском¹⁷.

Чем объяснить возникновение данной консонантной системы, которая в группе огузских языков ограничивается северо-восточными говорами турецкого языка, азербайджанским языком и западными диалектами туркменского языка?

Чтобы прийти к определенному выводу, необходимо собрать и исследовать весь имеющийся материал. В историческом плане причины трансформации могут быть различными. Например, известно, что в саларском и сарыгюгурском языках перестройка консонантной системы произошла под иноязычным воздействием.

4. В безударном положении между r и j происходит сужение $e(e > i)$: $\text{\`a}skerijl\ddot{a}di$  [ $\text{\`a}skerejl\ddot{a}di$] 'сделал солдатом'.

5. В том же безударном положении i между d и n приобретает оттенки широты ($i > \ddot{a}$): $d\ddot{e}rd\ddot{a}ni$ [$\text{\`a}derdini$ ] 'страдания его'. В начальном слоге возможен  $o$  вместо  $u$  ( $u > o$ ):  $o\ddot{s}au'um$  [ $\text{\`a}u\ddot{s}au'um$] 'мой мальчик'.

6. После j , а также в конечном открытом слоге вместо заднерядного i употребляется передний i ($i > i$): $ajirdi$ [$\text{\`a}ajirdi$] 'отделил'.

7. Случай лабиализации i ($i > u$): kuz [$\text{\`a}kiz$] 'дочь, девица', $kuzum$ 'моя дочь'.

8. Случай делабиализации $\ddot{u}$ ($\ddot{u} > i$): $z\ddot{i}lfin\ddot{a}$ [$\text{\`a}z\ddot{u}lfin\ddot{a}$] 'локону моему'.

9. Рядом с i и l смычные заметно смягчаются: $t'it'mit'h\ddot{a}ne$ 'библиотека', $t\ddot{a}rt'l\ddot{a}g\ddot{a}$ 'страданиям', iki 'два', $ki\ddot{d}erim$ 'я ухожу'.

10. В условиях сильной палатализации перед i вместо k' употребляется t' ($k' > t'$): $t'it'mit'h\ddot{a}ne$ [$\text{\`a}kitar-mitar+h\ddot{a}ne$] 'библиотека'.

Но в слове iki 'два' такая замена не происходит. По-видимому, в закрытом слоге ($k'it$) палатализация сильнее, чем в открытом ($i-ki$).

Явление $k', g' > t', d'$ (не только перед i , но и перед $\ddot{a}, e, \ddot{o}, \ddot{u}$) встречается и в говоре донецких урумов: $est'i$ 'старый', $t'eg\ddot{a}k$ 'необходимо', $d'elin$ 'невестка', $t'og$ 'слепой'¹⁸ и др.

¹⁰ И. А. Корелов. Указ. автореф., стр. 12.

¹¹ М. Räsänen. Указ. раб., стр. 17—60.

¹² Т. Kowalski. Указ. раб., стр. 977.

¹³ О. Chatskaja. Quatrains populaires de l'Azerbaïdjan. — JA, t. CCXII, № 2. Paris, 1928; Ф. Кязимов. Система согласных фонем современного азербайджанского литературного языка. — «Ученые записки Азербайджанского педагогического института иностранных языков», вып. I. Баку, 1958; С. Б. Садыхов. Экспериментальное исследование согласных современного азербайджанского литературного языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1963.

¹⁴ А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 34; Ж. Амансарыев. Туркмен диалектологиясы. Ашгабад, 1970, стр. 201—206.

¹⁵ Х. Г. Юсупов. Асинский говор башкирского языка. Канд. дисс. М., 1955.

¹⁶ Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 14—15.

¹⁷ Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 14—15.

¹⁸ С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 181.

По данным М. Ряснен¹⁹ и Т. Ковальского²⁰, переход $k', g' > t', d'$ (перед $\ddot{a}, e, \ddot{o}, \ddot{u}, i$) свойствен турецким говорам Эрзерума, Ризе и Трабзона: $t'imin$ 'кого', $t'änägi$ 'край', $it'i$ 'два', $d'üneŝ$ 'солнце', $d'üzäl$ 'красивый', $d'ideom$ 'я ухожу' и др.

Переход $k', g' > t', d'$ известен не только в говорах собственно Турции, но и в турецких говорах на территории других стран, например в Албании: $t'ürgi/t'orgu$ 'мост', $t'ou$ 'деревня', $d'ül$ 'роза', $d'ök$ 'небо', $d'oz$ 'глаз'²¹. Этот перебой согласных в речи урумов, как и в турецких говорах Албании и Турции, следует объяснить греческим субстратом или влиянием. Переход $k', g' > t', d'$ распространен в греческих говорах на территории как самой Греции (законском, лесбосском и аиольском диалектах, бойотском и фессальском говорах)²², так и других стран, например СССР (мариупольские греческие говоры, относящиеся к северно-греческим говорам)²³.

11. Группа $-a\gamma-$ перед t произносится с удвоенными гласными ($-a'a-$): $a'a\ddot{a}!$ 'оплакивай!', $ba'a\ddot{a}!$ 'вяжи!'.

12. В некоторых случаях $\ddot{u} > u$, то есть происходит нарушающая гармонию веляризация гласного: $be\ddot{u}m$ 'мой', $ve\ddot{u}g\ddot{u}m$ 'я даю'. Веляризация гласных отмечается в говоре донецких урумов²⁴. Она имеет место, по сведениям М. Ряснен²⁵ и Т. Ковальского²⁶, также в говорах северо-восточной Анатолии, Конье, Кастамуни и в румелийских говорах (Адакале). Т. Якобу принадлежит замечание о том, что гармония гласных в говорах и диалектах Малой Азии вообще имеет «серьезные отклонения»²⁷.

13. К такому же отклонению архаического порядка относится наличие u в словоформах при негубных гласных основы: $Ar\ddot{d}asa\ddot{u}m$ (род. падеж от $Ar\ddot{d}asa$), $be\ddot{u}m/re\ddot{u}m$ 'мой', $o\ddot{s}au'um$ 'мой мальчик', $ve\ddot{u}g\ddot{u}m$ 'я даю'.

Узкие губные после негубных, по данным М. Ряснен²⁸, встречаются и в говорах Эрзерума, Ризе, Трабзона.

II. Синтаксические особенности.

В синтаксисе говора урумов наблюдаются некоторые особенности, свойственные народной речи.

1. В изафетных сочетаниях при определяемом отсутствует формант принадлежности i (согласно требованиям стихотворного размера и фонетическим условиям—последующее слово начинается с гласной): $Ar\ddot{d}asa\ddot{u}m\ ka\ddot{i}makam\|\ddot{a}skerij\ddot{l}ädi\ ben\ddot{i}$ 'каймакам Ардасы сделал меня солдатом': $Ar\ddot{z}erumuzun\ pazar\|\ddot{i}c\ddot{i}ndä\ pir\ kuz\ k\ddot{a}zär$ 'по базару нашего Эрзерума прогуливается одна девица'.

¹⁹ М. Räsänen. Указ. раб., стр. 17—60; *его же*. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 130.

²⁰ Т. Kowalski. Указ. раб., стр. 977, 981.

²¹ См.: Y. Németh. Trace of the Turkish Language in Albania. — «Acta Orientalis Academia Scientia Hungaricae», t. XIII, fasc. 1—2. Budapest, 1961, стр. 21.

²² A. Thumb. Handbuch der neugriechischen Volkssprache. Grammatik. Texte. Glossar. Strassburg, 1910, стр. 14—15; *его же*. Handbuch der griechischen Dialekte, 2. Herausg. A. Scherer. Heidelberg, 1959, стр. 30, 60.

²³ М. В. Сергиевский. Мариупольские греческие говоры. Опыт общей характеристики. — «Известия АН СССР». Отделение общественных наук, 1934, № 7, стр. 542, 543, 585.

²⁴ С. Н. Мухомов. Указ. раб., стр. 181.

²⁵ М. Räsänen. Eine Sammlung... стр. 17—60.

²⁶ Т. Kowalski. Указ. раб., стр. 975.

²⁷ G. Jacob. Zur Grammatik des Vulgar-Türkischen. — ZDMG, t. LIII, стр. 719.

²⁸ М. Räsänen. Указ. раб., стр. 17—60.

2. Косвенное дополнение следует за сказуемым: *benim koçam kitti askäre* 'мой муж ушел в солдаты'.

Краткий обзор особенностей говора геленджикских урумов в сравнительном плане позволяет сделать следующие выводы:

1. Говоры донецких, триалетских и геленджикских урумов при наличии общей основы имеют и местные отклонения. В говоре геленджикских урумов таких отклонений наименьшее количество, то есть этот говор сохранился в наиболее «чистом» виде.

2. Говоры всех групп урумов (донецких, триалетских и геленджикских) восходят к турецким говорам северо-восточной Анатолии.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Ardasanun kaımakam
 askerijlädi bēni,
 iki kōzi k'ör o'sun:
 sändän ajirdi beni!

Arzerumuzun pazar
 içindä pir kuz kâzâr,
 âlindä t'it'mit'hâne,
 târt'lârâ termaⁿ jazar!

Ki^lderim — a'a-a beni!

Zilfinâ ba'a-a beni!
 Hâ pu derdâni eilirsâm,
 öturdan a'a-a beni!

Benim koçam kitti askäre.

Benum oşau'um jirmi j'etti.

Penum kuzum verigum koçajâ.

'Каймакам Ардасы
 сделал меня солдатом,
 пусть же он ослепнет:
 разлучил меня с тобой!

По базару нашего Эрзерума
 прогуливается одна девица,
 на руках у нее библиотека,
 выписывает лекарство от страданий!

Я ухожу — оплакивай меня!
 Привяжи меня к своему локону!
 О, если утолю я страдания,
 то оплакивай меня!

Мой муж ушел в солдаты.
 Мой мальчик достиг двадцати лет.
 Свою дочь я выдаю замуж'.

*Записано от К. И. Петровой, 64 лет, род. в Трабзоне. Село Прасковеевка, 9 сентября 1964 г.

А. А. ИСЕНГЕЛЬДИНА

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ ФОНЕМ И АРТИКУЛЯЦИОННАЯ БАЗА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

В последнее время наблюдается возрастающий интерес к инструментально-фонетическому и статистическому анализу языковых явлений. Квантитативные данные не только подкрепляют те или иные лингвистические гипотезы, но и служат фактическим материалом для научных обобщений. На необходимость проведения квантитативных исследований в лингвистике указывал еще А. М. Пешковский, который был пионером такого рода изысканий в фонологии. В работе «Десять тысяч звуков»¹, не потерявшей своего значения по настоящее время, он отмечал, что научное суждение должно обязательно опираться на «объективную базу». «Отсутствие объективной базы, поскольку речь идет о науке, терпимо быть не может. Оно грозит ошибками субъективного свойства, с одной стороны, и ускользанием из поля наблюдения целого ряда фактов — с другой. В самом деле, интуитивно отмечается только такого рода преобладание, которое, так сказать, „бьет в уши“»².

В настоящей статье на основе статистического анализа фонологической системы современного казахского языка делается попытка определения артикуляционной базы последнего.

Нами выдвинута следующая гипотеза: если какие-то звучания в речи встречаются чаще, чем другие, то именно эти звучания являются ключевыми, основными в артикуляционной базе языка. Иными словами, помимо установления инвентаря фонем, необходимо изучить особенности функционирования этих фонем в речи. При этом решающую роль играет определение относительной частотности фонем и их вариантов, причем последние дают более точное представление об артикуляционной базе языка.

Следует отметить, что большинство суждений об артикуляционной базе языка было основано на анализе состава фонем и некоторых общих тенденций, объединявших фонемы при их реализации в речи. В фонетике же казахского языка до последнего времени этот вопрос практически не ставился³.

¹ А. М. Пешковский. Десять тысяч звуков. Сб. статей. М.—Л., 1925.

² Там же, стр. 167.

³ Проблема определения артикуляционной базы казахского языка на основе изучения особенностей артикуляции фонем была затронута в статье: А. А. Исенгельдина. Некоторые вопросы постановки произношения английского языка в казахской аудитории. — «Ученые записки Алма-атинского педагогического института иностранных языков», т. II, вып. II. Алма-Ата, 1957. Подобный подход к определению артикуляционной базы английского языка находим в работе: Г. П. Торцев. Обучение английскому произношению. М., 1953 и у ряда других авторов.

Изучение многочисленных статистических работ, выполненных за последние пятьдесят лет, показывает, что очень часто их авторы не имеют четкого представления о том, какие материальные единицы ими подсчитываются. Данные многих работ не всегда могут быть сопоставлены, поскольку подход их авторов к описанию фонологических систем одних и тех же языков различен⁴.

Таким образом, при подготовке материала казахского языка для статистической обработки нам потребовалось не только решать вопросы о жанре и стиле исследуемых текстов, а также об объеме выборки, но и определить конкретные материальные единицы для подсчета.

В качестве материала для статистического анализа использовались отрывки текстов по филологии⁵.

Объем выборки был установлен на основании «закона больших чисел»⁶. Нами было отобрано 13 049 звуков при относительной допустимой ошибке менее 0,5%. При определении состава фонем мы исходили из монографии «Современный казахский язык», в которой система гласных представлена 11 фонемами: /а, о, ә, е, и, ө, ү, ұ, у, ы, і/, а согласные — 25 фонемами: /б, в, г, ғ, д, ж, з, й, һ, к, қ, л, м, н, ң, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш/⁷.

Весь экспериментальный материал был транскрибирован, причем знаки фонетической транскрипции обозначали основные комбинаторные варианты фонем.

Как известно, в казахском языке действует как нёбная, так и губная (распространяющаяся на второй и третий слоги слова) гармония, что позволяет разделить гласные казахского языка на четыре группы: 1) твердые нелабиализованные /а, ы/; 2) мягкие нелабиализованные /ә, е, и, і/; 3) твердые лабиализованные /о, ұ, у/; 4) мягкие лабиализованные /ө, ү/.

Поскольку согласные казахского языка, сочетающиеся с вышеуказанными гласными, подвергаются комбинаторным изменениям, то в транскрипции соответственно были представлены четыре комбинаторных варианта согласных: 1) твердые нелабиализованные; 2) мягкие нелабиализованные; 3) твердые лабиализованные; 4) мягкие лабиализованные.

Подготовленный для статистической обработки материал был введен в ЭВМ «Минск-22», с помощью которой были получены следующие данные: абсолютная частотность вариантов фонем по всему объему выборки и накопленная абсолютная и относительная частотность вариантов фонем в процентах*. Для получения данных по относительной частотности фонем суммировались относительные частотности соответствующих комбинаторных вариантов. Относительная частотность фонем, выданная машиной с точностью до миллионных долей процента, для удобства округлялась до сотых долей. Результаты подсчета были сведены в таблицы 1 и 2 (в этих таблицах и далее все цифровые данные приводятся в процентах).

⁴ См. об этом подробнее: А. А. Исенгельдина. Некоторые вопросы фонологической статистики. — «Вопросы языкознания», 1972, № 5.

⁵ Были взяты отрывки из книг: «Қазіргі қазақ тілі». Алматы, 1954 и М. Қаратаев. Туған әдебиет туралы ойлар. Алматы, 1958.

⁶ См.: А. М. Пешковский. Указ. раб.

⁷ «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962. Следует отметить, что выделение некоторых фонем не представляется бесспорным.

* Автор пользуется случаем выразить свою благодарность К. Б. Бектаеву за помощь в получении данных статистического анализа на ЭВМ.

Таблица 1

Относительная частотность гласных

а	э	ы	е	і	ұ	о	ө	ү	и	у
12,01	0,80	6,74	6,48	5,79	2,73	2,55	2,06	1,82	0,61	0,41

Таблица 2

Относительная частотность согласных

н	т	л	р	д	с	қ	б	й	м	ғ	к	ң
6,25	6,06	5,03	5,01	4,72	4,28	3,35	3,05	3,04	2,61	2,36	2,28	1,87
ж	з	п	у	ш	г	ф	х	в	ч	ц	һ	
1,72	1,70	1,53	1,48	0,99	0,34	0,11	0,09	0,07	0,03	0,03	0,00	

Из таблиц 1 и 2 видно, что гласные составляют около 42% общего числа фонем, согласные — 58%.

По артикуляционному признаку гласные распределились следующим образом:

Таблица 3

Гласные переднего ряда ⁸	Центральные гласные	Гласные заднего ряда
23,56	6,74	17,29

В приводимых ниже таблицах 4 и 5 даны относительные частотности различных классов согласных фонем:

Таблица 4

По способу артикуляции По участию голосовых связок	Смычные	Фрикативные	Носовые сонанты	Плавные сонанты	Всего
	Звонкие	8,11	5,85	10,73	14,56
Глухие	13,22	5,53			18,75
Всего:	21,33	11,38	10,73	14,56	58,00

⁸ При определении ряда гласных мы пользовались данными статьи: С. К. Кенесбаев, Л. П. Блохина, Р. К. Потанова. Классификация казахских гласных по данным акустического анализа. — В сб.: «Фонетика казахского языка». Алма-Ата, 1969, стр. 43.

Таблица 5

По способу артикуляции По активному органу	По способу артикуляции				Всего
	Смычные	Фрикативные	Носовые сонанты	Плавные сонанты	
Губные	4,58	0,18	2,61	1,48	8,85
Переднеязычные	10,78	8,75	6,25	10,04	35,82
Среднеязычные				3,04	3,04
Заднеязычные	2,62	0,09	1,87		4,58
Фарингальные	3,35	2,36			5,71
Всего:	21,33	11,38	10,73	14,56	58,00

Можно видеть, что по способу артикуляции наиболее частотным оказался класс смычных согласных, затем следуют плавные сонанты. Частотность фрикативных почти равна частотности носовых сонантов.

По активному органу наиболее частотными являются переднеязычные согласные, за которыми следуют губные, фарингальные и заднеязычные. Фарингальные согласные представляют собой довольно редкое явление в языках мира, однако в данном случае они составляют значительный процент, что характеризует артикуляционную базу казахского языка.

Частотность звонких согласных превышает частотность глухих; если же выделить сонанты в отдельную группу, то глухие шумные окажутся значительно частотнее звонких шумных (см. таблицу 6).

Таблица 6

Шумные звонкие	Шумные глухие	Сонанты
13,96	18,75	25,29

Различия в частотности фонем объясняются лингвистами по-разному. Дж. Ципф считает, что большая частотность фонемы связана с простотой ее артикуляции⁹. Так, краткие гласные и глухие согласные нередко более частотны, чем, соответственно, долгие гласные и звонкие согласные, обладающие более сложной артикуляцией.

А. Мартине возражает против используемых Дж. Ципфом расплывчатых, по его мнению, понятий «сложности» и «простоты» артикуляции и утверждает, что частотность фонем зависит от затрачиваемой на их произнесение энергии¹⁰. Им в качестве основного критерия при объяснении частотности фонем выдвигается так называемый «принцип эко-

⁹ J. Zipf. Selected studies of the principle of relative frequency in language. Cambridge, 1932.

¹⁰ A. Martinet. Economie des changements phonétique. Berne, 1955.

номии». Р. Якобсон и Д. Гринберг высказывают мысль о том, что по сравнению с маркированным более частотен немаркированный член оппозиции, так как последний не имеет дополнительного признака, характерного для маркированного члена оппозиции¹¹. В качестве подтверждающего примера авторами приводятся данные по частотности непалатализованных (немаркированных) и палатализованных (маркированных) согласных фонем русского языка, причем вторые оказываются менее частотными.

Данные нашего статистического анализа не всегда согласуются с приведенными выше утверждениями. Так, звонкие согласные в казахском языке (включая сонанты) более частотны, чем глухие. Частотность же сонантов, более сложных по артикуляции и менее «экономных» с точки зрения затрачиваемой энергии (они характеризуются дополнительными признаками назальности и латеральности), значительно превышает частотность остальных классов согласных.

К наиболее частотным фонемам относятся гласные переднего ряда и переднеязычные согласные, в состав которых входят самые разные с точки зрения экономии энергии и сложности артикуляции звуки. Мы полагаем, что высокая частотность переднеязычных фонем объясняется большей подвижностью и, следовательно, активностью передней части языка. За переднеязычными согласными по частотности следуют губные, что также объясняется достаточно высокой артикуляционной активностью губ. Следует отметить также значительную частотность в казахском языке фарингальных согласных, которые встречаются чаще, нежели менее сложные по артикуляции заднеязычные согласные.

Таблица 7

Относительная частотность вариантов согласных фонем казахского языка

Вариант Фонема	Твердый нелабиализо- ванный	Мягкий нелабиализо- ванный	Твердый лабиализо- ванный	Мягкий лабиализо- ванный
1	2	3	4	5
б	0,97	1,16	0,79	0,13
в	0,02	0,04	0,01	0,00
г	0,18	0,05	0,03	0,08
ғ	1,53	0,08	0,75	0,00
д	2,46	1,82	0,15	0,29
ж	0,82	0,36	0,37	0,17
з	0,54	0,46	0,02	0,68
й	1,74	1,11	0,08	0,11
к	0,59	1,38	0,00	0,31
қ	2,68	0,00	0,67	0,00

¹¹ R. Jakobson. Selected writings, I. The Hague, 1962; J. H. Greenberg. Language universals. The Hague, 1966.

Окончание таблицы 7

1	2	3	4	5
л	2,37	1,27	1,11	0,28
м	1,13	0,92	0,31	0,25
н	3,76	2,18	0,11	0,20
ң	0,87	0,78	0,15	0,07
п	0,87	0,41	0,13	0,12
р	2,04	1,98	0,48	0,51
с	2,18	0,93	0,51	0,66
т	2,65	2,32	0,61	0,48
у	0,92	0,23	0,00	0,33
ф	0,00	0,04	0,07	0,00
х	0,06	0,00	0,00	0,00
ц	0,00	0,03	0,00	0,00
ч	0,03	0,00	0,00	0,00
ш	0,46	0,29	0,12	0,12
һ	0,00	0,00	0,00	0,00
Всего:	28,87	17,87	6,47	4,79

Что касается распределения вариантов фонем (см. таблицу 7), то наибольшую частотность имеют твердые нелабиализованные варианты согласных, встречающиеся в сочетании с гласными /а, ы/. Исключение составляют мягкие нелабиализованные варианты фонем /б, к/, которые частотнее соответствующих твердых нелабиализованных вариантов. Твердые и мягкие нелабиализованные варианты фонем /т, р/ имеют почти одинаковую частотность.

Варианты фонем /к, к/ и /ғ, ғ/, как известно, сочетаются не со всеми гласными. Так, фонема /к/ не встречается в сочетании с мягкими гласными, в то время как /к/ сочетается с твердыми гласными лишь в заимствованных словах, например, в таких, как *категория*, *карта*, *комбинаторлық*. Эти слова дают небольшой процент твердых комбинаторных вариантов /к, ғ/.

Соотношение групп гласных с соответствующими вариантами согласных представлено в таблице 8.

Таблица 8

Относительная частотность основных вариантов гласных и согласных

Варианты Классы фонем	Твердые нелабиализо- ванные	Мягкие нелабиализо- ванные	Твердые лабиализо- ванные	Мягкие лабиализо- ванные
Гласные	18,75	13,68	5,69	3,88
Согласные	28,87	17,87	6,47	4,79

Общее соотношение гласных и согласных — 1:1,38. Наибольшее превалирование согласных над гласными наблюдается в группе твердых нелабиализованных. По остальным группам процент согласных не намного превышает процент соответствующих гласных. Эти данные позволяют уточнить картину слогостроения в казахском языке, в котором слог, вероятно, не всегда имеет структуру «гласный+согласный» и наоборот. Однако открытый тип слога, тем не менее, гораздо больше распространен, чем закрытый. Закрытые слоги, по нашим наблюдениям, представлены типами СГС или СГСС. Стечение согласных возможно либо в интервокальной позиции, либо в конце слога и слова, причем один из согласных, как правило, — сонант, например: *астық, алты и қант, бұлт* и т. д.

Артикуляционную базу казахского языка во многом характеризуют также данные об общем соотношении основных групп гласных и согласных (см. таблицу 9).

Таблица 9

Твердые нелабиализованные	Мягкие нелабиализованные	Твердые лабиализованные	Мягкие лабиализованные
47,62	31,55	12,16	8,67

Результаты проведенного статистического анализа позволяют нам сделать следующие выводы:

1. Из гласных фонем наибольшую частотность имеют гласные переднего ряда.

2. Звонкие согласные, включая сонанты, почти в два раза частотнее глухих. Без учета же сонантов глухие согласные частотнее соответствующих звонких. На основании принципов «сложности артикуляции» и «экономии энергии» невозможно объяснить большую по сравнению с прочими согласными частотность сонантов в казахском языке.

3. Относительная частотность переднеязычных согласных значительно превышает частотность других групп согласных. Дорсальная артикуляция переднеязычных согласных позволяет утверждать, что именно этот признак является одним из характерных для артикуляционной базы казахского языка. Высокая частотность переднеязычных, а также губных согласных объясняется прежде всего подвижностью и активностью передней части языка и губ. «Сложность артикуляции» и «затрачиваемая на произнесение звуков энергия» в этом случае не столь важны, так как наиболее частотными оказываются согласные разной степени сложности артикуляции.

4. Важной отличительной особенностью артикуляционной базы казахского языка является фарингальное звучание. Фарингальные /қ, ғ/ составляют около 6% всех звукоупотреблений.

5. Частотность смычных согласных почти вдвое превышает частотность каждого из остальных артикуляционных классов согласных. Далее следуют плавные согласные, за ними носовые и фрикативные, частотность которых почти одинакова.

6. Обращает на себя внимание значительная частотность сонантов, составляющих почти четверть общего числа звуков выборки. Это объясняется тем, что сонанты выступают самостоятельно в качестве несло-

говых согласных (например, *нан, мал, жан*), а в сочетании с шумными согласными они осуществляют «плавный» переход от шумного согласного к гласному и наоборот.

7. Нелабialized звуки составляют почти четыре пятых всех употребляемых звуков.

8. Частотность фонем /ф, х, в, ч, ц/, встречающихся в заимствованных словах, составила 0,33%. Это означает, что указанные звучания находятся на периферии артикуляционной базы казахского языка.

9. Ротовые звучания встречаются почти в десять раз чаще, чем носовые (соответственно 89,27% и 10,73%).

10. Голосовые звучания (гласные, сонанты и звонкие согласные) в пять раз частотнее, чем глухие, то есть безголосые звучания (соответственно 81,25% и 18,75%).

11. Комбинаторное смягчение согласных, которым характеризуется артикуляционная база казахского языка, свойственно примерно одной пятой согласных и составляет следующее соотношение (22,66% и 77,34%).

М. И. ТРОФИМОВ

О РАСШИРЕНИИ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Большая часть фонетических процессов в вокализме современного уйгурского языка связана с сужением гласных (например, так называемые умлаут в начальных и редукция в срединных открытых слогах). Однако изредка встречается и расширение гласных — явление, по-видимому, стоящее в одном ряду с процессом расширения гласных неначальных слогов в других тюркских языках. Данному вопросу был посвящен обстоятельный доклад Ф. А. Абдуллаева на тюркологической конференции в Ленинграде (июнь 1970 г.)¹, в котором автор, основываясь главным образом на материале староузбекского языка, отметил, что в литературных памятниках, а также в современных узбекских диалектах встречаются варианты слов как с узкими, так и с широкими гласными, причем варианты с узкими гласными являются, вероятно, более древними. Ф. А. Абдуллаев объясняет эти факты тенденцией противодействия редукции гласного, в основном проявляющейся в открытых слогах. По-видимому, в историческом плане расширение гласных в неначальных слогах предшествовало процессам сужения гласных в начальных и срединных слогах, составляющим специфику современного уйгурского языка, и непосредственно с ними не связано.

А. М. Щербак указывает, что в древнеуйгурских памятниках в неначальных слогах слов встречаются варианты аффиксов как с широким, так и с узким губным или негубным гласным². Таким образом, расширение гласных переплетается с другим процессом — чередованием узких губных и негубных гласных в неначальных слогах.

Многие авторы считают, что губной сингармонизм существовал в тюркских языках уже в их древнейших известных нам состояниях. Однако одновременно отмечаются колебания между узкими губными и негубными гласными в неначальных слогах³. В последующем это колебание разрешилось в ряде тюркских языков, например, в казахском, в пользу негубного гласного. В уйгурском же языке губной гласный во многих

¹ Профессор Ф. А. Абдуллаев любезно позволил нам воспользоваться его материалами. Все примеры из староузбекского и современного узбекского языка, приведенные ниже, взяты из указанного доклада.

² А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 32.

³ См.: М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 114; Г. Ф. Благова. О сингармонизме и его нарушениях в языке тюрки рубежа XV—XVI вв. — «Фонологический сборник». Материалы Межвузовской конференции, вып. 2. Донецк, 1968, стр. 80—81.

случаях сохранился. Таким образом, становится понятным происхождение лабиальной огласовки, например, каузативного аффикса в глаголах типа *taşurdi, kăcürdi* и др.

В уйгурском языке явление расширения встречается главным образом в огласовке некоторых каузативных глаголов. Прежде всего это касается глаголов, образованных с помощью малопродуктивного аффикса понудительного залога -г-, например: *žütärđi, ösärdi, köpärdi⁴, sr. aşurdi, paturdi, taşurdi* и т. п.

Таким образом, расширение гласных приводит к своего рода диссимилиации по лабиальному признаку. Иногда расширение гласного происходит и в том случае, когда в корне имеется узкий негубной, например: *ičärđi, pišärđi, čikardi*.

Аналогичное явление наблюдается и среди наиболее употребительных глаголов, образованных с помощью продуктивных аффиксов понудительного залога -dur-/-tur- и -guz-/-kuz-, например: *köjdärđi, sundardi, žürgäzdi, kutkazdi⁵*.

В памятниках староузбекского языка, а также в современных узбекских диалектах встречаются варианты каузативных глагольных аффиксов как с узкими, так и широкими гласными, например: *döndir — döndär, aɣɖɣ — aɣɖar, ütkaз — ütkiз*. Вместе с тем в современном казахском языке, в котором также наблюдается явление расширения гласных, этот процесс не затронул каузативных глагольных аффиксов, сохранивших узкий гласный.

В одной из статей нами уже отмечалась любопытная закономерность в уйгурских двусложных корнях с губными или негубными широкими гласными: если второй слог закрытый, то наблюдается сравнимое количество слов в классах со следующим распределением гласных: а) губной — негубной широкий, б) губной — губной и в) негубной широкий — губной. Если же второй слог открытый, то первый класс значительно превосходит второй и третий, вместе взятые. Примеры из староузбекского языка позволяют предположить, что указанное соответствие также возникло в результате определенного сдвига. Так, например, наряду с *süñük — söñäk, koɣun — koɣan* в староузбекском зафиксировано и *baltu — balta, ordu — orda, kimi — kema*. Впрочем, варианты слов с узкими и широкими гласными в конечном открытом слоге встречаются и в современном уйгурском языке — в диалектах или в текстах, относящихся к сравнительно недавнему прошлому: *ini — inä, tülki — tülkä, bögi — bögä* и др.

Сходную во многом закономерность можно наблюдать и в глагольных основах с конечным гласным — количество таких основ, оканчивающихся на широкий гласный, значительно превосходит число основ, оканчивающихся на узкий гласный. Ср. узб. *oki* — туркм. *oka*, узб. *taši* — туркм. *daša*. В современном же уйгурском языке расширение конечного гласного может иметь место и в аффиксах, например: *asɣandi — asɣanda* и т. д.

Чередование узкого губного и широкого негубного гласных происходит также в двух омонимичных аффиксах (-čak/-čuk/-čäk/-čük), один из которых присоединяется к глагольным основам, а другой — к именным: *sozupčak, žiɣipčak, tahtaпčak* наряду с *žimčuk, jaпčuk, kiзɣaпčuk* и т. п. Примеры из староузбекского языка показывают, что в этих аф-

⁴ См.: Т. Талипов. Система гласных в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1960, стр. 11.

⁵ См.: А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк современного уйгурского языка. — «Уйгурско-русский словарь». Алма-Ата, 1961, стр. 292.

фиксах могли факультативно чередоваться узкие и широкие гласные: oјунŋuk — oјунŋak, kozuŋuk — kozuŋak. В казахском языке распределение широких и узких гласных в этих аффиксах часто такое же, как и в уйгурском, ср. kagaŋuk, oјунŋuk, tartuŋŋak.

В исключительных случаях расширение гласного встречается при одноконсонантных аффиксах имен. При аффиксе -k, образующем имена от глаголов, встречается как негубной широкий гласный после губного (böläk от глагола böl-, tuŋaklik от глагола tuŋ-), так и губной после негубного (artuk, tartuk). Однако в большинстве случаев в данном аффиксе выступают узкие гласные, причем губной следует после губного (koјuk, piŋik, sizik). Встречается также и широкий гласный после негубных (piŋak, jatak). Ср. староузб. tuŋuŋ — tuŋaŋ, jatuk — jatak, soŋuŋ — soŋaŋ, koпuk — koпak. В казахском языке соответствующие слова встречаются в аналогичной форме (bölek, tuŋakty, žatak, ruŋak).

В грамматиках рассматриваемый аффикс приводится также в форме -ak/-äk, кроме того, высказывается предположение, что первый заднеязычный согласный аффикса -ŋak/-kak мог выпадать (как в слове keŋgäk). Однако тюркским языкам не свойственны аффиксы, построенные по формуле VC; выпадению же в тюркских языках подвержены, как правило, замыкающие слог импловивные согласные, а не экспловивные. Поэтому можно предположить, что широкий гласный в словах böläk, tuŋaklik, jatak, piŋak возник в результате расширения препозитивного вокального призвука одноконсонантного суффикса.

Распределение трех вариантов аффиксов — с широким негубным, узким губным и узким негубным — не является произвольным, а, по-видимому, связано с тремя ступенями долготы. В соответствии с принципом экономии Дж. Ципфа, между этими тремя ступенями в неначальных слогах должно существовать определенное соотношение, причем по-разному проявляющееся в корнях и аффиксах. В аффиксах словообразования и особенно словоизменения узкие гласные более употребительны именно в силу того, что они краткие, широкие же несут в себе больше информации. Сходная идея была высказана К. Б. Бектаевым и В. Г. Лобиним, разделившими фонемы на макрофонемы (широкие фонемы) и микрофонемы (узкие фонемы), а морфемы — на макроморфемы (корни и основы) и микроморфемы (аффиксы словоизменения и словообразования)⁶. В диахроническом плане в макроморфемах наблюдается сдвиг в сторону макрофонем, а в микроморфемах — в сторону микрофонем. Правда, авторы не обнаружили подобного сдвига в казахском языке, но, возможно, им удалось бы это сделать при обращении к уйгурскому.

Процесс расширения гласных, видимо, по-разному протекал в различных тюркских языках, хотя тенденция была общей. Приведем для сравнения материал казахского языка (уйгурские примеры приводятся ниже в форме прошедшего времени глагола, казахские — в форме имени действия). Ср. уйг. ċikardi — соответствует каз. ŋuŋaŋ (в обоих случаях широкий гласный в аффиксе понудительного залога); уйг. baŋkurdi — каз. baskaŋ (в уйгурском — узкий губной, в казахском — широкий негубной в аффиксе отыменного словообразования; однако в уйгурском есть также отглагольное существительное baŋkarma — с широким гласным); уйг. kajtardi — каз. kajtaru (узкий губной — широкий не-

⁶ К. Б. Бектаев, В. Г. Лобин. Статистические приемы описания причин фонетических изменений в языке. — «Известия АН Каз. ССР», серия общественная. Алма-Ата, 1969, № 1.

губной в аффиксе понудительного залога); уйг. *pišardı, ičardı* — каз. *pişiru, işiru* (широкий — узкий в каузативном аффиксе).

С увеличением словарного состава уйгурского языка происходила лексикализация различных форм и их производных. Аффиксы словоизменения превращались в аффиксы словообразования, а последние становились частями неразложимых основ. Возможно, именно с этим связаны процессы расширения гласных и дифференциации узких губных и негубных в неначальных слогах.

Помимо лексикализации расширению гласных также способствовали: 1) влияние длительных согласных, главным образом *r* и *z*, 2) экспрессия или логическое ударение, 3) компенсация утраченного слога.

Упомянутые четыре фактора действуют в различных комбинациях. Так, в каузативных глаголах факторами расширения гласных являются лексикализация и длительные согласные *r* и *z*; в непроезженных основах со вторым открытым слогом — лексикализация; в словах, образованных аффиксами *-ndi/-nda, -čak/-čuk* — экспрессия и лексикализация; в слове *čüšändi* — лексикализация и длительный согласный *š*; в словах *säksän, toksan* — замещение утраченного слога; в слове *böläk* — экспрессия и лексикализация; в слове *tutam* — лексикализация; в слове *özäm* — экспрессия и т. д.

Звук *r*, вообще обладающий рядом любопытных свойств, видимо, может служить причиной расширения узких гласных в препозиции и в постпозиции, например: *sundurdi* — *sundardi, žügürüş* — *žügräš, tekšügüş* — *täksüräš*.

В словах с аффиксами *-čak/-čuk*, в которых сочетается влияние факторов лексикализации и экспрессии, «давление системы» было, вероятно, не настолько сильным, чтобы завершить процесс расширения гласных, и потому рассматриваемое явление распространилось в отдельных словах совершенно произвольно.

В словах типа *tutam, böläk* решающую роль опять-таки играет лексикализация, сочетающаяся иногда с экспрессией. Что же касается существительного *ričak* 'нож', то его интересно сопоставить со словом *ričik* 'скроенный, кастрированный', которое лексикализировано в меньшей степени. Степень лексикализации связана с грамматическим статусом слова.

Ш. А. ФАЙЗУЛЛАЕВА

ОБ АРАБСКО-КЫПЧАКСКОМ СЛОВАРЕ
ДЖАМАЛ АД-ДИНА АБУ-МУХАММАДА
АБД АЛЛАХА АТ-ТУРКИ

Данная статья посвящена рассмотрению лексического состава арабско-кыпчакского словаря «Китāбу булгат ал-муштāқ фи лугат ат-турк ва-л-қифчāқ», уникальная рукопись которого хранится в Национальной библиотеке в Париже.

На первой странице неким Абу-Бекром рукопись датирована 855 годом хиджры, то есть 1451 годом. Однако А. Зайончковский и А. ф. Габен на основе языковых данных относят рукопись к середине XIV в. («Der Islam», Bd. 38, 1962, стр. 203—204).

Автор данного труда Джамал ад-дин Абу-Мухаммад Абд Аллах ат-Турки, тюрк по происхождению, был хорошо знаком с лексикографической традицией восточных филологов.

«Китāбу булгат ал-муштāқ фи лугат ат-турк ва-л-қифчāқ» имеет объем в 71 лист и состоит из двух частей: первая часть — «Имена» — содержит три главы; вторая часть «О глаголе» представляет собой отдельную, четвертую главу.

Первая часть этого памятника была впервые издана в Варшаве в 1938 году известным польским тюркологом А. Зайончковским¹. Однако почти весь тираж первого тома, за исключением экземпляров, посланных за границу, погиб в огне в сентябре того же года в помещении бывшего Восточного института Варшавского университета.

В сентябре 1944 года такая же участь постигла и материалы подготовленного к изданию второго тома, и лишь спустя несколько лет А. Зайончковскому удалось вновь получить фотокопию рукописи из Национальной библиотеки и вторично взяться за обработку словаря.

В 1954 году была опубликована вторая часть рукописи, посвященная глаголу², а в 1958 году переиздана его первая часть³.

Лексический состав арабско-кыпчакского словаря «Китāбу булгат ал-муштāқ фи лугат ат-турк ва-л-қифчāқ» включает 986 слов, в том

¹ A. Zajaczkowski. Manuel arabe de la langue des Turcs et des Kiptchaks (époque de L'Etat Mamelouk). Introduction, Vocabulaire turc-polonais-francais, Texte. Warszawa, 1938.

² A. Zajaczkowski. Vocabulaire arabe-kiptchak de l'époque de L'Etat Mamelouk «Bulgat al-Muštāq fi lūgat at-Turk wa-l-Qifžāq», II. Le verbe. Warszawa, 1954.

³ A. Zajaczkowski. Vocabulaire arabe-kiptchak de l'époque de L'Etat Mamelouk «Bulgat al-Muštāq fi lūgat at-Turk wa-l-Qifžāq», I. Le nom. Warszawa, 1958.

числе имен существительных — 479, сложных слов — 60, глаголов — 318, имен прилагательных — 11, местоимений — 22, числительных — 44, наречий — 25, послелогов — 14, союзов — 8, частиц — 4, отрицательных слов — 1.

В словаре представлено большое количество синонимов, например: *tolmaç*, *kälimçi* 'переводчик'; *jättürmäk*, *öskürmäk*, *ökürmäk* 'кашель'; *äzän*, *arg*, *okar*, *ugmak* 'река'. По морфологическому признаку можно выделить следующие группы синонимов: а) синонимы существительных (*kajug*, *kum* 'песок'); б) синонимы глаголов (*çuk-*, *aç-* 'подниматься, восходить'); в) синонимы местоимений (*dägmä*, *haç* 'каждый, всякий'); г) синонимы наречий (*busat*, *şimdi* 'сейчас, ныне') и др. Встречаются пары синонимов, относящиеся к различным тюркским диалектам: *kum* (чигильское) — *kajug* (огузское) 'песок'; *käçi* (огузское) — *äçki* (кыпчакское) 'коза'.

Наряду с синонимами представлены также антонимы (*issi* 'горячий' — *sovuk* 'холодный') и, особенно широко, омонимы, различающиеся не только по своей семантической структуре, но и по морфологическому составу: а) от 'лекарство' — от 'огонь'; б) *jandur-* 'зажигать' — *jandur-* 'усиливаться'; в) *in* 'нора, гнездо' — *in-* 'сойти, спуститься'.

Известно, что памятники тюркской письменности обычно отражают особенности современных им диалектов⁴. С этой точки зрения диалектный состав лексики исследуемого памятника представляет большой интерес.

В словаре лишь при четырех словах имеется помета *кыпчакское* и лишь при одном — *туркменское*. Однако внимательное изучение лексикографических материалов рукописи позволяет выделить большое количество огузских слов, а также слова, относящиеся к другим диалектам.

С целью выявления диалектной принадлежности слов труда Джамал ад-дина ат-Турки для сравнения были привлечены материалы трех крупных памятников XI—XIV веков, содержащих многочисленные лексические пометы авторов: «Дивāну луғат-ит турк» Махмуда Кашгари⁵, «Китāб ал-идрāk ли-лисāн ал-атрāk» Абу Хайяна⁶, «Эт-тухфат-уз-закыйа фил-луғат-ит туркийа» анонимного автора⁷.

В результате было установлено, что арабско-кыпчакский словарь включает в себя огузских слов — 82, кыпчакских — 20, токсюба — 1, чигильских — 2, ябагу — 1, аргу — 1.

Анализ лексического состава словаря позволяет обнаружить наряду со словами тюркского происхождения заимствования из других языков, например: кит. *lök* 'семилетний верблюд', *jänzü* 'жемчуг'; перс. *kānt* 'село, деревня', *argvān* 'верблюдица'; араб. *kāvūr* 'неверный, безбожник', *şukr* (*şukr et-* 'благодарить'); греч. *katgab* 'корабль, судно'; славян. *samla* 'смола', *tägät* 'дёготь'.

Наиболее многочисленный разряд заимствований составляют персидские слова (*žaxap* 'мир, вселенная', *rajuanbar* 'пророк', *patāz* 'молитва' и др.), что свидетельствует о значительном влиянии персидского языка.

В языке памятника встречаются также архаические элементы, например: *jalavaç* 'посланник', *çätäk* 'кошка' и др.

⁴ См.: А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963.

⁵ Махмуд Кошгари. Девону луғатит турк. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов, I—III. Тошкент, 1960—1963.

⁶ Ahmet Caferoğlu. Kitab al-Idrak li-lisan al-Atrak. Endülüslü Esiriddin Abu-Hayyan eseri. İstanbul, 1931.

⁷ «Ettuhfet-üz-Zekiye fil lûgat-it-Turkiyye», çeviren Besim Atalay. İstanbul, 1945.

Большой интерес представляет решение вопроса, к какому из современных тюркских языков наиболее близок язык данного памятника. С этой целью слова с авторскими пометами, указывающими на их диалектную принадлежность, были сопоставлены с соответствующими словами в современных азербайджанском, башкирском, казахском, киргизском, татарском, турецком, туркменском, узбекском, уйгурском языках.

Из 101 слова с пометами автора словаря в азербайджанском языке зафиксировано — 36, в башкирском — 12, в казахском — 19, в киргизском — 22, в татарском — 23, в турецком — 37, в туркменском — 43, в узбекском — 44, в уйгурском — 32 слова.

Безусловно, выводы, основанные на таком методе подсчета лексических соответствий, могут быть лишь приблизительными, ибо в использованных нами словарях не отражена вся лексика перечисленных выше языков и их диалектов.

П. НУРМЕКУНД

ОБ ОДНОМ РУКОПИСНОМ ТУРЕЦКОМ СЛОВАРЕ

В отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Тартуского государственного университета хранится рукопись в темнокрасном толстом картонном переплете (формат 16,5×20 см), окаймленном узкой золотой рамкой. В верхней части корешка переплета (фото 1) имеются буквы красного цвета Mscg и черная цифра 5. Ниже следуют тисненные золотом слова: *Lexicon Turc Russ. Lat. MS. № V* (Турецко-русско-латинский словарь. Рукопись № V). На нижнюю часть корешка нанесен золотой орнамент высотой 11,3 см. Плотная светлозеленая бумага покрывает переплет изнутри; из этой же бумаги сделаны титульный и конечный листы. Кроме того, в книге имеются форзацы белого цвета.

Между титульным листом рукописи и форзацем вклеено пояснение на немецком языке, озаглавленное «Описание рукописи № 5», которое написано известным востоковедом, профессором Тартуского университета (1801—1819) Вильгельмом Фридрихом Гецелем (*Wilhelm Friedrich Hezel*).

В верхнем левом углу титульного листа рукописи имеется число 1739, после которого следует фраза на армянском языке (я, сын Аলেখсана, Францусэс, написал Аствац), небольшая темная виньетка и под ней слово Allah (фото 2).

На обороте титульного листа рукописи составителем написано следующее вступление на латинском языке:

Nota bene quod litterę dę ċ, et ġ: cum striklis supra debent pronuntiari sicut c, et g: italicum ante i et e: Exempli Gratia celo, Gesu: cima, gilio &c Rogo etiam Lectores, ut non terant tempus inutiliter in voluendis alijs Dictionariis Turcicis que hic inveniuntur, vel alijs quibuscunque, nam ut continuo duodecim Annorum usu, addidici pro hac Astrakanensi Missione nullum invenient melius isto, ut omnes prorsus intelligere possint sive parvi, sive magni sint: Valeant strenueque laborent in Vinea Domini Sabahot Amen.

‘Заметь, что обе буквы ċ и ġ с черточками наверху должны произноситься подобно итальянскому c и g перед i и e, например: Celo Gesu, cima, gilio и т. д. Еще прошу читателей, чтобы они не тратили напрасно время, раскрывая иные Турецкие Словари, имеющиеся здесь, или какие-либо другие, потому что благодаря двенадцатилетнему непрерывному опыту я узнал, что в Астраханской Миссии не найдут они ни одного лучшего, подобного ему и могущего с ним сравниться, так что все — либо малые, либо большие — вполне могут разобратся. Пусть обретут они силы и усердно работают в Винограднике Господа Sabahot. Аминь’.

Рукопись содержит 190 нумерованных листов белой бумаги размером 16×19,3 см. Все листы разделены на четыре колонки: в первой даны латинские заглавные слова в алфавитном порядке, во второй —

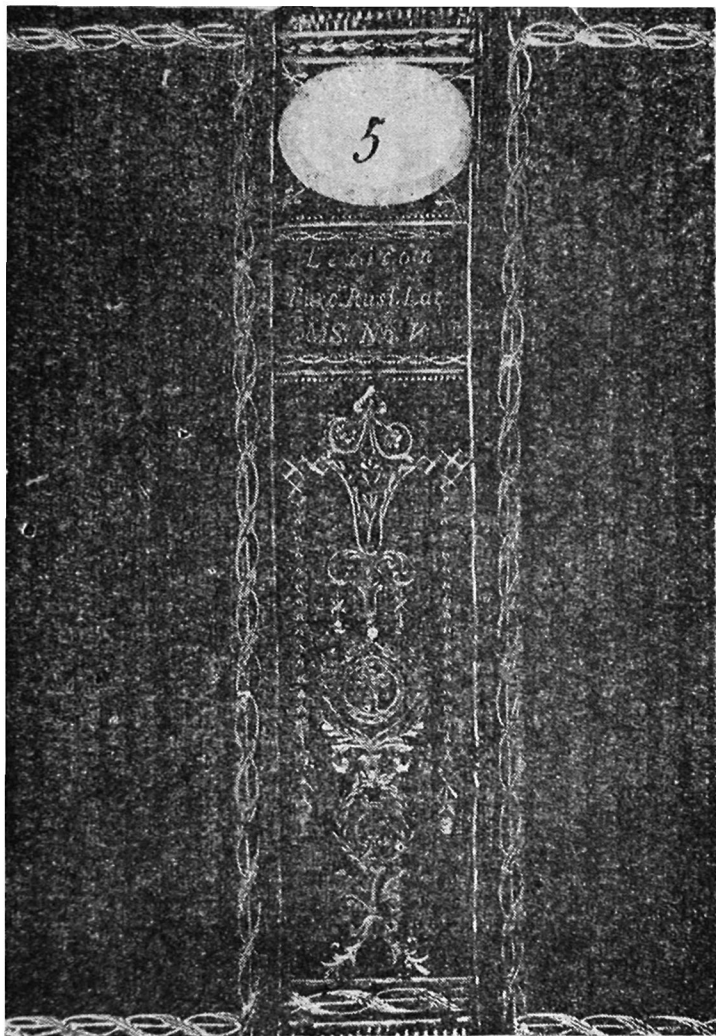

Фото 1

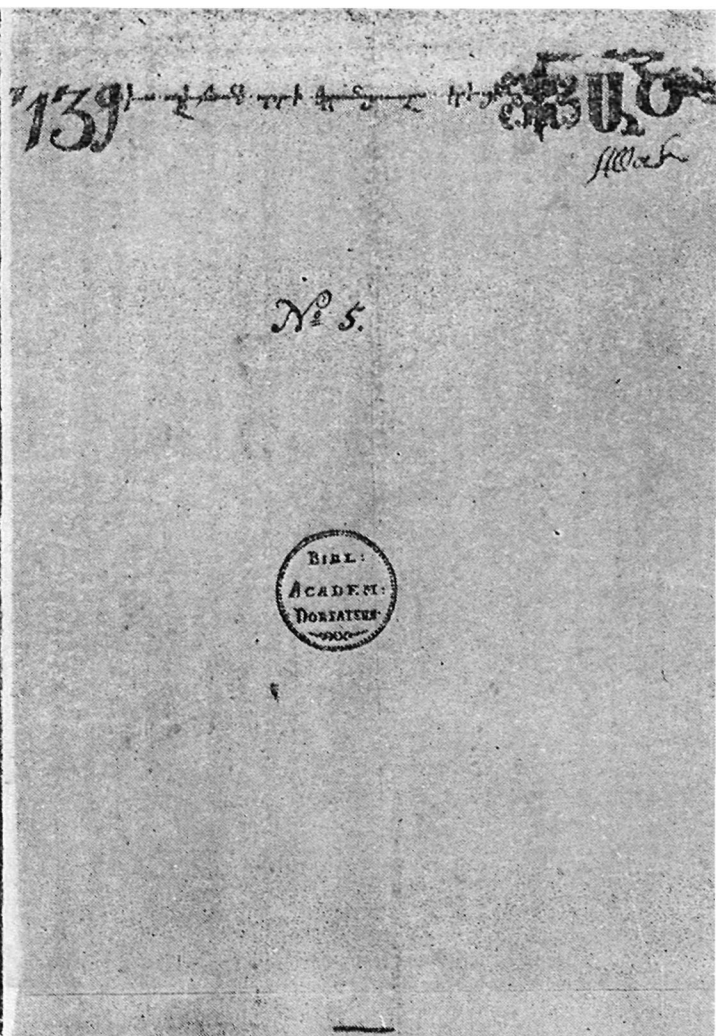

Фото 2

omior	fat cānak	Турмаддате спурто	فلا آچارم
omite	vaz ghalavon : uk	benim:	وار كچوم : تركه ايدرم
omirgub	omileki:	Без это	ايبار حير
omirvampom	damia : amisa:		خانه : آميشه
omirvanon	ker gurleq : babu babu:		هر تيز او : يابوت يابوت
omirgeru	ker babuon:	Пар рудоби	هر بايدون
omirno	angial : albaffe	Песнохне : abogus:	البندو : بلي به خسته
omirvami	ker hake kadir	Песдогити : omiina:	هر زاده : آميشه قاجير
omirpotentia	Kulvas : hu : cuj kadibon	Суджане	تو درت : هر شر قاجرد
omuy	ker : hani : hami : ziinda:	Пес	هر : هم : جميع : جمله
omager	jetar eseghi	агаро	يابوت اسکري
omakia pazv	insh ghani : yurbo ghani	рельноскити	يوک همي : رنجيم لميي
omoo	subeone : udhimit:	орем : нб	يوکرم : يونادوم
omomio	agter : yamoflu:	ормяннан	ахр : ормало
omel	jak : ashavik:	орема	يوк : амерд
omelvir	jukler mase	Пар рудоби	يوکلештер
omel	rukimari : balaghi : iascim:		صولماقي : بالقص يشتم :
omelais	gus : ghulghelu:	сминди	تورکله لو : يونوس
omel	isc : honal:	Арта пруго	Аштен : جمله
omel prabim	degher : kioch gur		دگر : گريد دور :
omelamdi	ialy smak : ghel etna		بحال شوروم
omelamuy	vingher : ishan:	Атлапте Ани : jusekies:	Анжим : اينتمليان :
omelab	isc : hev:	Аткестие	ايتر : کار
omelcikan	Karak	Зарушла	قايان
omelincabim	di-tu		اور تو
omelno	Karalnak b'vme	наубицар	اور نوم :
omelno	iscerim:	Аткестие	انشарم
omelno	eme ke : iialocije:	Ат листли	Атчи : جمال الشليمي
omelvir	obvulomir	Атукчао	Аткестие
omel	vavlet : mak : dovle:	Болаптао	وارلك : مال : دولة
omel	erli senid	Пешкогдогдогт мларокиа...	

Фото 4

соответствующие турецкие слова в латинской транскрипции, в третьей — русские эквиваленты, в четвертой — турецкие из второй колонки, написанные арабским шрифтом, за исключением первых 9,5 листов, где даны армянские соответствия (на астраханско-араратском диалекте двумя почерками).

В колонках (особенно на первых 9,5 листах) встречаются отдельные латинские, русские и турецкие пояснительные слова, написанные разными шрифтами (фото 3, 4).

В своем пояснении проф. В. Ф. Гецель пишет, в частности, следующее:

«Это — турецкий словарь, а именно—трехязычный: турецкий, русский и латинский, с собственной колонкой на каждой странице, в которой передается произношение турецких слов латинскими буквами. Сперва неизвестный составитель намеревался создать четырехязычный словарь, на что указывают первые 9,5 листов, на которых последняя, четвертая колонка написана по-армянски. Впоследствии же он воздержался от этого своего более обширного плана.

Анонимным автором этого словаря, по всей вероятности, был некий итальянский священник, служивший, по-видимому, в (католическом!) Винограднике Бога в Астрахани и ее окрестностях.

То, что он был итальянцем, подтверждается тем, как он транскрибирует турецкие слова. Так, турецкое (арабско-персидское) *ش*, то есть *sch*, он передает через *sc* (*يا بشورم jabiscurem* вместо *jabischurem*) (*adhaerere* — 'держаться'); турецкие *ج* и *چ* то есть *dsch*, он передает через свое итальянское *ci* (или *gi*), при этом, чтобы обратить внимание читателя на итальянское произношение *ci* (и *gi*), он снабжает *c* и *g* двумя черточками (*ci*, *gi*), например: *انجه ingie* вместо *indsche* (*gracilis* 'тонкий'), *چاتال ciatal* вместо *dschatal* 'двухзубчатый' (*ج* он обозначает как *gi*, *چ* же — через *ci*).

Упомянутый словарь мне кажется немаловажным для изучения турецкого языка. Так как я в то время не имел под рукой *Lexicon Arab. Pers. Turcicum* (Meninsky) Менинского, я не в состоянии провести сравнение.

В своем предисловии составитель подчеркивает полезность и важность своего турецкого словаря. Он изучал этот язык в течение двенадцати лет, по-видимому, в общении с турками; и поскольку он, как священник, был все же образованным человеком, то мы вправе благосклонно отнестись к его работе. Если это благоприятное суждение подтвердится, как я полагаю, при более подробной проверке, и если есть намерение издать этот словарь, чтобы сделать его общедоступным, то он все же не может быть напечатан в настоящем виде, так как в нем лишь латинские слова расположены по алфавиту. В нынешнем виде он может быть полезен лишь тем, кто знает латынь и желает учиться говорить и писать по-турецки. По крайней мере, следовало бы прибавить еще турецкий и русский реестры».

Бумага рукописи имеет искусный водяной знак, напоминающий очертаниями цифру 5 (только без букв АО, то есть «Александр Ольхин» у основания)¹.

Откуда и каким путем данная рукопись попала в библиотеку Тартуского университета, нам пока установить не удалось.

¹ См.: Государственная Ордена Ленина Библиотека СССР имени В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей. Выпуск XIII. Под редакцией П. А. Зайончковского. М., 1952, стр. 113. Без букв АО см.: Э. Лауцявичюс. Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Атлас. Вильнюс, 1962. №№ 568, 569, 571, 572.

Э. ХОВДХАУГЕН

ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В НОРВЕГИИ

Тюркология не имеет давних традиций в Норвегии. Начало исследования в этой области было положено финно-угроведом профессором Конрадом Нильсеном (1875—1953), написавшим несколько интересных работ по акцентологии турецкого языка, из которых наиболее значительной является «*Druck und Tonbewegung im Reichstürkischen*» («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», XII. Oslo, 1940).

Известный иранист профессор Георг Моргенштерне изучал тюркские наречия Синьцзяна. Этой проблеме посвящена его статья «*Gleanings from Turki Dialects*» («*Studia septentrionalia*», II. Oslo, 1945).

Регулярное преподавание тюркологических дисциплин (сравнительного тюркского языкознания, турецкого, гагаузского, древнетюркского, а также монгольского языков) началось только с 1965 г. В 1971 г была создана кафедра урало-алтайских языков при университете в Осло.

Из последних исследований норвежских тюркологов следует отметить работы Алфа Граннеса. Его наиболее значительный труд — «*Étude sur les turcismes en bulgare*» (Oslo, 1970) — содержит фонологический анализ турецких элементов в болгарском языке и обширный перечень слов со ссылками на турецкий и другие тюркские языки. Автором этого сообщения опубликован ряд исследований по древнетюркскому языку (например, «*Turkish Words in Khotanese Texts. A Linguistic Analysis*». — «*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*», XXIV. Oslo, 1971), по синтаксису современного турецкого языка, а также по чувашскому языку (например, «*Some Remarks on the Development of Nasal Phonemes in Chuvash*». — «*Ural-Altische Jahrbücher*», 44). В настоящее время нами готовится к печати более крупное исследование по истории чувашского языка («*Studies in Chuvash Historical Phonology*»).

РЕЦЕНЗИИ

«РУССКО-ТУРЕЦКИЙ СЛОВАРЬ»*

Переводчики, преподаватели, студенты и другие лица, избравшие предметом своих занятий Турцию и ее язык, всегда ощущали острую потребность в хорошем русско-турецком словаре. Поэтому рецензируемый Словарь был встречен с большим интересом. Словарь содержит 47700 слов, что приблизительно на 8 тысяч превышает количество лексических единиц, охваченных «Русско-турецким словарем» Д. А. Магазаника и М. С. Михайлова (1943). Разница как будто не столь уж велика, и однако же новый словарь по объему в три раза больше своего предшественника. Объясняется это тем, что Словарь 1972 года, во-первых, раскрывает все важнейшие значения полисемантических слов и, во-вторых, исключительно богат устойчивыми и фразеологическими словосочетаниями. Фактически авторы перевели на турецкий язык все (или почти все) клише и фразеологизмы, представленные в толковых словарях русского языка и — что самое главное — сделали это вполне квалифицированно. Следует отметить и другие достоинства новой работы:

1. Авторы в большинстве случаев вполне успешно решают проблемы «нового и старого», «употребительного и редкого». Например, в гнезде *полковник* дается лишь одно соответствие: *albay*. Устаревшее *miralay* было бы совершенно лишним для перевода с русского языка на турецкий. Слова *отношения* и *причина* переведены: первое — *ilişki-ler*, *münasebetler*, второе — *seber*, *nedен*. Последовательность подачи эквивалентов представляется правильной, так как имя *ilişki*, кажется, утвердилось в языке, а *pedен* — встретило оппозицию¹.

Разумеется, не все рекомендации авторов представляются одинаково приемлемыми.

Например, для передачи понятия *прекрасный пол* даже в шутовском разговоре не стоит располагать слова в порядке, характерном для отживающего свой век «персидского изафета» (см. стр. 651 и 688). Пожалуй, не следовало отказываться от использования, хотя бы в качестве второго варианта перевода, неологизмов типа *dilbilgisi* 'грамматика', *eylem* 'действие', *karşın* 'несмотря на', *kurum* 'учреждение', *tipkibasım* 'факсимиле' и других, которые употребляются в печати много лет и зафиксированы еще Д. А. Магазаником в его «Турецко-русском словаре» (1945).

2. Удачно как в количественном, так и в качественном отношении даны в Словаре термины и терминологические словосочетания. Мы проследили подачу авторами некоторых общеупотребительных математических терминов и нашли очень мало недочетов. В частности, авторы не приводят таких, по-видимому, важных терминов, как *единицы* (*birler*, *birler basamağı*), *десятки*, *сотни*; глагол *делить* не иллюстрируется примером (типа: *altı bölü üç iki eder* '6:3=2'); нет также термина *знак деления* (стр. 176), а *знак умножения* дан без слова *işaret* (стр. 948); там же указано, что глагол *çarptak* в значении *умножить на* управляет дательным падежом, а *Türkçe Sözlük (TS)* называет в этом случае послелог *ile*; термины *равносторонний* и *равнобедренный треугольник* переведены как *eşkenar üçgen* (стр. 747), тогда как в последнем случае турецкий эквивалент должен быть иным (*ikizkenar üçgen*).

3. Удачно решена проблема передачи турецки так называемых советизмов, а также специфически русских реалий. Единственно возможный путь здесь — транслитерация в сочетании с раскрытием в скобках содержания данного понятия. Например: *трепак* — *trepak* (*rus'larda bir oyun havası*); *субботник* — *subotnik* (*tatil günü veya mesai saatleri dışında toplu ve gönüllü olarak karşılık görmeden yapılan çalışmalar*). В последнем случае можно было, правда, дать еще одно определение: (*gönüllü yapılan*) *ortak çalışmada* 'добровольная совместная работа'

* Составили Э. М.-Э. Мустафаев и В. Г. Щербинин. Изд-во «Советская энциклопедия», М., 1972.

¹ См.: О. Ş. *Gökyay*. *Körün Belleği Değnek: Neden, Nedeniyle, Neden Olmak*. — «Türk Dili», № 252, 1972, стр. 473—475.

4. Как справедливо указывается в Предисловии, составители Словаря сделали попытку — притом безуспешную — практически разработать проблемы, связанные с переводом на турецкий язык русских предлогов, наречий, междометий, отглагольных существительных и приставочных глаголов. В качестве примера можно указать на детально разработанную словарную статью за (стр. 222, 223). Здесь, на наш взгляд, нужны лишь незначительные уточнения: 1) некоторые примеры, приведенные после цифры 2, относятся к п. 1; 2) простейшие эквиваленты оборотов *сидеть за столом, сесть за стол* (п. 3) — *masada (masaya) oturmak*; 3) пп. 4 и 5 следовало бы, как нам кажется, сформулировать иначе: 4. (при указании на остающееся расстояние или время) *kala...*; 5. (при указании на подвергаемую воздействию часть предмета) *-dan* и добавить: 6. (при указании на лицо или предмет, за который берутся) *-a*; *держаться за стену* — *duvara tutunmak*, *хвататься за змею* — *ylana sarılmak*, *взяться за оружие* — *silâha davranmak* и т. д. Такого рода уточнения и дополнения были бы полезны и в других словарных статьях. (Не приводится, например, сочетание предлогов *до* и *без*: *работал до без пяти пять беşe beş kalana* (или *kalaya*) *kadar çalıştı*; не дан оборот *не раньше, чем через пароход отправится не раньше, чем через два часа* — *varur iki saatten önce kalkmaz*). Работа в этом направлении может быть продолжена.

5. Полезным нововведением является применение особого значка (>) в тех случаях, когда перевод на турецкий язык какого-либо фразеологизма или пословицы (поговорки) оказывается приблизительным, хотя авторы, следует отметить, пользуются им реже, чем следовало бы. Думается, что даже после основных (гнездовых) слов стоило ставить указанный значок, если перевод приблизителен или чрезмерно описателен, например: *альяоватгий*—*kaba, bayuğî, zevksiz* (стр. 22); *дошкольный*—*okul çağına varmadan evvelki* (стр. 203); *тапер*—*riyapocu* (стр. 899) и т. п.

Ниже коротко остановимся и на некоторых недостатках рецензируемого Словаря.

Прежде всего о чисто «технических» недостатках: 1) турецкая часть Словаря не приведена в соответствие с новыми (действующими уже более пяти лет) правилами орфографии (вместо *inpuţlmyacak* следует писать *inpuţlmaacak* и т. п.); 2) в целях экономии места было бы, на наш взгляд, целесообразнее не давать отдельно названия профессий для лиц женского пола (*паспортистка, журналистка* и т. п.), а ограничиться необходимым разъяснением в разделе «О построении словаря»; 3) обороты, приводимые в словарных гнездах после ромбика (◊), — а их число порой достигает многих десятков — следовало бы давать в алфавитном порядке, как это, в частности, практикуется в турецких толковых словарях.

Недостаточно продумана система размещения в Словаре устойчивых и фразеологических словосочетаний. Например, словосочетание *спорный вопрос* можно найти и в гнезде *спорный*, и в гнезде *вопрос, коренной вопрос* — только в гнезде определения (*коренной*), а *земельный вопрос* — лишь в гнезде определяемого (*вопрос*). Если бы любое устойчивое словосочетание приводилось, например, в гнезде первого знаменательного слова (не считая глагола), то многие выражения не повторялись бы в словаре дважды и даже трижды (*толочь воду в ступе, брать (взять) в плен, ловить рыбу в мутной воде* и др.). При этом рекомендации для перевода того или иного оборота далеко не всегда совпадают и читателю приходится самому решать, какой вариант предпочтительнее.

Приведем несколько примеров: *вид на жительство* — *ikamet tezkeresi* (стр. 84), *пазарог (!)* (стр. 220); *все равно* — 1) (*так или иначе*) *nasil olsa, her halde...*; 2) (*тем не менее*) *gene (de)...* (стр. 77), *nasil olsa* (стр. 111), *her bir* (стр. 747); *дышать на ладан* — *bir mum gibi sönüp gitmek* (стр. 209), *он на ладан дышит* — *yolcudur artik* (стр. 361); *дошкольное воспитание* — *okul çağından önceki terbiye* (стр. 203), *дошкольное обучение*—*okul öncesi eğitimi* (стр. 517); *он всеми правдами и неправдами* — *allem etti kallem etti* (или *ne uaptı ne ettiyse*) (стр. 475), *всеми правдами и неправдами*—*haklı haksız, doğruya yalana başvurarak* (стр. 679); *недолго думая*—*ilerisini gerisini düşünmeden, hiç düşünmeden* (стр. 207), *bir iki demeden* (стр. 462) и т. д.

Такого рода «шероховатости» заставляют сожалеть о том, что Словаря не коснулась рука опытного редактора, который, в частности, мог бы сблизить «творческие почерки» составителей. Так, Словарь может быть в какой-то мере ориентирован, скажем, на устного переводчика или на переводчика-беллетриста. Первый должен в любом случае предложить приемлемый эквивалент услышанного, второй же — адекватный вариант перевода.

Теперь о наиболее существенных недостатках.

1. В Словаре неоправданно отсутствуют некоторые выражения, например: *бутылка с зажигательной смесью* — *molotof kokteyli*, *понять (смысл) по контексту* — *kagine ile anlamak*, *магазин самообслуживания* — *tezgâhtarsız mağaza*, *мир тесен* — *dünya küçüktür*, *окончить с отличием* — *iftiharla bitirmek*, *не дать бы (нам) промашки* — *sakin baltayı tasa vurmayalım*, *повторить рекорд* — *rekoru egale etmek*, *сходить с рук* — *yanına kalmak*.

2. Составители нередко не учитывают возможности иных вариантов перевода. Приведем несколько примеров, указывая в скобках словарный вариант: *быть в центре внимания* — *dikkat(lerin) merkezinde olmak* (*her kesin dikkatini çekmek*, стр. 985), *ма-*

маленький сынок — hanım evladı (mahallebici, mahallebi çocuğu, стр. 385), *огрызок яблока* — (çekirdekli) koçan (ısırılmış elma parçası, стр. 323), *плавки* — eħram (erkek mayosu, стр. 619), *только-только* — şimdi şimdi, şimdi (ancak, yeni, şimdi, стр. 912), *только тронь* — hele dokun (dokun da görürsün, стр. 912), *устроить на работу* — birini işe kaуıтmak (birine iş bulmak, стр. 957).

3. а) Эквиваленты отдельных слов и их основных значений даются не всегда достаточно точно. Так, прилагательное kısır 'бесплодный' (стр. 42) употребляется не только в прямом, но и в переносном значении, ср. kısır çekışmeler 'бесплодные дискуссии'. Прилагательное emektar в значении «заслуженный» определяет не только предмет (см. стр. 259), ср. sahnemizin emektar ustası 'заслуженный мастер нашей сцены'; с другой стороны, слово şerefli может обозначать и звание (şerefli sporcu unvanı 'заслуженный мастер спорта'). Прилагательное bravoıne 'смелость', но означает «шумный, приподнятый, оживленный»; поэтому вряд ли удачен перевод şesaat-(s)ı, kaħramanlık-(s)ı (стр. 56). Слово sürgücü означает «водитель» (вообще, а не только комбайна, танка и т. п., ср. стр. 93), но в отличие от русского эквивалента не употребляется в качестве обращения.

б) Иногда предлагаемый вариант перевода излишне усложнен. Так, в Словаре приведены два эквивалента выражения *мне плохо* — kendimi fena hissediyorum, fenalık geçirdiyorum (стр. 623), но почему-то не дан простейший: ben fenaım. Еще несколько примеров: *меня берет сомнение* — içime bir şüphе girdi (или çöktü), yüreğime bir şüphе kurdı girdi (стр. 57) (проще içime kurt düş-tü); *обращаться к кому-л. по личному делу* — birine (?) hususî (или kendine ait) bir meseleyi konuřmak (стр. 176) [короче (biriyle) hususî konuřmak]; *первый ученик* — sınıfın

birinci öğrencisi (стр. 595) (sınıf birincisi); *плыть против течения* — akıntıya karşı kürek çekmek (стр. 624) (по TS послелог здесь излишен).

в) В отдельных случаях отсутствуют некоторые существенные элементы конструкции: *жадный* — açgöz (стр. 214) (такая форма, вообще говоря, не исключена, но TS дает лишь açgözlü и gözü aç); *мухи не обидит* — kağıncayı incitmez (стр. 416) (обычно существительному предшествует определение topal); *Знать, как свои пять пальцев* — içi gibi bilmek (стр. 587) (вряд ли понятно без предварительного avucunun); *подозрительный тип (личность)* — idüğü belirsiz herif (стр. 639 и 908) (в литературе и словарях это выражение встречается с предшествующим местоимением ne).

Количество опечаток в Словаре невелико. Приведем замеченные нами: стр. 295, прав. столб., 3 строка сн. — bir eyse (вместо bireysel); стр. 312, лев. столб., 24 строка — tohaf (вместо tuhaf); там же, прав. столб., 10, 11 строки сн. — слово *калорийный* имеет то же толкование, что и *калорийность*; стр. 912, лев. столб., 31 строка сн. — kalmadı? (знак вопроса излишен). По-видимому, опечаткой является и ogalik (вместо ogalı) değil (стр. 621, прав. столб., 28 строка сн.) в значении «ему плевать на все». Попутно заметим, что здесь можно было дать и такой эквивалент, как (her şey) külâhına.

В целом Словарь Э. М.-Э. Мустафаева и В. Г. Щербинина, являющийся первым полным русско-турецким словарем, заслуживает весьма высокой оценки. Что же касается сделанных нами замечаний, то они главным образом касаются частных и могут быть учтены авторами при переиздании Словаря.

П. И. Кузнецов

С. М. АБРАМЗОН. КИРГИЗЫ И ИХ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ*

Киргизоведение и тюркология в целом обогатились фундаментальным научным трудом, в котором детально и полно, на основе марксистско-ленинской методологии и последних достижений историко-этнографической науки, исследованы пути форми-

рования и развития киргизского народа и его культуры. В рецензируемой книге подробно охарактеризованы различные стороны жизни киргизов в XIX—начале XX в.: хозяйственный уклад, материальная культура, общественный строй, семейно-брачные отношения, религия и культ, а также устное народное творчество и искусство.

* Изд-во «Наука». Л., 1971, 403 стр.

В монографии подведены итоги сорокапятилетним изысканиям автора, посвященным далекому и недавнему прошлому киргизов и исторически связанных с ними народов. Опираясь прежде всего на лично собранные им полевые этнографические материалы, на данные языка и фольклора, в которых сохранена живая память народа, на письменные источники, антропологические и археологические материалы, автор реконструирует ход этнического, хозяйственного, социального и культурного развития киргизского народа.

Особый интерес представляют разделы, посвященные этнической истории киргизов. Проблема киргизского этногенеза давно уже породила соперничество двух научных концепций, первая из которых утверждает, что киргизский народ сложился из мигрировавших на Тянь-Шань в XV в. племен с Енисея и Алтая, а согласно второй — из автохтонных племен Притяньшанья. Отвергая эти крайние точки зрения, С. М. Абрамзон показывает, как формировалась киргизская этническая общность в результате взаимодействия среднеазиатских, центральноазиатских и южносибирских тюркских, а в некоторой степени и монгольских этнических компонентов. Важное место здесь отводится анализу киргизской этнонимии и эпонимии. Автор сопоставляет киргизские этнонимы с племенными и родовыми названиями алтайцев, хакасов, тувинцев, узбеков, казахов, башкир и приходит к выводу об общности ряда важных этнических процессов в истории этих народов. Умелое использование С. М. Абрамзоном собранных им этнонимических материалов показывает, что данные о родо-племенной структуре кочевых и полукочевых в прошлом народов могут стать неоценимым источником для изучения этнической истории этих народов.

В ходе исследования автор уделяет внимание и языковым фактам, характеризуя, например, киргизско-уйгурские и киргизско-кыпчакские связи, разъясняя названия киргизских тамг. Во всех разделах книги широко представлена киргизская терминологическая лексика; автор использует в качестве источника киргизские пословицы и поговорки, заговоры, заклинания, благопожелания и т. п. Особенно ценный лексический материал, относящийся к скотоводству, коллективной охоте, народному календарю, одежде, приведен в главах о хозяйственном укладе и материальной культуре киргизов. Интересные параллели киргизской лексике автор нашел в древнетюркских текстах и Словаре Махмуда Кашгарского.

Перекрестная проверка древних текстов этнографическими и фольклорными материалами позволила автору сделать важный и вполне оправданный вывод об ошибочности представлений о древних тюрках как исконных степных кочевниках-скотоводах.

Значительная часть древнетюркских племен обитала в горных и предгорных районах, богатых лесами и пастбищами, вела комплексное хозяйство, в котором наряду со скотоводством были представлены охота и земледелие.

Очень подробно разработана автором тема общественных и семейно-брачных отношений у киргизов XIX—начала XX в. Особое внимание привлекает исследование им семейно-родственных групп (*big atanyn baldary*), являвшихся продуктом разложения патриархальной семейной общины и вместе с тем составлявших костяк пастбищно-кочевой аильной общины у киргизов. Будучи последним «живым» осколком родоплеменной организации, семейно-родственные группы как бы законсервировались в условиях патриархально-феодалного строя, ослабленного проникавшими в киргизское хозяйство капиталистическими отношениями. Только после Октябрьской революции, в процессе социалистического переустройства общественных и производственных отношений в Средней Азии, были окончательно изжиты эти остатки седой старины, тормозившие развитие новых норм жизни.

Хотя киргизы в недавнем прошлом исповедовали ислам, у них устойчиво сохранялся целый комплекс домусульманских верований и культов очень древнего происхождения. Культ матери Умай, культы Неба и Земли-Воды, известные и по древнетюркским текстам, и по верованиям алтайцев, хакасов и тувинцев, а также другие не менее архаичные культы еще многим более чем полвека назад были широко распространенной реальностью религиозного сознания киргизов. Детально исследованные и охарактеризованные С. М. Абрамзоном, они наряду с прочими этнографическими реликтами были использованы им для решения важных вопросов этнической истории и подтверждения связи киргизов с древнетюркскими племенами.

Особый интерес представит для тюркологов глава о фольклоре киргизов, большая часть которой посвящена героическому эпосу «Манас» — вершине богатого поэтического творчества киргизского народа. Изложив историю изучения эпоса, С. М. Абрамзон останавливается на весьма сложной и не нашедшей до настоящего времени удовлетворительного решения проблеме соотношения в нем исторического и мифологического начал. Автор монографии особо и обстоятельно останавливается на сопоставительном анализе эпоса с не менее древним, чем «Манас», хотя и не столь совершенным в художественном отношении, древнетюркским эпическим циклом преданий об Огуз-кагане.

В этой связи следует указать на весьма тонкое наблюдение автора, отметившего, что первоосновой сюжета рассказа об Алмамбете послужила версия «Огузиады».

зафиксированная в историческом труде Рашид ад-дина (XIV в.). С. М. Абрамзон, анализируя киргизский эпос как этнографический источник, оказался первооткрывателем, ибо разработка «Манаса» в этнографическом аспекте практически до него не предпринималась, а приемы и методы критического использования эпических памятников для этнографических исследований пока еще разработаны недостаточно. Отдавая себе отчет в этом, автор называет свою попытку этнографического анализа «Манаса» «этнографической рекогносцировкой в толще эпического материала». Следует признать, что «рекогносцировка» эта оказалась на редкость удачной и показала, в частности, тесное родство «Манаса» с эпическими произведениями, созданными народами Саяно-Алтайского нагорья, Средней Азии и Казахстана, с монголо-ойратским эпосом.

К этнографическому материалу, содержащемуся в киргизском эпосе и предварительно исследованному в монографии, относятся данные о социальных отношениях (черты патриархально-родового уклада, военно-демократического строя, патриархального рабства), упоминание остаточных форм древних семейно-брачных институтов (аталичество, побратимство, усыновление, авункулат, обычаи выбора невест и др.), мифологические сюжеты, описание погребальных и других обрядов, восходящих к кругу магико-анимистических представлений, шаманский культ, ономастика, этнонимика. Мастерски описаны в эпосе картины свадеб, поминок, народных игр, домашнего быта. Вместе с тем автор, впервые подходящий к «Манасу» как к этнографическому источнику, прекрасно понимает, что только глубокое изучение всех имеющихся вариантов эпоса позволит выявить все существенные для исследователя стороны его содержания.

С. М. Абрамзону, исследовавшему громадный материал, удалось доказать свое главное положение о самобытном характере материальной и духовной культуры киргизского народа. При этом автор справедливо утверждает, что этническая история киргизов тесно переплетена с этнической историей народов Средней Азии и Казахстана, Южной Сибири и Центральной Азии. Это нашло свое отражение в хозяйственно-бытовом укладе и культуре киргизов.

После победы Октябрьской революции сформировалась киргизская социалистическая нация, в процессе развития которой изживаются локальные и племенные особенности, свойственные в прошлом многим этническим группам киргизов. «В последнее время, — пишет в заключение автор, — на первый план все более выступают такие знаменательные процессы, как сближение киргизов в области быта и культуры с другими нациями, национальными и этнографическими группами, населяющими Киргизию, с братскими народами союзных республик, постепенное развитие интернациональной общности их быта и культуры. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные в последние годы коллективом киргизских этнографов в некоторых районах и селениях республики с многонациональным составом населения. ...И в то же самое время этот процесс ни в какой мере не препятствует, более того, способствует продолжающемуся расцвету и киргизской национальной культуры, и культуры других национальностей, составляющих дружную семью народов Киргизии — неразрывной части многонационального советского народа» (стр. 393).

К. К. Юдахин, С. Г. Кляшторный

В. И. РАССАДИН. ФОНЕТИКА И ЛЕКСИКА ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА*

Исследование тофаларского, или, как его иногда называют, «тофского», языка в прошлом связано с именами М. А. Кастрена, Н. Ф. Катанова, Н. П. Дыренковой. Тем не менее до сих пор об этом языке известно относительно немного. Поэтому уже сам факт появления первой монографической ра-

боты, специально посвященной тофаларскому языку, вызывает большой интерес.

Следует подчеркнуть, что В. И. Рассадин изучил исследуемый им язык практически, что придает особую достоверность приведенному в рецензируемой монографии обширному фактическому материалу. Автор обладает хорошим лингвистическим слухом, и это позволило ему с большой точностью воссоз-

* Улан-Удэ, 1971.

дать особенности внешнего облика конкретных тофаларских слов, а также представить общую объективную картину звукового строя языка¹.

Книга В. И. Рассадина состоит, в сущности, из двух самостоятельных исследований, одно из которых, меньшее по объему, посвящено фонетике, а другое — лексике.

Наибольший интерес для тюркологов и вообще для востоковедов представляет вторая, лексическая часть монографии, написанная в плане сравнительно-исторического исследования. Здесь приведен ценный, порой совершенно уникальный фактический материал. Внимание ученых, в частности лексикологов, видимо, привлекают IV и V главы, где тофаларская лексика рассматривается с этимологической точки зрения, а также примыкающий по своему характеру к этой части исследования сравнительно небольшой (немного более 1000 словарных статей), но содержательный «Этимологический словарь корневых основ тофаларского языка». Любопытные наблюдения содержатся также в VI главе монографии, посвященной семантической характеристике лексики (например, раздел «Табу слов и эвфемизмы», в котором говорится о вытеснении табуированными словами ряда обычных, синонимичных с ними слов).

В. И. Рассадин поставил перед собой трудную задачу — дать анализ лексики тофаларского языка в сравнительно-историческом плане. Капитальные исследования по сравнительной лексикологии тюркских языков в настоящее время, можно сказать, отсутствуют, слабо изучена в данном аспекте и лексика конкретных тюркских языков.

Поэтому лексикологические работы, подобные рецензируемой, вряд ли могут дать исчерпывающий ответ на вопрос о происхождении лексики того или иного тюркского языка. В них нелегко избежать даже фактических неточностей, особенно если информация об интересующих исследователя словах базируется на показаниях словарей, а не на практическом знании языка.

В. И. Рассадин провел кропотливую работу по подбору сравнительного материала из словарного фонда целого ряда тюркских и нетюркских языков, но, к сожалению, отнесся при этом в ряде случаев излишне доверчиво к лексикографическим источникам и даже построил на основании их данных классификацию тофаларской лексики. Так, автор выделил значительную по численности группу слов в раздел «Лексика неизвестного происхождения» (стр. 88 и сл.), мотивируя это тем, что указанные слова «от-

сутствуют в несибирских тюркских языках и в нетюркских соседних сибирских языках» (стр. 88). Однако далеко не всегда можно проверить, действительно ли данное слово отсутствует в том или ином языке, или же оно просто не попало в словарь или литературный источник. Даже при наличии искомого слова в исследуемом источнике оно может быть просто не обнаружено или «не узнано» исследователем и поэтому занесено в разряд отсутствующих.

Но даже если отсутствие того или иного слова «в несибирских тюркских языках и в нетюркских соседних [каких именно? — Б. Т.] сибирских языках», доказано, то это еще не означает, что оно, например, не является по своему происхождению тюркским. А последнее весьма существенно хотя бы потому, что, несмотря на невыясненность происхождения этой группы лексики, она включается В. И. Рассадинам в главу «Нетюркская лексика в тофаларском языке».

Анализ приводимых в указанном разделе слов показывает, что они образуют весьма пеструю с этимологической точки зрения группу, причем о происхождении некоторых из них можно высказать определенные предположения.

В частности, в указанную группу включено немало существительных, оканчивающихся на -*gap*, и его фонетические варианты, являющиеся названиями больших живых существ (типа *dah'irgan*² 'пищуха', *h'eb'eg'ep* 'бабочка'), растений (*kazylgan* 'багульник', *sösk'ep* 'кустарник с черными ягодами), а также других объектов (*šedergen* 'искра'). Такие слова интересно сопоставить с монгольскими существительными на -*gapa* ~ -*gepe*, имеющими сходную семантику³. Можно полагать, что тюркский аффикс *-*gap* ~ -*gen* некогда заимствовали монголы, добавив к нему конечный гласный, либо же он является общим тюрко-монгольским словообразовательным формантом.

В тюркских языках до сих пор встречаются отдельные случаи употребления близких по значению слов как с формантом -*gap*, так и без него. Ср., например, тоф. *ruŷ* 'пороша' (в подобной форме слово употребляется и в некоторых других языках, в частности татарском и башкирском) и тув. *byŷkaŷ* 'мелкий снег' [ср. также тув. *byza* 'посыпать, рассеивая (о порошкообразных веществах)']. Отнесение вышеуказанных и подобных им слов к тюркским вполне допустимо, тем более что и автор монографии

² По причинам технического характера слова тофаларского языка приводятся в иной, нежели в рецензируемой работе, транскрипции: более упрощенной и максимально приближенной к той, которая принята журналом «Советская тюркология». Дополнительным знаком ʔ обозначается фарингализация предшествующего гласного в тофаларских и тувинских словах.

³ См., например: В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 72—73.

¹ Большая заслуга в этом принадлежит также В. М. Наделяеву, проводившему экспериментально-фонетические исследования речи тофаларов, результаты которых отражены в его предварительной публикации «Особенности звуковой системы языка тофов» («Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“», вып. II. Новосибирск, 1969, стр. 235—236).

рассматривает как тюркизмы в тофаларской лексике такие названия растений, как *baldyrgan* 'борщевик' (стр. 72) и *kaqagan* 'багульник (рододендрон даурский)' (стр. 218). В то же время нельзя считать случайным и то, что они имеют параллели и в монгольских языках, ср., например, монг. *baltargana* 'борщевик', *xaqana* 'степная акация', а вышеупомянутое слово *kazyrgan* можно сопоставить с монгольским *xaşalğan* 'рододендрон золоточетный'. Поэтому можно предположить, что некоторые из подобных слов имеют монгольское происхождение. В этом плане следует также сопоставить тоф. и тув. *şepe*, алт. *şejne*, хак. *siŋpe* 'пион, марьян корень' и т. д. (стр. 230) с монг. *сёпе*, старописьм.-монг. *şegene id*.

Есть основание считать тюркскими и слова с другими повторяющимися формантами, в прошлом, вероятно, служившими деривационными аффиксами, например, -ра ~ -ба (ср. -та, с помощью которого образовывались отглагольные существительные со значением предмета или результата действия⁴: *огра* (тув. *огра*) 'колотушка шаманского бубна' (др.-тюрк. *ог- ~ уг-* 'бить, ударять'), *багба* 'вьючная сума' (тув. *багба* 'кожаный вьючный мешок', общетюрк. *баг-* 'идти, направляться'). Возможно, тюркское происхождение имеют и такие слова, как *пиңгаş* 'петля; закрытый наглухо со всех сторон' (тув. *пиңгаş* 'закрытый, огражденный, непроходимый; глухой, тупик, преграда', ср. др.-тюрк. *пиңгад-* 'испытывать затруднения, тяжесть', а также *биң ~ пиң* 'печаль, горе, страдание, забота'), *ildik-* 'спотыкаться, записаться' (ср. например, тув. *ildik-id*, ил-'подцеплять, поддевая чем-либо') и др.

В некоторых случаях приводимые автором примеры не отвечают критериям, на основе которых им выделена рассматриваемая группа. Так, одни из них встречаются в языках нетюркских народов Сибири и сопредельных с ней регионов Центральной Азии (в монгольских языках, что уже отмечалось выше)⁵, а другие имеются в несибирских тюркских языках: тофаларскому *şeh'enek* 'локоть' соответствует кирг. *şykapak*, ног.-к.-калп. *şygapak*, сарыгюг. *tikenek id*, чув. *şike* 'локоть как мера длины'⁶, ср. также тур.

чаг. *şekin* 'плечо (у самой шеи)', *şikin* 'часть тела между шеей и плечевыми лопатками, затылок, плечо'. Тофаларское *hāk* 'талник, прут', помимо отмеченных В. И. Рассадным соответствий в сибирских тюркских языках (стр. 187), имеет параллели и в ряде других тюркских языков: тур. *kavak* 'тополь', караим. *kavak* 'пустое дерево, дупло' (Радл., II, 463), чаг. *kuvak* 'кустарник'; каз. *kuak id* (Радл., II, 884, 1040), тат. *kuak*, башк. *kuak*, ног. *kuvak* 'куст', азерб. *govak* 'тополь', чув. *хăва* 'ива, куст'⁸. Хотя сами по себе факты такой распространенности слов еще не могут служить доказательством их тюркского происхождения, но вероятность этого очень велика.

Вызывают также возражения и отдельные положения, выдвигаемые В. И. Рассадным в его исследовании. В наибольшей степени это относится к трактовке автором вопроса об отношении тофаларского языка к тувинскому. Стремясь доказать, что тофаларский язык является самостоятельным языком, а не одним из диалектов тувинского языка (в чем, кажется, никто из ученых не сомневается), В. И. Рассадин по ходу исследования постоянно подчеркивает существующие между ними различия (порой действительные, а иногда и мнимые) и почти не упоминает об огромном и очевидном сходстве этих двух языков, особенно их лексики. В конечном итоге остается неясным, каковы же реальные отношения сравниваемых языков.

Автор, в частности, делает вывод об имеющих значительных различиях между тофаларским и тувинским языками на всех уровнях (стр. 95), но недостаточно ясно объясняет природу этих расхождений в лексике. Судя по всему, В. И. Рассадин видит эти различия в том, что в тофаларском языке имеются слова, принадлежащие к древним лексическим слоям и отсутствующие в тувинской лексике, но это не всегда подтверждается фактами. В частности, сравнение тувинской и тофаларской лексики по данным упомянутого «Этимологического словаря корневых основ» и другим материалам, приведенным в монографии, позволяет сделать вывод о том, что основная масса слов тофаларского языка оказывается общей с тувинским. Фактическое сходство языков в этом плане по сравнению с материалами книги В. И. Рассадина является значительно большим, так как в целом ряде случаев тувинские параллели тофаларских слов автором не приводятся.

Пропуски тувинских слов отмечаются главным образом либо тогда, когда последние не фиксируются лексикографическими изданиями (хотя большинство этих слов встречается в печатных работах по тувинскому языку), либо имеют значительные семантические и фонетические расхождения

⁴ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 657.

⁵ Слово *aza* 'черт' в этой группе (стр. 90) оказалось, вероятно, случайно, так как позднее оно встречается среди слов, имеющих соответствия в кетских языках (стр. 93). Возможно также, что кетского или самодийского происхождения слово *kās* 'украшение, узор' (тув. *kās* 'нарядный, пышный'). Ср. камасинское *kuwas*, котское *koaş* 'красивый', возводимые к китайскому источнику (см.: «Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты». М., 1969, стр. 265).

⁶ См.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 325.

⁷ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий (далее Радл.), т. III, ст. 1949, 2112, 2055.

⁸ В. Г. Егоров. Указ. раб., стр. 288.

со словами тофаларского языка (и в последнем случае эти расхождения не носят регулярного характера). Ср., например, тоф. *abıyıp* 'горный хозяин (добрый дух)' — тув. *albys* 'ведьма'⁹; тоф. *ajamdyt* 'потник для седла из кабарожьей шкуры' — тув.-тодж.¹⁰ *ajamdyt* 'олений потник'; тоф. *b'el'ge* 'указатель направления' — тув.-тодж. *belgi* 'кусок дерева, оставляемый охотником в местах

ночевок как указатель'; тоф. *bülü* 'мелкозернистое точило, брусок, оселок (для точки кос)' — тув.-тодж. *bilē* 'разновидность глинистого сланца', тоф. *dujžuk* 'задохнуться, захлебнуться' — тув. *dupžuk* ~ *dumžuk* - id, тоф. *dūŋse* 'сорт трубчатого табака' — тув. *dūŋze* 'дунза (сорт табака)'; тоф. *dūrhe* 'дробовик' — тув. *dūrge* id; тоф. *eldik* 'рукавицы' — тув.-тодж. *eldik* id; тоф. *ēgi* 'кривой, изогнутый; наклонный (о дереве)' — тув. *ēg* 'дугобразный, продольно-извилистый; кривой'; тоф. *hej* 'невидимый, напрасный, пустой' — тув. *hej* 'пустой, напрасный'; тоф. *hērij* 'волосной ремень четырехгранного сечения' — тув. *hērik* 'кожаный ремень у намордника, охватывающий морду животного' и т. д.

Вне поля зрения исследователя оказался, таким образом, целый ряд тувинских параллелей слов тофаларского языка, что не могло не повлиять на выводы, сделанные автором на основе сравнительного анализа тувинской и тофаларской лексики.

Автор, например, преувеличивает значение среднемонгольских лексических заимствований, имеющихся в тофаларском языке, но отсутствующих в тувинском. Он считает специфически тофаларскими многие монголизмы, бытующие в тувинском языке или в его тоджинском диалекте (часть их имеет смысловые и фонетические отличия от тофаларских параллелей) (стр. 106): тоф. *m'edē* 'сознание', тув. *medē* 'весть, известие', *medegel* 'сознание'; тоф. *üleger* 'сказка', тув. *üleger* 'образец, шаблон; пример', *üleger sös* 'пословица' (ср. старонисым.-монг. *üliger* 'рассказ, притча, сказка, былина; образец, пример'); тоф. *subusun* 'бисер', тув. фолькл. *sūzun* id, Катанов *sūzun* ~ *subuzun* 'жемчужина'; тоф. *henette* 'вдруг', тув. *xenetten* ~ *xene ten* id; тоф. *čibire* 'заржаветь', тув. *čevirgi* 'быть изъеденным ржавчиной'; тоф. *sugaj* 'название кустарника с красной корой'; тув.-тодж. *sugaj* 'разновидность таволги'; тоф. *šagaj* 'лодыжка', тув.-тодж. *ša-*

ŋaj id. Подобные примеры можно умножить также за счет слов тувинского языка, не отмеченных В. И. Рассадным в его этимологическом словаре.

Большое число ранних монгольских заимствований, имеющихся в тофаларском языке и отсутствующих в тувинском, возможно, явилось следствием того, что к числу таких заимствований могли быть ошибочно отнесены бурятизмы — явление, не характерное для тувинского языка. Это тем более вероятно, что ряд слов монгольского происхождения, как это отмечает и сам автор, не имеет отчетливой маркировки, позволяющей точно отнести их к определенному языку-источнику.

Этим обстоятельством вызваны, по-видимому, колебания автора, относящего одни и те же слова то к среднемонгольским, то к бурятским заимствованиям. В своей более ранней статье¹¹, посвященной бурятизмам в тофаларской лексике, В. И. Рассадин ограничивает их число, сводя к сравнительно небольшой группе слов. В монографии эта группа более многочисленна, но в нее не вошел ряд слов из приведенного в указанной выше статье списка. Как оказалось, часть из них в монографии фигурирует уже (без всяких пояснений) в качестве заимствований из средневекового монгольского языка; *hoga* 'яд, отравка', *mōndūg* 'град' (стр. 103), *bu-ğütü* 'виновный', *čikti* 'хитрый' (стр. 104) и т. д., а некоторые (например, *ūtē* 'трехлет-

ний жеребенок', *ujut* 'скучать') попали в перечень среднемонгольских слов, отсутствующих в тувинском языке (стр. 106).

Ввиду отсутствия четких критериев, позволяющих отличить бурятские заимствования от средневековых монгольских (а возможно и от среднеойратских, наличие которых в тофаларском языке В. И. Рассадин также допускает), предпочтительнее было бы выделить особую группу заимствований монгольского происхождения, восходящих к еще не уточненному конкретному языку-источнику. Может быть, последующий детальный анализ этих слов позволил бы внести ясность в вопрос об их происхождении.

В целом же сравнение тофаларского и тувинского языков с точки зрения наличия тех или иных слов древнего происхождения в первом из них и их отсутствия во втором, на наш взгляд, показывает, что различия между этими языками минимальные. Более значительны они в лексических группах, появившихся позднее за счет бурятских и частично русских заимствований, отсутствующих в тувинском языке. Вместе с тем специфика каждого из этих языков объясняется в немалой степени смысловыми и фонетическими расхождениями (некоторые из них, вероятно, являются вторичными), характеризующими

⁹ Сходное по семантике слово изредка (в основном в эпосе) встречается также в форме *albun*. См.: «Ачыты Кезер-Мерген». Кызыл, 1963, стр. 123.

¹⁰ Таким сокращением здесь и ниже обозначается тоджинский диалект тувинского языка. Языковые данные по этому диалекту приводятся в основном по работам З. Б. Чадамба. См., в частности, ее «Тоджинский диалект тувинского языка». Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1970.

¹¹ В. И. Рассадин. Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке. — В сб.: «Исследование бурятских говоров», вып. 2. Улан-Удэ, 1968, стр. 187—191.

многие тофаларско-тувинские лексические параллели.

Здесь различия между языками действительно значительны, и их изучение может дать очень интересные результаты.

В. И. Рассадин справедливо указывает, что тоджинский диалект тувинского языка очень близок к языку тофаларов (стр. 6). Сходство между ними было, видимо, еще более ярко выражено в прошлом. В дальнейшем под воздействием на этот диалект речи тувинского населения центральных районов Тувы, особенно после появления на его основе современного тувинского литературного языка, это сходство уменьшилось. Вероятно, тофалары связаны по происхождению именно с тувинцами-тоджинцами. Несомненно, что общность на определенном языковом уровне (лексическом) могла быть следствием как известной общности социально-экономических и географических условий жизни обитателей Тоджи и Тофаларии, занимающих сопредельные территории, так и существовавших между ними контактов, в том числе и языковых. Надо полагать, что тоф. *sāzup* 'бумага', которое, как это допускает сам В. И. Рассадин, восходит к соответствующему слову тувинского языка, имеющему, в свою очередь, западномонгольское (ойратское) происхождение (стр. 109), не было единственным результатом таких контактов. Но последние еще никем, к сожалению, специально не изучались.

Все вышесказанное приводит нас к мысли о необходимости исследования тувинско-тофаларских контактов (в частности, языковых) и последовательного сравнительного изучения «близкородственных» (В. М. Наделяев) тувинского и тофаларского языков. Возможно, исследования такого характера прольют свет на происхождение и взаимоотношения этих языков, а также позволят уточнить характерные особенности каждого из них. Во всяком случае, в настоящее время, видимо, рано еще делать категорические заявления, подобные нижеследующему: «Тюркский язык существует у тофаларов давно, еще со времен орхонских тюрков, и независимо от тувинского языка подвергался влиянию языка(?) уйгуров, кыргызов, монголов...» (стр. 96).

Недостаточно аргументированы у В. И. Рассадина и некоторые другие положе-

ния. Делая интересную попытку установить в тофаларском языке «долю» самодийских и кетских элементов, он, к сожалению, смог только затронуть эту тему на очень небольшом и далеко не бесспорном материале. Тем не менее и здесь автором делаются категорические выводы об отсутствии в тофаларском языке «заметных самодийских элементов» (стр. 94), о численном преобладании кетских элементов над самодийскими и о том, что первые из них «пронизывают, кроме лексики, и фонетику» тофаларского языка (стр. 93).

Это утверждение базируется лишь на нескольких кетско-тофаларских лексических параллелях и двух общих фонетических признаках (стр. 93—94), кетское происхождение которых следует еще обосновать. В частности, на наш взгляд, доказано некетское происхождение слова *hep* 'река'¹². Появлению в тувинском и тофаларском языках особых фарингализованных гласных дается также иное объяснение, не связывающее их происхождение с воздействием какого-либо иноязычного субстрата¹³ (в частности, кетского, как считает В. И. Рассадин), но эта точка зрения даже не упомянута автором.

Суммируя все сказанное выше о недочетах и спорных положениях рассматриваемой здесь части монографии, можно отметить, что они встречаются преимущественно там, где делаются выводы, даются объяснения, а также приводится сравнительный материал по другим языкам, знакомым автору в меньшей степени, чем тофаларский. Однако отмеченные недостатки не заслоняют наиболее сильных сторон исследования, о которых уже было сказано в начале рецензии.

Несомненные достоинства монографии В. И. Рассадина (как «фонетической», так и «лексической» ее частей), конечно, будут по справедливости оценены читателями.

Б. И. Татаринцев

¹² А. П. Дульзон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. — В кн.: «Топонимика Востока. Новые исследования». М., 1964, стр. 14—15.

¹³ См.: В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, ɖ*. — «Вопросы языкознания», 1969, № 6.

«КАЗАХСКИЙ ФОЛЬКЛОР В СОБРАНИИ Г. Н. ПОТАНИНА (АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ)»*

В собирании и изучении произведений устнопоэтического творчества тюркоязычных народов выдающаяся роль принадлежит русским востоковедам XIX века. Благодаря их усилиям были записаны и большей частью опубликованы многочисленные образцы и казахского устного народного творчества—оригинальные тексты и их переводы—что положило начало научному изучению казахского фольклора. Однако многие дореволюционные публикации русских ученых разбросаны по различным периодическим изданиям, разпылены по многочисленным архивам. Систематизация и научно-критическое изучение их только начинается. Существенным вкладом в это важное дело и является рецензируемое издание.

Книга состоит из текстов произведений казахского фольклора в записях и публикациях Г. Н. Потанина, вступительной статьи Н. С. Смирновой о жизни и научной деятельности Г. Н. Потанина-фольклориста, научных комментариев к текстам, написанных Н. С. Смирновой, Е. Д. Турсуновым, С. А. Каскабасовым, а также некоторых других материалов.

При подготовке к печати фольклорных текстов и их комментировании составители пользовались материалами периодики, ранними изданиями, осуществленными Г. Н. Потаниным, а также материалами рукописных фондов (Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, Томского университета), архивов (Центрального Государственного архива литературы и искусства СССР, архива Географического общества СССР и Ленинградского отделения АН СССР, Государственного архива Омской области). Поэтому в книге достаточно полно представлены фольклорные произведения, собранные Г. Н. Потаниным. Следует отметить, что подобное издание осуществляется впервые. Книга оснащена богатым научным аппаратом, свидетельствующим о проделанной большой исследовательской работе по отысканию источников, изучению и комментированию фольклорных текстов.

В статье Н. С. Смирновой «Потанин — собиратель и исследователь казахской народной поэзии» на основе архивных материалов и публикаций прослеживается жизненный путь Г. Н. Потанина и формирование его научных интересов. Автор подчеркивает широту научных интересов Г. Н. Потанина, изучавшего фольклор многих народов и племен Сибири, Монголии, Казахстана, исследовавшего самые различные

фольклорные жанры. Н. С. Смирнова останавливается на методике и формах собирания Г. Н. Потаниным материалов, на подготовленных им записях и публикациях, на особенностях комментирования им произведений фольклора. В статье раскрываются как положительные стороны, так и недостатки (схематичность, произвольные сближения) потанинской методики сравнительного изучения устного поэтического творчества. Важное значение, несомненно, имеет также анализ просветительской деятельности и демократических воззрений Г. Н. Потанина, верившего в «предстоящее национальное возрождение» казахского народа, в необходимость приобщения казахов к передовым формам общественной жизни. Автор статьи дает также обзор работ о Г. Н. Потанине и говорит о задачах дальнейшего изучения наследия Потанина-фольклориста.

Основную часть книги (около 240 страниц) составляют фольклорные тексты. Расположение фольклорных материалов, их систематизация, предложенная составителями, полностью соответствуют принятой в фольклористике классификации (по жанрам и на основе принципа историзма). Однако здесь необходимо отметить, что вряд ли правомерно помещать сказки о Жиренше — очень тесно связанные между собой как тематически, так и в художественном (жанровом) отношении — в трех различных разделах: «Бытовые назидательные сказки», «Сатирические сказки», «Анекдоты».

Все опубликованные фольклорные материалы достаточно убедительно обоснованы текстологически. Точно указаны их источники — печатные и рукописные. Составители стремились сохранить русские и казахские тексты без изменений, оговаривая имеющиеся неточности в комментариях. В целом это совершенно правомерно и полностью соответствует требованиям научной объективности. Однако нам думается, что в отдельных случаях, когда ошибка в записях не вызывает сомнений, следовало бы (в порядке исключения) отступить от этого общего правила.

Комментарии к текстам обширны, богаты по содержанию и разноплановы — литературоведческие, лингвистические, историко-этнографические. Последние, однако, преобладают. Значительное место отводится генеалогическим легендам и преданиям, шежере. При составлении комментариев привлекался разнообразный историко-литературный материал (труды русских востоковедов, современных авторов, редкие научные издания и т. д.). В комментариях проводятся также литературные параллели, определяется жанровая форма произведе-

* Редактор Н. С. Смирнова. Составители и комментаторы С. А. Каскабасов, Н. С. Смирнова, Е. Д. Турсунов. Изд-во «Наука». Алма-Ата, 1972, 375 стр.

ний, указываются варианты, приводится лингвистическое толкование отдельных слов. Прослежены в историческом плане связи казахского фольклора с устным творчеством других тюркоязычных народов. Широко освещается также вопрос этногенеза казахского народа. Авторы комментариев стремятся найти в легендах и преданиях факты, отражающие реальные исторические события той или иной эпохи.

Однако в отдельных случаях комментарий оказывается неоправданно растянутым, иногда авторы сосредоточивают свое внимание не на раскрытии идейного содержания,

художественного своеобразия, историко-литературного значения произведения в целом, а на толковании семантики отдельных слов, часто опираясь в своих выводах именно на последнее.

В целом же рецензируемую книгу отличает высокий научный уровень, и она, безусловно, привлечет внимание не только литературоведов, историков, этнографов, лингвистов, но и более широкого круга читателей.

З. А. Ахметов

Н. К. АНТОНОВ. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА*

Якутский язык, подобно чувашскому, занимает особое положение в семье тюркских языков. Своеобразие якутского языка наиболее ярко проявляется в фонетике и лексике, что делает невозможным языковое общение его носителей с другими тюркоязычными народами, несмотря на незначительные различия в грамматическом строе. Эти особенности, как отмечалось в разное время лингвистами, отразили своеобразие исторического развития якутского языка, находившегося в длительном контакте с соседними монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Рецензируемая книга представляет собой первый труд, специально посвященный разработке вопросов исторической лексикологии якутского языка.

В современной тюркологии нет, к сожалению, равномерности в изучении различных уровней тюркских языков. Подавляющее большинство ежегодно выходящих из печати трудов по тюркскому языкознанию составляют исследования по фонетике и грамматике, и лишь незначительная часть работ посвящается лексике, на долю же сравнительно-исторической лексикологии их приходится совсем немного.

Исследователь, берущийся за сравнительно-историческое изучение лексики тюркских языков, сталкивается с немалыми трудностями, главная из которых — отсутствие описательных лексикологических и лексикографических трудов по каждому из современных тюркских языков и тюркских письменных памятников. Так, мы пока еще не располагаем достаточно полными толковыми и переводными словарями по всем тюркским языкам и их диалектам, отсутствуют также сравнительные словари, удов-

летворяющие современным требованиям; до сих пор еще не изучено отношение, в котором находится лексика тюркских памятников, отдаленных от нас на 10—14 столетий, к современным тюркским языкам; нет историко-этимологических словарей тюркских языков и т. д.

Другая сложность заключается в самом объекте исследования сравнительной и сравнительно-исторической лексикологии. Если при сравнительном изучении фонетики и морфологии исследователь оперирует соответственно десятками и сотнями языковых единиц, то при сравнительном исследовании лексики это число уже в несколько сот или тысяч раз превышает указанное количество. Можно поэтому легко представить себе те трудности, которые подстерегают исследователя системных отношений в лексике с охватом материалов всех родственных и контактирующих неродственных языков. В определенной степени именно это является объективной причиной, тормозящей развитие сравнительно-исторических исследований как тюркских, так и нетюркских языков.

В свете сказанного издание труда Н. К. Антонова следует рассматривать как событие, значение которого не ограничивается рамками якутского языкознания.

Когда говорят, что язык представляет собой «кладовую истории народа» — его носителя, то прежде всего имеют в виду именно лексику, чутко реагирующую на все изменения в жизни народа.

Нам представляется плодотворным избранный автором метод исследования истории лексики якутского языка, а именно — по тематическим группам. На основании приведенных в книге материалов можно заключить, что Н. К. Антонов ставил также целью по характерным изменениям названий

* Якутск, 1971.

предметов, явлений и так далее, установить природные условия, в которых жили якуты, их основные занятия, особенности ведения хозяйства, древнейшие верования и т. д. Исследуя на богатом языковом материале тематические группы слов-имен существительных, автор выявляет различные слои лексики, характеризующие исторические взаимоотношения якутского языка с другими языками: монгольским, эвенкийским и др.

Особенностью рецензируемого труда, выгодно отличающей его от других аналогичных работ, является широкое использование в нем не только чисто лингвистических данных, но и — что очень важно — материалов по истории, этнографии, археологии, литературе и фольклору якутского и других тюркоязычных и соседних нетюркских народов. Книга относится к числу комплексных историко-филологических исследований, в которых развитие языка рассматривается в неразрывной связи с историей народа — его носителя, что позволяет автору сделать весьма интересные выводы и предположения исторического характера.

Глава, в которой анализируются имена существительные, обозначающие предметы и понятия, связанные с окружающей природой, убедительно показывает, что эта группа слов в якутском языке состоит из различных ярусов, отражающих изменения природных условий, в которых жили якуты. Исконно тюркскими оказались слова, обозначающие главные понятия: основные ландшафтные названия, характеризующие лесостепную местность с березовыми, ивовыми, тальниковыми деревьями и полынными травами; названия же хвойных деревьев отражают связь якутского языка с территориально наиболее близкими соседними тюркскими языками: тувинским, хакасским, шорским. Все эти слова относятся к древнейшему слою лексики якутского языка. Монгольские и эвенкийские слои вошли в язык как следствие хозяйственного освоения северной таежной природы в тесном соседстве с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими народами. Эта лексика относится к более поздним напластованиям; таковы, например, слова, обозначающие явления, связанные со сменой времен года на Севере, с освоением лесных массивов и хозяйственным использованием хвойных деревьев, а также названия основных кормовых трав.

Главы, посвященные скотоводческой лексике, указывают на исконность всей якутской терминологии по коневодству и получаемым от него мясо-молочным продуктам. Что же касается оленеводческих терминов, в том числе по вычно-верховому оленеводству, по названиям одежды из оленьих шкур, то они отражают связь якутов с сибирскими тюркскими языками. Монгольская терминология по коневодству, по

своему характеру более поздняя, была заимствована, по-видимому, как это подчеркивает Н. К. Антонов, после перехода якутов на новое местожительство на Севере (стр. 33), что привело к контактам якутского языка с бурятским. Значительная часть скотоводческих терминов имеет монгольские параллели, а термины, относящиеся к оседлому скотоводству, почти целиком оказываются монгольскими; немалую долю слов монгольского происхождения составляют названия предметов бычьей упряжи, употреблявшиеся как синонимы исконных слов, что доказывает более позднее проникновение их в якутский язык — в период перехода якутов к оседлому, сходному с монгольским, образу жизни. Влияние монгольской лексики особенно заметно в терминологии, относящейся к оседлому скотоводству.

Интересны выводы автора, сделанные на основании анализа оленеводческих терминов: «...предки якутов оленеводством занимались не изначально, а лишь с приходом в лесную зону. При этом они перенесли исконные термины по верблюдоводству и овцеводству на оленеводство» (стр. 65).

Что касается терминов по рыболовству, то они прошли более сложный, пока еще не совсем ясный для науки, путь формирования.

В том же плане выявления исконно-тюркского, монгольского и эвенкийского слоев лексики проанализированы термины, относящиеся к устройству и убранству жилища. Нам в связи с этим представляется верным следующий вывод автора: перекочевав на холодный север, якуты соответственно усовершенствовали свою юрту, утеплили ее, переняв этот навык у монголоязычных племен.

Большое место занимает в книге анализ терминов, связанных с государственным устройством, большая часть которых, как показывает Н. К. Антонов, представляет собой наименования, относящиеся к родовым организациям, родовому управлению, социальным слоям населения — богачам, воинам, рабам, — а также правовые термины. Монгольскими по происхождению являются в основном названия бедных слоев населения и слуг, что отражает, по всей вероятности, определенное классовое расслоение тюркоязычных и монголоязычных племен. Любопытным является отсутствие в якутском языке ряда терминов, широко употреблявшихся в средневековые почти во всех тюркских языках, а также некоторых распространенных монгольских, буддийских и мусульманских терминов. Это свидетельствует, в частности, о том, что якуты отделились от основной части тюркоязычных народов довольно давно и находились в изоляции от древнеуйгурского, древнекиргизского и монгольского государств Чингисхана со времени орхонских

памятников древнетюркской письменности (VI—VIII вв.).

Заслуживающие внимания и научно обоснованные выводы сделаны и в других разделах работы: «Основы-термины по языческим верованиям», «К вопросу о „плиточных могилах с оленными камнями“».

В кратком заключении к книге автор излагает свои выводы по отдельным вопросам истории якутов. Здесь наибольший интерес вызывают якутско-венгерские лексико-семантические параллели.

Монография Н. К. Антонова, в которой собран обширный материал по лексике якутского языка, окажется весьма полезной как для дальнейших исследований по исторической лексикологии других тюркских языков, так и для решения общетюркских проблем. Однако книга не свободна и от некоторых недостатков, на которых мы хотим остановиться ниже.

В частности, Н. К. Антонову, как нам кажется, следовало бы, если не решить, то хотя бы поставить некоторые вопросы, непосредственно относящиеся к теме. Например, среди так называемых исконных (тюркских) основ можно было бы выделить общетюркские, ареальные и относящиеся только к якутскому языку, что позволило бы точнее определить место якутского языка среди других тюркских языков в соответствии с его лексическими особенностями. Кстати, в этом «исконном» слое лексики имеется немало тюрко-монгольских параллелей, которые автор считает тюркскими заимствованиями в монгольских языках (см. стр. 11, 13, 14, 17 и многие другие). При этом Н. К. Антонов не объясняет читателю, что послужило основанием для подобных выводов. Как известно, вопрос о тюрко-монгольских лексических параллелях, так же как и фонетико-морфологических соответствиях, весьма сложен, и автору следовало бы высказать свою точку зрения на алтайскую теорию, а также принципы определения заимствований, особенно древних заимствований тюркского происхождения в монгольских языках и поздних монгольских заимствований в якутском, хотя выводы автора в последнем случае и достаточно убедительны.

Отсутствие в тюркологии методологических принципов определения заимствований часто приводит к неверным суждениям. Так, во многих трудах по тюркским языкам слово *mal* 'скот, имущество, товар'

рассматривается как арабское заимствование. Подобное мнение можно объяснить заблуждением, связанным с преувеличением роли арабского и персидского влияния в период господства ислама на территории проживания тюркоязычных народов. Анализ же слова *mal* показывает, что, напротив, именно арабы заимствовали его у тюркских народов. Слово это имеется во всех тюркских языках, даже в тех, носители которых не имели контактов с мусульманским миром; оно распространено также в монгольских и во многих других языках, гипотетически причисляемых к алтайским. Наиболее древним значением этого слова, по-видимому, было «лошадь», впоследствии же развилось более обобщенное — «скот». Поскольку важнейшим имуществом скотоводов являлся скот, это слово в дальнейшем приобрело и значения «имущество», «товар». Добавим к этому, что, как показали исследования Г. Дёрфера, многие слова в тюркских языках, ранее рассматривавшиеся как персидские заимствования, на самом деле оказались тюркскими заимствованиями в персидском, вошедшими также и во многие другие соседние языки.

К сожалению, в рецензируемой работе фонетическим соответствиям и закономерностям не уделено должного внимания, поэтому у читателя порой возникают сомнения в правомерности сопоставления приводимых слов (см., например, сопоставление *čigitčü*—*tuγipčü* на стр. 43).

Следует также отметить, что богатейший языковой материал, собранный исследователем, мог бы послужить основой для более широких выводов; главным образом это относится к разделам, в которых анализируются якутские термины, связанные с государственным устройством и жилищем.

Некоторые выводы относительно хронологии формирования тех или иных групп терминов, на наш взгляд, нуждаются в дополнительной аргументации (см., например, стр. 28); якутско-венгерские лексические параллели требуют тщательной проверки их фонетических и семантических соответствий с учетом данных других языков.

Наши замечания и пожелания несколько не умаляют ценности книги Н. К. Антонова, являющейся важным вкладом не только в якутское языкознание, но и в тюркологию в целом.

К. М. Мусаев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВЫЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В АНКАРЕ

27—29 сентября 1972 г. в Анкаре состоялся I Тюркологический съезд, посвященный 40-летию Турецкого лингвистического общества («Türk Dil Kurumu»—TDK) и 900-летию «Дивана» Махмуда Кашгари.

В работе съезда приняли участие ученые из различных стран мира, в том числе и из Советского Союза. В числе советских участников были: А. Н. Кононов, М. Ш. Ширалиев, С. К. Кенесбаев, Э. Р. Тенишев, Э. В. Севортян, Л. А. Покровская, А. З. Абдуллаев, М. З. Закиев, А. Ахундов, Ф. Р. Зейналов, Р. Юсипова и Э. И. Фазылов. Советские ученые выступили с рядом докладов и сообщений, с интересом встреченных участниками съезда.

В докладе А. Н. Кононова «Изучение „Дивану лугат-ит-түрк“ Махмуда Кашгарского в Советском Союзе»* был дан содержательный обзор истории изучения «Дивана» Махмуда Кашгари в Советском Союзе.

Важной проблеме сложных слов был посвящен доклад М. Ш. Ширалиева «Предложение-слово», в котором анализировались предложения, перешедшие в слова. На большом фактическом материале была рассмотрена структура сложных слов, определено их место в системе словообразования тюркских языков и установлена закономерность образования сложных слов из предложений.

В докладе С. К. Кенесбаева «Об использовании собственных имен в казахском языке в нарицательном значении»* был дан обзор семантических сдвигов, связанных с переходом имени собственного в имя нарицательное.

Э. И. Фазылов в докладе «Опыт сопоставительного исследования изданий „Дивана“ Махмуда Кашгари» подробно остановился на особенностях изданий «Дивана»

Махмуда Кашгари, принадлежащих К. Брокельману, Б. Аталаю и С. Муталлибову. На основе их сравнения докладчик установил количество слов и словосочетаний в каждом из них, расхождения в переводе, транскрипции и т. д.**

С докладом «Роль „Дивану лугат-ит-тюрк“ в исследовании истории формирования структуры тюркского предложения» выступил М. З. Закиев. На основе анализа материала «Дивана» Махмуда Кашгари автор пришел к выводу, что в тюркских языках не только синтетическая модель сложноподчиненных предложений, но и основные варианты аналитических моделей являются праалтайскими или исконно тюркскими и лишь некоторые из них развились под влиянием соседних языков на основе преобразования праалтайских моделей.

С большим вниманием были выслушаны выступления и других советских ученых: Э. Р. Тенишева «Говор урумов села Прасковеевки»*, Э. В. Севортяна «Выпадение согласных в начале слова в тюркских языках», Ф. Р. Зейналова «К проблеме сложных слов в современных тюркских языках», Л. А. Покровской «Некоторые особенности структуры слова в гагаузском и балкано-турецком языках», А. З. Абдуллаева «О развитии сложноподчиненных предложений в тюркских языках», А. Ахундова «О некоторых закономерностях слога в фонетической системе азербайджанского языка», Р. Юсиповой «Неологизмы в турецком языке и способы их образования».

Доклад Э. Триярского (Польша) был посвящен неисследованной кыпчакской рукописи XVI в., написанной армянским письмом и хранящейся в библиотеке Ягеллона (г. Краков) под номером 3342. В этой руко-

* Тексты докладов, отмеченных одной звездочкой, публикуются в настоящем номере журнала.

** См.: Э. И. Фазылов. Об изданиях и издателях «Дивана» Махмуда Кашгари. — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 140—149.

писи содержатся сведения о названиях знаков Зодиака, названиях дней недели и о различных метеорологических понятиях. Язык ее идентифицируется докладчиком с языком армянских кыпчаков, проживавших на территории Польши.

Оживленную дискуссию вызвал доклад *Джахита Озтели* (Турция) о языковых особенностях «Китаби Дедем Коркут». Ученым в памятнике зафиксировано 2721 слово (32794 словоупотребления), из которых 559 слов арабо-персидского происхождения и 187 собственных имен. Все эти слова отмечены в турецком литературном языке и его диалектах. Архантные слова в произведении не встречаются. В результате анализа лексик докладчик приходит к выводу, что «Китаби Дедем Коркут» создан в XVI в.

В докладе *Широ Хаттори* (Япония) «Место татарского языка среди тюркских языков» были рассмотрены на материале «Дивана» Махмуда Кашгари соответствия гласных болгарского, чувашского, татарского, куманского и турецкого языков, определены их общие и специфические особенности, причем в основу построения системы гласных болгарского языка были положены работы И. Бенцинга и Н. Поппе.

В выступлении *П. Циме* (ГДР) «„Дивану лугат-ит-тюрк“ и турфанские тексты» была дана новая интерпретация ряда слов «Дивана» Махмуда Кашгари. Докладчик на основе турфанских текстов уточнил отдельные места переводов К. Брокельмана и Б. Аталая, в частности *qaus-ı qızaha, at-tāwūs, sauk-ı-l-qatād, as-saqī, an-puxāla* и т. д.

Эвен Ховдхауген (Норвегия) выступил с докладом «Определительные придаточные предложения в турецком языке». Докладчик проанализировал различные типы определительных придаточных предложений, их характерные признаки и способы трансформации, придя к заключению, что следует различать определительные придаточные предложения, допускающие трансформацию субституции, осуществляемую при помощи причастных форм, и придаточные предложения с трансформацией внутреннего преобразования.

В докладе «Примеры использования операторов для исследования текста» *А. Третьяков* (Франция) говорила об исследовании языка памятника «Кутадгу билиг» на ЭВМ IBM 369/91. Докладчиком получены алфавитный, частотный и инверсный словари памятника, изучена система аффиксов и фонетический строй языка «Кутадгу билиг».

На этимологии некоторых имен, отмеченных в языке памятников XIII в., остановился *Самих Тезджан* (Турция) в докладе «Некоторые тюркские имена в языке памятников XIII в.». Докладчик внес уточнения в чтение и толкование тибетских имен, данных П. Пеллио.

Зейнаб Коркмаз (Турция) в докладе «Огузские элементы в древнетюркском языке» проинформировала о проведенном ею исследовании огузских элементов в языке

древнетюркских и средневековых тюркских памятников.

Георг Хазаи (Венгрия) в выступлении «Некоторые вопросы исследования „Дивану лугат-ит-тюрк“» охарактеризовал роль труды восточных филологов в истории языкознания и говорил о связи «Дивана» с другими филологическими трактатами средневековья.

На заседаниях съезда были прочитаны содержательные и интересные доклады *Садеттина Булчу* «Особенности диалекта мандели (Ирак)», *Сигрида Клейнмишела* «Некоторые результаты исследований рукописи „Марзубаннаме“, хранящейся в Берлинской государственной библиотеке», *Хазибе Мазыоглу* «О детских писателях», *Хасана Калешу* «Турецкие аффиксы в албанском языке», *Хасана Бижари* «Будапештская рукопись „Сулейманнаме“», *Марии Дюканович* «Сербские слова в текстах османских законов XV—XVI вв.», *Догана Нажи Акжана* «Вопросы синонимии и использования синонимов в закреплении архаизмов в турецком письменном языке», *Лайоша Беше* «Турецко-монгольские языковые отношения», *Хасана Ерена* «Цельность в языке», *Жужы Кокук* «Османские элементы в языке египтян», *Вежиха Хатыбоглу* «Агаç и „i“, *Абдулкадира Карахана* «Харнаме Молла Лютфи и чисто турецкая проза XV в.», *Славолюба Джинджича* «Адаптация французских слов в турецком языке», *Эмиля Боева* «Гармония согласных в турецком языке болгар», *Невзата М. Юсуфа* «Статистические сведения о фонологии современного турецкого языка», *Ларса Ехансона* «О функциях глагольных предложений», *Иштвана Мэндоки* «Основные куманские элементы в большом и малом куманских говорах», *Джоза Фенера* «Остатки турецкого гончарного и меднического искусства в Египте», *Саадат Чагатай* «Слова, выражающие понятия божества в „Дивану лугат-ит-тюрк“», *А. Дилачара* «Три глагольных аффикса турецко-караханидских языков», *Ибена Рапхаела Мейера* «Примечания и огласовка в Словаре Махмуда Кашгари», *Хамита З. Кошай* «Термины, связанные с духовной культурой, в „Divanü Lugat-it-Türk“».

Хотелось бы отметить большие заслуги проф. Маджита Кёкберга, Омера Асима Аксоя, А. Дилачара, Хасана Ирена и других турецких коллег в организации и успешном проведении этого важного тюркологического форума.

В связи с тем, что Первый тюркологический съезд в Анкаре был посвящен, как было отмечено выше, также и 40-летию Турецкого лингвистического общества, было бы, по-видимому, не лишне остановиться на его деятельности несколько подробнее. Думается, что это будет небезынтересно для читателей журнала.

Турецкое лингвистическое общество было создано в 1932 г. основателем Турецкой республики Мустафой Кемалем Ататюрком,

принимавшим, как известно, деятельное участие и в языковом строительстве в Турции.

За 40 лет своего существования ТДК проделало большую и плодотворную научно-исследовательскую, организационную и популяризаторскую работу. К числу наиболее важных достижений Общества следует отнести лексикологические и диалектологические штудии. В области исторической лексикологии отметим четырехтомный «Исторический словарь турецкого языка XIII—XIV вв.», опубликованный в 1943—1953 гг.¹, охвативший лексику 160 литературных памятников средневековья. Данный словарь впоследствии был дополнен новыми материалами (число памятников было доведено до 227), значительно улучшен, исправлен и подготовлен к печати уже в 8-ми томах. Первые шесть томов его вышли в свет². В их издании приняли участие известные турецкие лингвисты и филологи: Омер Асим Аксой, Мухаррем Эргин, Дехри Дельчин и др.

Значительное внимание ТДК уделяет также повсеместному сбору диалектной лексики, исследованию отдельных говоров и наречий и их монографическому описанию.

Специальным правительственным решением от 21 ноября 1932 г. была создана большая сеть корреспондентских пунктов, в работе которых приняли участие служащие административных учреждений, учителя, учащиеся старших классов и другие, занимавшиеся сбором диалектной лексики по всей Турции. В результате был собран материал для диалектологического словаря, шесть томов которого были изданы в 1939—1957 гг. В издании принимали участие Наим Онат, Саим Назым Урлюкташыр, Хамид Зюбейр, Исхак Рефет и Орхан Айдын³.

С 1952 г. начался сбор материалов для нового диалектологического словаря, который предполагается выпустить в 13 томах. Шесть томов и этого словаря уже изданы⁴. Работой над диалектологическим и историческим словарями руководит Омер Асим Аксой.

Большая работа проделана по составлению толкового словаря турецкого языка. Первое издание данного словаря вышло в 1945 г.⁵ Работой руководил Мехмет Али Агакай. В дальнейшем словарь неоднократно дополнялся, частично вносились изменения в лексический состав, уточнялись значения отдельных слов и идиом⁶ с привлечением материалов из более чем 300 художественных произведений, газет и журналов.

Особое внимание ТДК уделялось разработке терминологических словарей.

Немаловажное значение имеют фундаментальные труды ТДК, посвященные переводам и исследованию восточных филологических трактатов XI—XVIII вв.: Махмуда Кашгари, Абу Хайяна, Мехдихана и др.⁷ Следует также упомянуть издания литературных памятников: «Кутадгу билиг», «Китаби Дедем Коркут»; произведений Алишера Навои, «Шеджере-и Теракиме», «Диван Шайхи», «Диван Бурханетдина Каади», «Юсуф и Залийха», «Атебет-ул-хакайик»,

«Гулистон бит-турки», «Василет-ун-неджат», «Нехдж-ул-фарадис», «Мантик-ут-тайр» и т. д.⁸

Плодотворная работа ведется в области исследования языка древних и средневековых тюркских письменных памятников⁹.

Широко известны изданные ТДК тюркологические сборники, в частности, посвященные творчеству Ж. Дени, Ю. Немета¹⁰.

Со дня основания ТДК значительное место в его публикациях заняли исследования по теории языка, а также работы, в которых рассматривалось место турецкого языка среди других языков, его генетическая связь с индоевропейскими, семито-хамитскими, ура-ло-алтайскими и другими языками¹¹.

ТДК занимается также изданием произведений турецкого фольклора: сказок, легенд, песен, дастанов, частушек, поговорок, пословиц и т. д.¹²

Ряд трудов посвящен проблемам литературоведения, исследованию литературного процесса, вопросам стилистики и становления орфоэпических норм¹³.

Значительное число публикаций ТДК посвящено исследованию строя турецкого языка, его фонологии, морфологии, словообразованию и синтаксису¹⁴.

Систематически ведется большая популяризаторская работа, публикуются содержательные труды об известных тюркологах¹⁵.

Для ознакомления своих читателей с работами зарубежных ученых ТДК публикует полные переводы или резюме их работ. Так, изданы труды Э. К. Пекарского, К. К. Юдахина¹⁶, а также статьи Е. Э. Бертельса, А. Н. Самойловича, А. А. Ромаскевича, В. М. Жирмунского, А. Н. Кононова, А. К. Боровкова, М. Ш. Ширалнева, А. Н. Болдырева, Э. В. Севортяна и др.

Всего за время существования ТДК издано 365 книг, брошюр, сборников и т. д.¹⁷

С апреля 1933 г. выходит ежемесячный журнал «Türk Dili» («Турецкий язык»), являющийся основным печатным органом ТДК, в котором излагаются принципы и положения языковой политики, разъясняются цели и задачи Общества.

На страницах журнала печатаются литературоведческие, языковедческие и искусствоведческие статьи, посвященные проблемам фонетики, лексики, орфоэпии, орфографии, диалектологии, лексикологии, морфологии, синтаксиса, этимологии, ономастики, сравнительного языкознания, исторической грамматики, а также языку письменных памятников прошлого, произведениям классиков турецкой литературы, проблемам литературной критики, театра, кино, драматургии и фольклора, персоналии видных лингвистов-тюркологов как турецких, так и иностранных, и т. д. Со дня основания журнала вышло в свет 246 номеров.

С 1953 г. начал издаваться специальный ежегодник «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten»¹⁸.

ТДК располагает богатой библиотекой, в которой представлена вся важнейшая мировая периодика по языкознанию, книги по са-

мым различным языкам мира, труды крупнейших языковедов прошлого.

На свои съезды, проводимые каждые три года в начале июля, ТДК приглашает ученых из разных стран. На съездах обсуждаются сообщения по различным вопросам турецкого и тюркского языкознания и литературоведения, а также отчеты правления и других выборных органов Общества¹⁹.

В заключение хотелось бы отметить, что за 40 лет существования ТДК обязанности

его президентов и генеральных секретарей выполняли: Самих Рифат (1874—1932), Рушан Эшрет Унайдын (1892—1959), Якуп Кадри Караосманоглу, Желал Сахир Ерозан (1883—1935), Сафвет Арикан (1888—1947), Хакки Тарих Ус (1889—1956), Тахсин Бангуоглу (1904), Агах Сири Левенд (1894), Гюндюз Акшнер (1914), Маджит Гекберг, Омер Асим Аксой.

Э. И. Фазылов

¹ *Omer Asim Aksoy — Dehri Dilçin* (Düzenl.): *Tanıklarıyle Tarama Sözlüğü I*. İstanbul, 1943; *Türk Dil Kurumu: Örneklerle Tarama Sözlüğü Denemesi. Türk Kamusu Hazırlıklarından*. İstanbul, 1942; *Omer Asim Aksoy — Dehri Dilçin* (Düzenl.): *Tanıklarıyle Tarama Sözlüğü II*. (A—1). İstanbul, 1945; *Omer Asim Aksoy — Dehri Dilçin* (Düzenl.): *Tanıklarıyle Tarama Sözlüğü II/2* (K—Z). Ankara, 1953; *Omer Asim Aksoy — Dehri Dilçin* (Düzenl.): *Tanıklarıyle Tarama Sözlüğü III*. Ankara, 1964; *Omer Asim Aksoy — Dehri Dilçin* (Düzenl.): *Tanıklarıyle Tarama Sözlüğü IV*. Ankara, 1957.

² *Omer Asim Aksoy — Dehri Dilçin* (Düzenl.): *Tarama Sözlüğü I—VI*. Ankara, 1963—1972.

³ *Türk Dil Kurumu: Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi 1* (A—D). İstanbul, 1939; *Türk Dil Kurumu: Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi 2* (E—K). İstanbul, 1940; *Türk Dil Kurumu: Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi 3*. c. (L—Z). İstanbul, 1942; *Türk Dil Kurumu: Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi 4*. c. *Ulama* (A—Z). İstanbul, 1949; *Türk Dil Kurumu: Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi*. 6. c. *Folklor Sözleri*. Ankara, 1952; *Türk Dil Kurumu: Türkiye'de Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi V*. *İndeks*. Ankara, 1957.

⁴ *Omer Asim Aksoy* (Yöneten): *Derleme Sözlüğü I* (A). Ankara, 1963; *Omer Asim Aksoy* (Yöneten): *Derleme Sözlüğü II* (B). Ankara, 1965; *Omer Asim Aksoy* (Yöneten): *Derleme Sözlüğü III* (C—Ç). Ankara, 1968; *Omer Asim Aksoy* (Yöneten): *Derleme Sözlüğü IV* (D). *Haz.: Emel Vardarlı*. Ankara, 1969; *Omer Asim Aksoy* (Yöneten): *Derleme Sözlüğü V* (E—F). *Haz.: Güneş Bayraktaroglu*. Ankara, 1972; *Omer Asim Aksoy* (Yöneten): *Derleme Sözlüğü VI* (G). Ankara, 1972.

⁵ *Türk Dil Kurumu: Türkçe Sözlük*. İstanbul, 1945.

⁶ *Mehmet Ali Agakay* (Haz.): *Türkçe Sözlük*, Genişl. 2. bs. Ankara, 1955; *Mehmet Ali Agakay* (Haz.): *Türkçe Sözlük*, 3 bs. Ankara, 1958; *Mehmet Ali Agakay* (Haz.): *Türkçe Sözlük*, 4 bs. Ankara, 1966; *Mehmet Ali Agakay* (Haz.): *Türkçe Sözlük*, 5 bs. Ankara, 1969.

⁷ *Türk Dil Kurumu: Osmanlıcadan Türkçeye Söz Kaşılıkları Tarama Dergisi II*. *Türkçeden Osmanlıcaya İndeks*. İstanbul, 1934; *Abdullah Battal Taymas: İbnü-Mühenna* *Lugati* (İstanbul nüshasının türkçe bölümünün indeksidir). İstanbul, 1934; *Velet İzbudak: El-İdrak Haşiyesi*. İstanbul, 1936; *Kaşgarlı Mahmut: Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi I*. Çev.: Besim Atalay. Ankara, 1939; *Kaşgarlı Mahmut: Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi II*. Çev.: Besim Atalay. Ankara, 1940; *Kaşgarlı Mahmut: Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi III*. Çev.: Besim Atalay. Ankara, 1941; *Kaşgarlı Mahmut: Divanü Lugat-it-Türk Tıpkıbasımı* (Faksimile). Ankara, 1941; *Besim Atalay: Divanü Lugat-it-Türk Dizini*. Ankara, 1943; *Besim Atalay: Eş-Şüzur-üz-Zehbiyye ve-l-Kitail-Ahmediyye Fi-l-Lugat-it-Türkiyye*. İstanbul, 1945; *Molla Salih: Eş-Şüzur-üz-Zehbiyye ve-l-Kitail-Ahmediyye Fi-l-Lugat-it-Türkiyye*. Çev.: Besim Atalay. İstanbul, 1949; *Mirza Mehdi Mehmet Han: Seng-lah. Lugat-i Nevai*. Yay.: Besim Atalay. İstanbul, 1950; *Dehri Dilçin* (Haz.) *Arap Alfabesine Göre Divanü Lugat-it-Türk Dizini*. Ankara, 1957.

⁸ *Ahmet Cevat Emre: Söztüretme Kuralları Hakkında Yeni Bir Anket. Ekler* *Lugatçesi I*. İstanbul, 1934; *Ebülgazi Bahadır Han: Şecer-i Terakime*. Tıpkıbasım. İstanbul, 1937; *Ali Şir Nevai: Muhakemet-ül-lugateyn*. Çev.: İshak Refet İşıtman. Ankara, 1941; *Yusuf Has Hacib: Kutadgu Bilig I*. İstanbul, 1942; *Şeyhi: Şeyhi Divanı. Tarama Sözlüğü ve Nüsha Farkları*. İşl.: Ali Canip Yöntem — Ali Nihat Tarlan — Dehri Dilçin. İstanbul, 1942; *Yusuf Has Hacib: Kutadgu Bilig II*. *Fergana Nüshası*. İstanbul, 1942; *Yusuf Has Hacib: Kutadgu Bilig III*. *Misir Nüshası*. İstanbul, 1943; *Kadi Burhanettin: Kadi Burhanettin Divanı I*. İstanbul, 1943; *Şeyyad Hamza: Yusuf ve Zeliha*. İşl.: Dehri Dilçin. İstanbul, 1946; *Talât Onay* (İşl.): *Dastan-ı Ahmet Harami*. İstanbul, 1946; *Bergamalı Kadri: Müeyyiret-ül-ulum*. İstanbul, 1946; *Yusuf Has Hacib: Kutadgu Bilig I*. *Metin İşl.: Reşid Rahmeti Arat*.

Istanbul, 1947; *Sefe-i Sarayi: Gülistan Tercümesi*. Ankara, 1954; *Mahmud b. Ali(?)*: *Nehc-ül-feradis I*. Ankara, 1956; *Gülşehri: Mantik-ut-tayr*. Ankara, 1957; *Doç. Dr. Muharrem Ergin* (İşl.): *Dede Korkut Kitabı I*. Ankara, 1958; *Agah Sırrı Levend: Ali Şir Nevai. I. c.*: Hayatı, Sanatı ve Kişiliği. Ankara, 1965; *Agah Sırrı Levend: Ali Şir Nevai. II. c. Divanlar*. Ankara, 1966; *Agah Sırrı Levend: Ali Şir Nevai. III. c. Hamse*. Ankara, 1967; *Agah Sırrı Levend: Ali Şir Nevai. IV. c. Divanlar ile Hamsa Dışındaki Eserler*. Ankara, 1968.

⁹ К наиболее значительным публикациям в этой области относятся: *A. Von Le Coq: Türkçe Mani Elyazıları I (Manichaika)*. Çev.: Fuat Köseraif. İstanbul, 1936; *Hüseyin Namik Orkun: Eski Türk Yazıtları I*. İstanbul, 1936; *Ahmet Cevat Emre: Sur L'Origine de L'Alphabet Vieux-Turc*. İstanbul, 1938; *Ahmet Cevat Emre: Eski Türk Yazısının Menşei*. İstanbul, 1938; *Türk Dil Kurumu: Huastuanıft. Von Le Coq'un İngilizce Tercümesinden Çev.: Süleyman Himran*. Ankara, 1941; *Hüseyin Namik Orkun: Eski Türk Yazıtları IV*. İstanbul, 1941; *Ahmet Cevat Emre: Ondördüncü Asir Betikleri*. Ankara, 1942; *Ferit Birtek: En Eski Türk Sıvıları*. Divanü Lugat-it-Türk'ten Derlemeler I. Ankara, 1944; *Türk Dil Kurumu: Çaştanı Bey Hikayesi*. Prof. F. W. K. Müller — Dr. A. von Gabain'in Almanca Çevirisinden Türkçeye Çev.: Süleyman Himran. İstanbul, 1945; *Türk Dil Kurumu: Uygurca Üç Hikaye*. Prof. F. W. K. Müller — Dr. A. von Gabain'in Almanca Çevirisinden Türkçeye Çev.: Süleyman Himran. İstanbul, 1946; *Kayahan Erimer (Haz.): Eski Türkçe Göktürk ve Uygur Dili*. Ankara, 1969.

¹⁰ *Janos Eckmann — Agah Sırrı Levend — Mecdut Mansuroglu (Haz.): Jean Deny Armaganı*. Ankara, 1958; *Janos Eckmann — Agah Sırrı Levend — Mecdut Mansuroglu (Haz.): Nemeth Armaganı*. Ankara, 1962.

¹¹ *Prof. Naim Hazim Onat: Arapçanın Türk Diliyle Kuruluşu I*. İstanbul, 1944; *Naim Hazim Onat: Arapçanın Türk Diliyle Kuruluşu II*. İstanbul, 1949; *A. Dilaçar: Dil, Diller ve Dilcilik*. Ankara, 1968; *Ömer Asim Aksoy: Gelişen ve Özleşen Dilimiz*. Genişl. 2. bs. Ankara, 1970; *Türk Dil Kurumu: Alman ve Macar Dillerinde Özleşme*. Ankara, 1972; *A. Dilaçar: Türk Diline Genel Bir Bakış*. Ankara, 1964.

¹² *Velet Izbudak: Atalar Sözü*. İstanbul, 1936; *Dehri Dilçin: Edebiyatımızda Atasözleri I*. İstanbul, 1945; *Ömer Asim Aksoy: Atasözleri ve Deyimler*. Ankara, 1965; *Ömer Asim Aksoy: Atasözleri ve Deyimler*. (Elkitabı). Ankara, 1968; *Abdullah Battal Taymas: Kazan Türkçesinde Atasözleri ve Deyimler. Açıklamalar—Düşünceler—Sözlük—Örnekler—Bir Ek*. Ankara, 1968; *Hikmet Dizdaroglu: Halk Şiirinde Türler*. Ankara, 1969; *Ömer Asim Aksoy: Atasözleri ve Deyimler*. (Elkitabı). 2. bs. Ankara, 1970; *Ali Püsküllüoğlu: Efsaneler*. Ankara, 1971; *Orhan Üral: Üç Destan. Oğuz Kağan, Ergenekon, Köroğlu*. Ankara, 1972; *Ibrahim Zeki Burdurlu: Kendi Bir Karış Sakalı Üç Karış*. Ankara, 1972; *Gülten Akın Cankocak: Maraş'ın ve Ökkeş'in Destanı*. Ankara, 1972; *Bilgin Adalı: Aşık Garip*. Ankara, 1972.

¹³ *Necip Fazıl Kısaküber: Namik Kemal. Şahsi — Eseri — Tesiri*. Ankara, 1940; *Türk Dil Kurumu: Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten, 1953—1967*. Ankara, 1953—1968.

¹⁴ *Besim Atalay: Türkçemizde Men-Man*. İstanbul, 1940; *Besim Atalay: Türk Dilinde Ekler ve Kökler Üzerine Bir Deneme*. İstanbul, 1941; *Ahmet Cevat Emre: Türkçede İsim Temelleri. Mukayeseli Türk Gramerine Hazırlık İrdelemeleri*. İstanbul, 1943; *Agah Sırrı Levend: Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Safhaları*. Ankara, 1949; *Agah Sırrı Levend: Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Evreleri*. 2. bs. Ankara, 1960; *Hikmet Dizdaroglu: Türkçede Fiiller*. Ankara, 1963; *Agah Sırrı Levend: Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Evreleri*. 3. bs. Ankara, 1972; *Prof. Dr. Vecihe Hatiboğlu: Türkçenin Sözdizimi*. Ankara, 1972; *Tahsin Banguoğlu: Türk Grameri I. Bölüm. Sesbilgisi*. Ankara, 1959; *Hamit Z. Koşar — Orhan Aydın: Anadilden Derlemeler II*. Ankara, 1952; *Ahmet Cevat Emre: Türk Dilbilgisi*. İstanbul, 1945.

¹⁵ *M. Şakir Ulkutaşir: Cevdet Paşa. Hayatı, Şahsiyeti, Eserleri*. Ankara, 1945; *M. Şakir Ulkutaşir: Büyük Türk Dilçisi Kaşgarlı Mahmut*. İstanbul, 1946; *Agah Sırrı Levend: Şemsettin Sami*. Ankara, 1969; *M. Şakir Ulkutaşir: Kaşgarlı Mahmut*. Ankara, 1962; *Hikmet Dizdaroglu — Nurullah Ataç — Sami N. Özerdim: Ataç. Ataç Üzerine. Söyleşiler. Nurullah Ataç Bibliyografyası*. Ankara, 1962; *Cevdet Kudret: Ahmet Mithat*. Ankara, 1962; *Cevdet Kudret: Ziya Gökalp*. Ankara, 1963; *Mehmet Ali Akakay: Atatürk'ten 20 Ani*. Ankara, 1963; *Enver Hacı Göksen: Mehmet Emin Yurdakul*. Ankara, 1963; *Agah Sırrı Levend: Hüseyin Rahmi Gürpınar*. Ankara, 1964; *Hikmet Dizdaroglu: Müftüoğlu Ahmet Hikmet*. Ankara, 1964; *Agah Sırrı Levend: Ahmet Rasim*. Ankara, 1965; *Sevim Güray: Ahmet Vefik Paşa*. Ankara, 1966; *Türk Dil Kurumu: Ölümünün 10. Yıldönümünde Ataç'ı Anış*. Ankara, 1968.

¹⁶ *Prof. K. K. Yudahin: Kırgız Sözlüğü. I. c. (A—J)*. Çev.: Abdullah Battal Taymas. Ankara, 1945; *Prof. K. K. Yudahin: Kırgız Sözlüğü. II (K—Z)*. Çev.: Abdullah Battal Taymas. İstanbul, 1948; *E. K. Pekarskiy: Yakut Dili Sözlüğü I. c. (A—M)*, İstanbul, 1945.

¹⁷ *Türk Dil Kurumu Yayınları 1932—1972 (40. Yıl)*. Ankara, 1972.

¹⁸ *Türk Dil Kurumu: Türk Dili Bibliyografyası 1928—1940*. İstanbul, 1941; *Türk Dil Kurumu: Türk Dili Bibliyografyası, 1941*. İstanbul, 1942; *Türk Dil Kurumu: Türk Dili Bibliyografyası 1942*. İstanbul, 1943; *Türk Dil Kurumu: Türk Dili Bibliyografyası 1943*. İstanbul, 1945; *Türk Dil Kurumu: Türk Dil Kurumu Çalışmaları (1932—1966)*. XI. Dil Kurultayına Sunulan.

Ankara, 1966; Türk Dil Kurumu: Türk Dil Kurumu Çalışmaları 1966—69. Ankara, 1969; Türk Dil Kurumu: Türk Dil Kurumu Yayınları 1933—1972. Ankara, 1972.

¹⁹ Türk Dil Kurumu: Birinci Türk Dil Kurultayı, 1932. Tezler, Müzakere Zabıtları. İstanbul, 1933; *Ruşen Eşref Unaydin*: Türk Tetkik Cemiyeti Kurulduğundan İlk Kurultaya Kadar Hatıralar. Ankara, 1933; Türk Dil Kurumu: Üçüncü Türk Dil Kurultayı 1936. Tezler, Müzakere Zabıtları. İstanbul, 1937; Türk Dil Kurumu: Dördüncü Türk Dil Kurultayı 1942. Toplantı Tutulmaları, Tezler. İstanbul, 1943; Türk Dil Kurumu: Beşinci Türk Dil Kurultayı 1945. Birleşimler, Tutanaklar, Tezler. İstanbul, 1946; Türk Dil Kurumu: Altıncı Türk Dil Kurultayı 1949. Birleşimler, Tutanaklar. Ankara, 1950; Türk Dil Kurumu: Yedinci Türk Dil Kurultayı 1954. Ankara, 1955; Türk Dil Kurumu: Sekizinci Türk Dil Kurultayı 1957. Ankara, 1958; Türk Dil Kurumu: Dokuzuncu Türk Dil Kurultayı 1960. Ankara, 1961; Türk Dil Kurultayı: Onuncu Türk Dil Kurultayı 1963. Ankara, 1964; Türk Dil Kurumu: Onbirinci Türk Dil Kurultayı 1966. Ankara, 1967; Türk Dil Kurumu: Onikinci Türk Dil Kurultayı 1969. Ankara, 1970.

ХРОНИКА

«ЯЗЫК УЙГУРОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЙГУРСКИХ И УЗБЕКСКИХ ДИАЛЕКТОВ»

19 декабря 1972 года на заседании Объединенного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук старшим научным сотрудником отдела уйгуроведения Института языкознания АН Казахской ССР **Гожахметом Садвакасовичем Садвакасовым**. Тема диссертации: «Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов».

Изучением живого разговорного языка современных уйгуров занимались как отечественные, так и зарубежные востоковеды. В распоряжении тюркологов имеются очень ценные фольклорно-лингвистические материалы из различных районов Восточного Туркестана (ныне Синьцзян — уйгурский автономный район КНР). Что касается говоров советских уйгуров, то они до последнего времени оставались вне поля зрения тюркологов. Между тем трудно представить уйгурскую диалектологию без данных по языку уйгуров Советского Союза: лингвистические записи, сделанные в Восточном Туркестане, уже не могут дать полного представления о языке советских уйгуров, развивающемся в настоящее время самостоятельным путем.

В диссертации нашли освещение основные тенденции развития ферганского говора в области фонетики, морфологии и лексики. Несомненная заслуга автора заключается в том, что он впервые в уйгуроведении дал полное описание ферганского говора, убедительно доказал самостоятельность этой диалектной единицы, определил место данного говора в классификационной системе уйгурских диалектов, установил степень его участия в формировании фоне-

тических и лексико-грамматических норм литературного языка советских уйгуров. На соответствующем научно-теоретическом уровне исследован не менее важный вопрос о взаимодействии диалектов уйгурского и узбекского языков, что проливает свет на историю образования как ферганского говора уйгурского языка, так и узбекских говоров ташкентско-ферганского типа.

В диссертации применен в основном синхронный метод изучения языковых фактов, при определенном использовании и сравнительного метода. В необходимых случаях диссертант привлекал также материал по истории языка.

В основу исследования Г. С. Садвакасова легли диалектные материалы, собранные самим автором во время четырех поездок к уйгурам Ферганской долины (1961—1970 гг.).

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. Э. Р. Тенишев, член-корреспондент АН Узбекской ССР, д-р филол. наук, проф. Ш. Ш. Шаабдурахманов, заслуженный деятель науки Казахской ССР, д-р филол. наук А. К. Хасенова, а также выступившие на защите член-корреспондент АН Казахской ССР, д-р филол. наук, проф. А. Т. Кайдаров, д-р филол. наук А. Т. Тажибаяв, канд. филол. наук Т. Талипов и другие дали высокую оценку диссертационной работе Г. С. Садвакасова, подчеркнув важное научное и практическое значение этого исследования.

Члены Ученого совета единогласно приняли решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Г. С. Садвакасову ученой степени доктора филологических наук.

О. Джамалдинов

«СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ»

25 января 1973 г. на заседании Ученого совета Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук младшим научным сотрудником сектора социальной лингвистики Института языкознания АН СССР Александром Николаевичем Баскаковым на тему «Структурные типы словосочетаний и предложений в современном турецком языке».

А. Н. Баскаков уже более пятнадцати лет наряду с исследованием лексики, терминологии и социологии турецкого языка занимается также различными проблемами его синтаксиса.

В диссертации на материале современного турецкого языка разработаны системы структурных моделей основных синтаксических единиц — словосочетаний и предложений на основе их лексико-семантических, морфологических и синтактико-функциональных признаков. Диссертантом установлены развернутые схемы продуктивных структурно-синтаксических типов простых и сложных словосочетаний и предложений в турецком языке, которые в своей основе соответствуют моделям аналогичных синтаксических конструкций в ряде родственных тюркских языков.

Работа состоит из «Введения», посвященного истории разработки и теоретическим вопросам учения о словосочетании и предложении, и двух частей: «Словосочетание» и «Предложение». Первая часть включает три главы: «Общие теоретические сведения о структуре словосочетаний», «Структурные типы простых словосочетаний», «Структурные типы сложных словосочетаний». Вторая часть также содержит три главы: «Общие теоретические сведения о структуре предложения», «Структур-

ные типы простых предложений», «Структурно-семантические типы сложных предложений».

Исследование словосочетаний проводится автором работы в органической связи структурно-грамматического и функционально-семантического планов; предложения как коммуникативные единицы исследуются как в плане выражения — по структурно-синтаксическим свойствам и лексико-грамматическим особенностям конституирующих их членов, так и в плане содержания — по их модальным, лексико-семантическим свойствам, а также по характеру грамматических отношений между компонентами сложного предложения.

Диссертация А. Н. Баскакова представляет, по общему мнению выступавших, значительный теоретический интерес для лингвистов-тюркологов, занимающихся проблемами синхронного изучения синтаксического строя современных тюркских языков.

Выступавшие на защите официальными оппонентами член-корреспондент АН СССР проф. А. Н. Кононов, академик АН Азербайджанской ССР проф. М. Ш. Ширалиев, д-р филол. наук, проф. С. Н. Иванов дали высокую оценку исследованию А. Н. Баскакова, отметив, что диссертантом изучен большой и тщательно систематизированный материал, обстоятельно разработаны важнейшие вопросы турецкого синтаксиса. По мнению оппонентов, диссертация является крупным вкладом в дело разработки одного из наименее изученных разделов турецкой грамматики — синтаксиса и имеет, безусловно, общетюркологическое значение.

Ученый совет Восточного факультета ЛГУ проголосовал за присуждение А. Н. Баскакову ученой степени доктора филологических наук.

В. Г. Гузев

НЕКРОЛОГ

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ДУЛЬЗОН

15 января 1973 года скончался выдающийся исследователь языков, культуры и истории народов Сибири, профессор Томского государственного педагогического института им. Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии СССР Андрей Петрович Дульзон.

А. П. Дульзон родился 9 февраля 1900 года в селе Краснополье Саратовской области. В 1917 году А. П. Дульзон сдал экстерном экзамены на звание народного учителя, и с этого времени вся его трудовая деятельность связана с народным просвещением. С 1923 года А. П. Дульзон работал инспектором народного образования в г. Энгельсе. В этот период он отдаст много времени археологическим раскопкам скифо-сарматских курганов Заволжья. Материалы экспедиций, по сей день хранящиеся в музеях Саратова, Энгельса и других городов, были обобщены им в многочисленных публикациях.

В дальнейшем А. П. Дульзон учится в Саратовском университете, преподает там же на рабфаке, одновременно занимаясь диалектографией. Итогом его диалектологических и археологических исследований явилась защита в 1938 г. кандидатской, а вслед за ней в 1939 году и докторской диссертаций.

Последующие три десятилетия научной деятельности А. П. Дульзона связаны с Томским педагогическим институтом. Им создано 17 учебников для школ и около двадцати работ по методике преподавания. Около 150 работ А. П. Дульзона опубликовано и свыше 50 хранится в архивах.

Начиная с сороковых годов ученый занимается проблемой этногенеза народов Сибири. Он создает при Томском пединституте крупный научный центр по изучению проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков.

В процессе разработки вопросов этногенеза и взаимодействия языков древних

аборигенов Сибири А. П. Дульзон изучил и описал языки чулымских и нижнетомских тюрков, кетов, селькупов.

Большую ценность для тюркологии представляют работы А. П. Дульзона, посвященные языку коренного населения реки Чулым, правого притока Оби — чулымско-тюркскому языку: «Система счета времени у чулымских татар», «Чулымские татары и их язык», «Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар», «Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья», «О происхождении чулымско-тюркского языка», «Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола», «Чулымско-тюркский язык». В этих работах собран уникальный материал по совершенно не изученному чулымско-тюркскому языку, сохранившему реликтовые явления в фонетике, морфологии, лексике, что, несомненно, представляет интерес для срав-

нительно-исторического изучения тюркских языков.

Громадная эрудиция, совершенное владение сравнительно-историческим методом исследования, знание 40 языков — все это позволило А. П. Дульзону, основываясь на данных близко- и отдаленнородственных языков, вплотную подойти к решению сложных проблем сравнительно-исторической тюркологии. Здесь следует упомянуть следующие работы А. П. Дульзона: «О связях енисейских языков с тюркскими», «Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими», «Гипотеза об отдаленном родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими», «О приемах установления отдаленного языкового родства», «Падежные формы тюркских глагольных имен в функции предиката», «Кетско-тюркские параллели в области склонения», «Отражение древних глагольных форм состояния в урало-алтайских языках», «Пратюркские форманты глагольного лица», «Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков», «Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернатив» (рукопись) и др.

По признанию А. П. Дульзона, основной труд всей его жизни — это монография «Кетский язык», за которую он был удостоен в 1971 г. Государственной премии СССР. Присуждение этой премии явилось достойным признанием заслуг выдающегося ученого.

Исследование ученым древних языков коренного сибирского населения сопровождалось изучением топонимии Сибири и созданием картотеки топонимов и языков, насчитывающей в настоящее время свыше 400000 карточек и представляющей собой

исключительную научную ценность. Вместе с картотеккой топонимов и языков хранятся около 150 томов полевых записей (каждый из которых содержит по 700 страниц), сделанных А. П. Дульзоном и его учениками. А. П. Дульзон занимался исследованием чувлымско-тюркского, шорского, алтайского, тувинского, долганского, селькупского, кетского, нганасанского, ненецкого, энецкого, эвенкийского языков, будучи одновременно и специалистом в области германского языкознания. Его вклад в лингвистическую науку признан учеными не только нашей страны, но и зарубежными. Он был членом-корреспондентом общества финно-угроведения в Хельсинки, почетным членом Международного комитета по ономастическим наукам.

Много труда вложил А. П. Дульзон и в дело подготовки высококвалифицированных научных кадров. Под его руководством защищено около сорока кандидатских и две докторские диссертации.

Советское правительство высоко оценило научно-педагогическую деятельность А. П. Дульзона. Он был награжден орденами Октябрьской Революции, «Знак почета», значком «Отличник просвещения РСФСР» и медалями.

Профессора А. П. Дульзона отличала большая требовательность к себе, необычайное трудолюбие, энциклопедические знания, беспримерная скромность, простота и доброжелательность. Светлая память об Андрее Петровиче Дульзоне сохранится в сердцах его благодарных учеников, коллег, друзей — всех, кто знал радость общения с ним.

К. Ф. Гриценко, Р. М. Бирюкович

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>А. Н. Кононов</i> (Ленинград). Изучение «Дивану́ лугат ит-түрк» Махмуда Кашгарского в Советском Союзе	3
<i>Г. Ф. Благова</i> (Москва). Строение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению	19
<i>С. П. Иванов</i> (Ленинград). К истолкованию категории принадлежности	26
<i>М. И. Исламов</i> (Баку). Происхождение и структура некоторых сложных форм указательных местоимений	37
<i>Х. Г. Нигматов</i> (Бухара). Залоги глагола в восточно-тюркском языке XI—XII вв.	46

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>В. И. Рассадин</i> (Улан-Удэ). Монгольские заимствования в алтайском языке	62
---	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>И. Татарлы</i> (София). Сабахаттин Али и Ф. М. Достоевский	73
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>З. И. Ямпольский</i> (Баку). Об этнониме «севорднн»	83
--	----

СООБЩЕНИЯ, МАТЕРИАЛЫ, ОБЗОРЫ

<i>С. К. Кенесбаев</i> (Алма-Ата). Об использовании собственных имен в казахском языке в нарицательном значении	87
<i>Э. Р. Тенишев</i> (Москва). Говор урумов села Прасковеевки	92
<i>А. А. Исенгельдина</i> (Алма-Ата). Относительная частотность фонем и артикуляционная база казахского языка	97
<i>М. И. Трофимов</i> (Самарканд). О расширении гласных в современном уйгурском языке	105
<i>Ш. А. Файзуллаева</i> (Ташкент). Об арабско-кыпчакском словаре Джамал ад-дина Абу-Мухаммада Абд Аллаха ат-Турки	109
<i>П. Нурмекунд</i> (Тарту). Об одном рукописном турецком словаре	112
<i>Э. Ховдхауген</i> (Осло). Изучение тюркских языков в Норвегии	117

РЕЦЕНЗИИ

<i>П. И. Кузнецов</i> (Москва). «Русско-турецкий словарь»	118
<i>К. К. Юдахин</i> (Фрунзе), <i>С. Г. Кляшторный</i> (Ленинград). С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи	120

Б. И. Татаринцев (Кызыл). В. И. Рассадну. Фонетика и лексика тофаларского языка	122
З. А. Ахметов (Алма-Ата). «Казахский фольклор в собрании Г. П. Потанина»	127
К. М. Мусеев (Москва). Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка	128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Э. И. Фазылов (Ташкент). Первый тюркологический съезд в Анкаре	131
--	-----

ХРОНИКА

«Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов»	137
«Структурные типы словосочетаний и предложений в современном турецком языке»	138

НЕКРОЛОГ

<u>А. П. Дульзон</u>	139
--------------------------------	-----

* * *

Международная фонетическая транскрипция на основе латинской графики, принятая редакцией журнала «Советская тюркология»

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

A. N. Kononov (Leningrad). Study of «Divanü luğat it-türk» by Mahmud al-Kaşğari in the Soviet Union	3
G. Ph. Blagova (Moscow). Structure of optative mood in the Turkic languages and tendency towards their supernormal complication	10
S. N. Ivanov (Leningrad). Towards interpretation of category of possession	26
M. I. Islanov (Baku). Origin and structure of some complex forms of demonstrative pronouns	37
Kh. G. Nigmatov (Bukhara). Voices of verb in the east-turkic language of the 11—12-th centuries	46

LANGUAGES IN CONTACT

V. I. Rassadin (Ulan-Ude). Mongolian borrowings in the Altai language	62
---	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

I. Tatarly (Sofia). Sabahattin Ali and Ph. M. Dostoyevsky	73
---	----

DISCUSSIONS

Z. I. Yampolsky (Baku). On the ethnonym of «sevordies»	83
--	----

REPORTS, MATERIALS, SURVEYS

S. K. Kenesbayev (Alma-Ata). On usage of Kazakh proper names in common meaning	87
E. R. Tenishev (Moscow). Urums' dialect of Praskoveyevka	92

<i>A. A. Isengeldina</i> (Alma-Ata). Relative frequency of phonemes and articulatory base of the Kazakh language	97
<i>M. I. Trofimov</i> (Samarkand). On broadening of vowels in the modern Uygur language	105
<i>Sh. A. Fayzullayeva</i> (Tashkent). On arab-kypchak dictionary by Jamal ad-din Abu-Muhammad Abd Allah at-Turki	109
<i>P. Nurmehund</i> (Tartu). On a manuscript Turkish dictionary	112
<i>E. Hovdhaugen</i> (Oslo). Study of Turkic languages in Norway	117

REVIEWS

<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). «Russian-Turkish dictionary»	118
<i>K. K. Yudakhin</i> (Frunze), <i>S. G. Klyashtorny</i> (Leningrad), <i>S. M. Abramzon</i> . Kirghises and their ethnogenetic and historic-cultural relations	120
<i>B. I. Tatarintsev</i> (Kyzyl). <i>V. I. Rassadin</i> . Phonetics and lexics of the Tophalar language	122
<i>Z. A. Akhmetov</i> (Alma-Ata). «Kazakh folk-lore in G. N. Potanin's collection»	127
<i>K. M. Musayev</i> (Moscow). <i>N. K. Antonov</i> . Materials on historic lexics of the Yakut language	128

SCIENTIFIC LIFE

<i>E. I. Fazylov</i> (Tashkent). The 1-st Turkological Congress in Ankara	131
---	-----

CHRONICLE

«The language of Uygurs of Fergana valley and problem of interaction of Uygur and Uzbek dialects»	137
«Structural types of word-combinations and sentences in modern Turkish»	138

OBITUARY

A. P. Dulzon	139
-------------------------------	-----

* *
*

Transcription, accepted by the journal

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ
 НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ
 РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

ГЛАСНЫЕ

A a — а
 Ä ä — э
 U u — у
 I i — и
 O o — о
 Ö ö — е
 U ü — ү
 E e — е

СОГЛАСНЫЕ

B b — б	N n — н
ž ž — ч, дж (چ)	P p — п
С с — ц	ng — Н' (ڭ)
^{v v} С с — ч (چ)	ʒ — ж
D d — д	R r — р
F f — ф	S s — с
G g — г	^{v v} S s — ш
G' g' — к (گ)	T t — т
γ γ — ғ (غ)	V v — в
H h — h, х ₁ (ح, ه)	Z z — з
J j — j	^{v v} Z z — ж
K k — ка (ق)	θ θ — җ (ث)
K' k' — ке (ك)	Δ δ — 3 (ذ)
L l — л	X x — х (خ)
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАД БУКВАМИ

- долгота
- ∪ краткость
- ~ носовой
- ' мягкость

1 руб.

Индекс
70927